

№2(51)
2023

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

Редакционный совет:

- С. К. Буряков** (Омская академия МВД России)
Г. В. Короткова (Отдел организации дознания УМВД России по Омской области)
С. В. Марковиченко (Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Омской области)
Т. М. Мартыненко (Следственное управление УМВД России по Омской области)
К. В. Храмов (Арбитражный суд Омской области)

Редакционная коллегия:

- О. И. Бекетов** (Омская академия МВД России)
А. А. Бондаренко — ответственный секретарь (Омская академия МВД России)
В. Н. Борков (Омская академия МВД России)
А. В. Гриненко (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)
В. А. Гусев — главный редактор (Омская академия МВД России)
А. С. Дежнев (Омская академия МВД России)
В. В. Кальницкий (Омская академия МВД России)
В. Ф. Луговик (Омская академия МВД России)
Я. М. Мазунин (Омская академия МВД России)
А. А. Нечепуренко (Омская академия МВД России)
А. В. Павлов (Омская академия МВД России)
Л. А. Пупышева — заместитель главного редактора (Омская академия МВД России)
С. Б. Россинский (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва)
И. Г. Смирнова (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина)
А. Е. Чечетин (Барнаульский юридический институт МВД России)

Редактор О. В. Арефьева
Корректор Л. И. Замуло
Технический редактор М. Ю. Чалкова
Перевод на английский язык Ю. И. Алферова
Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати: Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.
Тел.: (3812) 75-13-04, 75-14-97

Выход в свет 28.12.2023. Тираж 100 экз.
Уч.-изд. л. 8,0. Усл. печ. л. 7,8. Заказ № 318.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна
© Омская академия МВД России, 2023

В НОМЕРЕ

Административное право и административный процесс

- Архаров А. А.* Зарубежный опыт регламентации вопросов управления транспортными средствами иными лицами в случае смерти собственника 3
Водяная М. Ю. Отдельные вопросы взаимодействия органов внутренних дел и организаций здравоохранения в профилактике правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения 7
Ляшук А. В., Исаичева М. М. Административно-правовой статус лиц, помещаемых в центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел 11

Уголовное право

- Белебева М. А.* Возникновение и становление института ответственности за незаконную миграцию в уголовном праве России 15
Елисеев Е. А. Понятие терроризма в уголовном праве России и стран СНГ 19

Уголовный процесс

- Белых Е. А.* Порядок направления следователем представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов 23
Кальницкий В. В., Янина М. Е. Новое нормативное регулирование расследования после истечения срока давности уголовной ответственности 26
Павлов А. В. Обстоятельства, способствовавшие совершению хищений денежных средств при использовании электронных средств платежа и меры по их устранению 31
Ткачева Е. С. Ограничение конституционного права на свободу и личную неприкосновенность при задержании подозреваемого 36
Шин А. К. Реализация права на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела 40

Методика преподавания и рецензирование учебных и научных изданий

- Булатов Б. Б., Николюк В. В., Кальницкий В. В.* Рецензия на учебно-методический комплекс "Уголовный процесс" 43
Кальницкий В. В. Процесс доказывания как учебный вопрос 46

В помощь изучающим уголовный процесс

<i>Бондаренко А. А.</i> Выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении «иных» лиц. Выделение материалов уголовного дела	52
<i>Арсанукаев А. Р., Шумилова Т. Н.</i> Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам.	56

Сведения об авторах	63
Abstracts and Key Words	64
Информация для авторов	67

УДК 342.9

А. А. АРХАРОВ

Зарубежный опыт регламентации вопросов управления транспортными средствами иными лицами в случае смерти собственника

В статье рассматривается отечественный и зарубежный опыт правового регулирования допуска к управлению транспортными средствами после смерти собственника. Автором обращено внимание на значительные отличия нормативной регламентации данного вопроса в Российской Федерации и некоторых зарубежных странах. На основе анализа соответствующих нормативных предписаний констатируется, что в России, независимо от условий договора ОСАГО, касающихся допуска иных лиц к управлению транспортным средством, в случае смерти собственника договор считается недействительным, управление таким транспортным средством невозможно до оформления права собственности и перерегистрации в установленном законодательством порядке.

Ключевые слова: безопасность, дорожное движение, транспортное средство, регистрационный учет

В современных реалиях научное исследование сферы безопасности дорожного движения актуально с точки зрения обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [1, с. 6].

В Российской Федерации одним из основных видов нарушений Правил дорожного движения Российской Федерации (далее — ПДД), ставших причиной дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП), допущенных водителями транспортных средств (далее — ТС), за 9 месяцев 2023 г. является нарушение скоростного режима (18 722, или 22,1% от общего количества ДТП из-за нарушений ПДД водителями)¹.

Одной из сопутствующих причин нарушения скоростного режима является управление ТС, регистрационный учет которого прекращен, что позволяет недобросовестным водителям избежать административной ответственности за правонарушения, зафиксированные средствами фото-, видеофиксации, а также уплаты налогов.

Так, в январе 2023 г. сотрудниками Госавтоинспекции г. Москвы задержано 1743 ТС, регистрационный учет которых прекращен, в том числе 93 ТС, регистрационный учет которых прекращен в связи со смертью собственника².

Государственная регистрация ТС регламентируется Федеральным законом «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон)³.

Осуществляется в целях государственного учета ТС и обеспечения исполнения законодательства

Российской Федерации, регулирующего отношения, возникающие в связи с эксплуатацией ТС, а также законодательства Российской Федерации, регулирующего иные отношения. Так, государственному учету подлежат все ТС, находящиеся на территории Российской Федерации или планируемые к вывозу за ее пределы.

Государственная регистрация ТС осуществляется путем совершения регистрационных действий, перечень которых установлен ч. 4 ст. 10 Закона. Прекращение государственного учета ТС производится по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 18 Закона. Одним из оснований является наличие сведений о смерти собственника ТС.

В случае прекращения государственного учета ТС государственные регистрационные знаки и регистрационные документы признаются недействительными и вносятся в соответствующие розыскные учеты утраченной специальной продукции⁴.

В соответствии с ч. 3 ст. 15 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» к участию в дорожном движении допускаются ТС, состоящие на государственном учете, при условии, что их государственный учет не прекращен и они соответствуют Основным положениям.

Пунктом 2.1.1 ПДД установлено, что водитель механического ТС обязан иметь при себе водительское удостоверение, регистрационные документы на данное ТС, а также страховой полис обязательного страхования гражданской ответственности владельца ТС (далее — ОСАГО)⁵.

¹ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2023 года : информационно-аналитический обзор. М., 2023.

² URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3276623> (дата обращения: 23.10.2023).

³ О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 283-ФЗ. Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁴ Правила государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях Госавтоинспекции МВД России : утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2019 г. № 1764 «О государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации».

⁵ О Правилах дорожного движения : постановление Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090.

Однако согласно абзацу 1 п. 1.13 Положения Банка России от 19 сентября 2014 г. № 431-П «О Правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» действие договора ОСАГО прекращается досрочно в случае смерти гражданина (страхователя или собственника ТС). Датой досрочного прекращения действия договора ОСАГО считается дата события, которое явилось основанием для этого. Следовательно, в случае смерти собственника ТС договор ОСАГО теряет юридическую силу и влечет за собой прекращение обязательств сторон по договору с момента фактической смерти лица. Независимо от условий договора ОСАГО, касающихся допуска иных лиц к управлению ТС, собственник которого умер, договор считается недействительным.

Таким образом, управление ТС, собственник которого умер, невозможно до тех пор, пока не будет оформлено право собственности на данное ТС и оно не будет перерегистрировано новым собственником в установленном законодательством РФ порядке. В случае останова сотрудником Госавтоинспекции ТС, регистрационный учет которого прекращен, государственные регистрационные знаки и регистрационные документы, включенные в соответствующие розыскные учеты, подлежат изъятию, а водитель должен быть привлечен к административной ответственности за управление ТС, не зарегистрированным в установленном порядке⁶.

Если обратиться к зарубежному опыту, касающемуся права управления ТС в случае смерти собственника, то отмечаются значительные отличия правового регулирования данного вопроса от законодательства Российской Федерации.

Так, в Словении управлять ТС после смерти собственника возможно в течение 30 дней при условии того, что лицо является родственником собственника ТС и пользователем данного ТС, о чем имеется запись в свидетельстве на управление ТС, в котором указываются данные о собственнике и дополнительно могут быть указаны данные о лицах, имеющих право управлять данным ТС. Отметка о пользователе может быть проставлена как при жизни собственника ТС, так и после его смерти при наличии документов, подтверждающих родство с умершим.

В течение 15 дней после смерти собственника ТС родственникам выдаются документы, подтверждающие факт смерти. В последующие 15 дней назначается судебное заседание, в ходе которого суд устанавливает наследников и распределяет между

ними имущество умершего. Наследнику, получившему в наследство ТС умершего, выдаются документы, подтверждающие его право собственности на данное ТС. Наследник обязан перерегистрировать ТС на свое имя, при этом, если ТС не соответствует требованиям безопасности или экологическим стандартам, то его эксплуатация может быть запрещена.

В Австрии на законных основаниях можно управлять ТС, не являясь наследником умершего лица, в течение 30 дней после смерти его собственника. Для этого необходимо иметь нотариальную доверенность от собственника на управление ТС, а также действующий страховой полис и регистрационные документы. После смерти собственника ТС его наследники должны обеспечить перерегистрацию данного ТС на себя. При этом, если ТС не соответствует требованиям безопасности или экологическим стандартам, то его эксплуатация, как и в Словении, может быть запрещена⁷.

В Германии управлять ТС, собственник которого умер, разрешено в течение четырех недель после его смерти при наличии действующего страхового полиса, регистрационных документов и нотариальной доверенности на управление ТС от собственника. Сроки действия доверенности указываются в самом документе, как и информация о действии доверенности после смерти собственника ТС⁸.

В Италии управлять ТС можно в течение времени до оформления наследства и перерегистрации ТС на наследника, которым могут быть близкие родственники умершего, которые являются наследниками, либо иные лица, которым выдана нотариальная доверенность на управление ТС от имени собственника ТС. Необходимо учитывать, что в данном случае разрешено управлять ТС только при наличии действующего страхового полиса, регистрационных документов и соответствующих разрешительных документов (нотариальной доверенности), в противном случае управление таким ТС будет считаться незаконным. Если разрешение на управление ТС отсутствует, управлять им можно только в случае крайней необходимости, например, для перемещения на специальном транспорте на стоянку или для перерегистрации ТС.

Если собственник ТС при жизни составил нотариальную доверенность на управление ТС другим лицом, это лицо должно быть вписано в страховой полис. Существует возможность внесения изменений в страховой полис в части дополнения списка лиц, имеющих право управлять ТС, при условии наличия нотариальной доверенности от умерше-

⁶ Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения : приказ МВД России от 2 мая 2023 г. № 264.

⁷ URL: <https://www.dmv.org/articles/how-to-transfer-a-vehicle-title-after-death/> (дата обращения: 31.10.2023).

⁸ URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/mobilitaet/auto-tod-13961-64> (дата обращения: 01.11.2023).

го собственника. Для этого требуется обратиться в страховую компанию, которая предоставляет услуги по обязательному страхованию ответственности собственников ТС. Внесение нового водителя в страховую полис осуществляется на основании: нотариальной доверенности; документа, удостоверяющего личность (например, паспорт или водительское удостоверение); свидетельства о смерти собственника ТС.

Наличие нотариальной доверенности предоставляет временное право на управление таким ТС. Постоянное право на управление ТС может быть передано другому лицу только после оформления наследства и перерегистрации ТС на наследника. Здесь важно отметить, что человек, управляющий ТС на основании нотариальной доверенности, несет ответственность за все нарушения ПДД, произошедшие в процессе управления ТС, а также за ущерб, который может быть нанесен третьим лицам.

После смерти собственника ТС до оформления наследства и перерегистрации ТС на имя наследника административные штрафы, полученные в результате нарушения правил дорожного движения на этом ТС, будут приходиться на имя умершего собственника.

Однако штраф может быть переоформлен на водителя, управляющего ТС на момент получения штрафа, если таким водителем является лицо, управляющее ТС по нотариальной доверенности.

При возникновении спорных ситуаций о личности водителя, совершившего нарушение, фотографии или видеозаписи, полученные с помощью средств фото-, видеофиксации, могут быть использованы как доказательства нарушения правил дорожного движения. Обработка и сопоставление фотографий водителя и номера ТС производятся с помощью специального программного обеспечения.

Чтобы установить личность водителя, который управлял ТС в момент нарушения, может быть проведена экспертиза фото или видеозаписи, которая позволит установить, была ли сделана фотография в момент совершения нарушения и кто находился за рулем. Экспертизу фото или видеозаписи могут проводить полиция или судебные эксперты. Как правило, этот процесс проводится в том случае, если водитель отрицает свою вину и не хочет признать, что он нарушил правила дорожного движения⁹.

В Великобритании гражданин имеет право управлять ТС умершего собственника, если является его родственником или вписан в страховой

полис. Если гражданин является родственником умершего собственника, но не вписан в страховой полис на данное ТС, ему необходимо оформить его на свое имя. В зависимости от страховой компании, гражданин имеет право продолжать пользоваться полисом и, соответственно, управлять ТС до срока его окончания. Гражданин имеет право получить новый страховой полис, как только страховщику станет известно о смерти собственника ТС. Страховые компании не имеют возможности аннулировать полис автоматически, поэтому о смерти собственника ТС должен сообщить будущий страхователь¹⁰.

В США правила управления ТС после смерти собственника отличаются в зависимости от штата. В некоторых штатах США, например Калифорнии, управление ТС после смерти собственника может осуществляться на основании нотариально заверенной доверенности. В таком случае доверенное лицо должно иметь при себе оригинал документов на ТС, включая страховой полис на автомобиль и регистрационные документы, а также нотариально заверенную копию доверенности от собственника на управление ТС.

В Нью-Йорке управление ТС после смерти собственника может быть разрешено на основании судебного решения, в таком случае лицо, получившее право управления ТС, должно иметь оригиналы документов на автомобиль, включая страховой полис и регистрационные документы, а также судебное решение, подтверждающее его право на управление автомобилем.

В некоторых штатах США, например Флориде, супруг или близкий родственник умершего собственника могут управлять ТС без необходимости получения дополнительных документов, если автомобиль был застрахован на момент смерти собственника и регистрационные документы на ТС оставались в собственности умершего собственника.

В большинстве штатов, если нарушение ПДД зафиксировано средствами фото-, видеофиксации в период, когда регистрация была прекращена вследствие смерти собственника, полиция будет проводить дополнительное расследование, по результатам которого возможно предъявление соответствующих обвинений в управлении незарегистрированным ТС¹¹.

Анализ законодательства Российской Федерации и зарубежного опыта, касающегося права управления ТС иными лицами в случае смерти собственника, показал отличия в порядке и условиях, документах и сроках, при которых иные лица имеют

⁹ URL: <https://www.mit.gov.it> (дата обращения: 02.11.2023).

¹⁰ URL: <https://singaporelegaladvice.com/law-articles/what-happens-car-owner-pas-ses-away/> (дата обращения: 03.11.2023).

¹¹ Florida Department of Highway Safety and Motor Vehicles. URL: <https://www.flhsmv.gov/motor-vehicles-tags-titles/liens-and-titles/death-of-a-vehicle-owner/> (дата обращения: 07.11.2023).

право на управление ТС умершего собственника, а также некоторые особенности приобретения права собственности на такие ТС.

В большинстве стран регламентирован срок, в течение которого возможно управление ТС после смерти его собственника.

В Австрии, Германии, Италии важным условием для управления ТС умершего собственника является нотариальная доверенность на право управления ТС, которая выступает надежным правовым

механизмом в случае смерти собственника ТС, позволяющая идентифицировать круг лиц, допущенных к управлению данным ТС, и является гарантом в обеспечении перехода права собственности к новому собственнику.

Анализ зарубежного опыта, безусловно, представляет интерес и может быть полезен при совершенствовании правоотношений, связанных с установлением порядка управления ТС после смерти собственника.

Список источников

1. Кардашова И. Б. Безопасность дорожного движения в контексте обеспечения национальной безопасности // Безопасность дорожного движения. 2023. № 1.

УДК 342.9

М. Ю. ВОДЯНАЯ

Отдельные вопросы взаимодействия органов внутренних дел и организаций здравоохранения в профилактике правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения

В статье рассматривается деятельность органов внутренних дел, в частности, участковых уполномоченных полиции, связанная с осуществлением профилактической работы и оказанием помощи гражданам, находящимся в состоянии опьянения. Проанализированы различные аспекты взаимодействия полиции и медицинских организаций при выявлении лиц, находящихся в состоянии опьянения, выявлены пробелы в нормативном правовом регулировании, затрудняющие эффективность такого взаимодействия. Предложены возможные пути решения данных проблем.

Ключевые слова: взаимодействие, полиция, органы здравоохранения, состояние алкогольного опьянения, профилактика

Укрепление контактов с населением является важным направлением повышения эффективности полицейской деятельности и соответствует партнерской модели взаимоотношений полиции и общества, нашедшей отражение в Федеральном законе «О полиции» (далее — Закон о полиции)¹. Не случайно уже в первой статье закона закреплено, что полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств, что подчеркивает социальную ориентированность ее деятельности.

Как известно, особое место в решении задач, возложенных на полицию, принадлежит участковым уполномоченным полиции, которые призваны обеспечивать общественный порядок на обслуживаемых участках и противодействовать преступности. Они больше остальных сотрудников полиции взаимодействуют с населением, наделены правами самостоятельно решать многие вопросы по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, от эффективности их работы в значительной мере зависят результаты деятельности органов внутренних дел [1, с. 80].

На участкового уполномоченного полиции возложены обязанности по осуществлению общей и индивидуальной профилактики на закрепленном за ним административном участке, включая специальные меры профилактики [2, с. 7–8].

Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» определяет в качестве одной из задач, возложенных на участкового уполномоченного полиции при несении службы

на обслуживаемом административном участке, предупреждение и пресечение правонарушений, осуществление производства по делам об административных правонарушениях (п. 9.1)².

Значительная часть правонарушений, выявляемых участковым уполномоченным полиции, совершается лицами, находящимися в состоянии опьянения. Это подтверждает и проведенный опрос участковых уполномоченных полиции территориальных органов и подразделений УМВД России по Омской и Томской областям, в ходе которого установлено, что лица, совершающие правонарушения в жилом секторе, в 89% случаев ведут антисоциальный, паразитирующий образ жизни, злоупотребляют спиртными напитками. Более того, существует прямая корреляционная связь между состоянием опьянения и формированием мотива и умысла на совершение преступления. Исследователи справедливо отмечают, что основной причиной развития семейно-бытовой преступности являются социальные болезни, обусловленные наркоманией и алкоголизмом [3, с. 56].

По данным статистики, в 2022 г. — первой половине 2023 г. наблюдалось снижение количества преступлений, совершенных в состоянии опьянения, во многом это произошло в результате профилактической работы, которая проводится участковыми уполномоченными полиции. Однако эти показатели остаются достаточно высокими: почти каждое четвертое (22,4%) преступление совершается в состоянии алкогольного опьянения³.

Вот почему так важно осуществлять профилактические мероприятия, направленные на своевременное пресечение правонарушений, совершаемых лицами в состоянии опьянения. Например, при профилакти-

¹ *О полиции* : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Рос. газета. 2011. 8 февр.

² *О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности* (вместе с Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции) : приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 г.* М., 2023.

ческом обходе административного участка в случае выявления лиц в состоянии опьянения возникает необходимость изолировать их на время, необходимое на вытрезвление гражданина, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляющего человеческое достоинство и общественную нравственность, а также если есть основания полагать, что они могут причинить вред жизни и здоровью граждан, нанести ущерб имуществу.

В Законе «О полиции» для выполнения возложенных на полицию обязанностей закреплено право доставлять граждан, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации или в специализированные организации для оказания помощи таким лицам (ст. 13).

Федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел разработал детальную регламентацию порядка осуществления доставления таких лиц в указанные помещения, издав соответствующий приказ⁴. Однако применение его в повседневной деятельности сотрудников полиции на протяжении двух лет показало определенные пробелы.

Несмотря на то что приказ согласован с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, на практике сотрудники полиции сталкиваются с нежеланием медицинских работников предоставлять информацию об отсутствии необходимости медицинской эвакуации лиц, находящихся в состоянии опьянения. Более того, у медицинских работников такая обязанность не предусмотрена. Приказ лишь содержит указание о фиксации сотрудниками полиции данных медицинского персонала скорой медицинской помощи в случае необходимости оказания медицинской помощи в стационарных условиях.

Данный пробел в определенных случаях затрудняет объективную оценку законности действий сотрудников полиции при принятии решения о доставлении лиц, находящихся в состоянии опьянения, в помещения территориальных органов МВД России.

Нехватка нормативно закрепленного требования о предоставлении медицинскими работниками документа об отсутствии необходимости медицинской эвакуации лиц, находящихся в состоянии опьянения, и оказания им медицинской помощи создает определенные риски для должностных лиц органов внутренних дел (полиции) при принятии решения о доставлении таких лиц в помещения территориальных органов МВД России, так как состояние опьянения может

спровоцировать обострение имеющегося у лица заболевания, угрожать тяжелыми соматическими последствиями, повлечь скоропостижную смерть лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, в том числе вследствие несвоевременного оказания ему медицинской помощи.

Таким образом, принимая решение о доставлении лица, находящегося в состоянии опьянения, в помещение территориального органа, сотрудники полиции полностью берут на себя ответственность за последствия.

Поскольку решение о необходимости медицинской эвакуации или отсутствии таковой принимает медицинский работник выездной бригады скорой медицинской помощи⁵, то целесообразно, на наш взгляд, предусмотреть норму, обязывающую медицинского работника предоставлять соответствующий документ сотрудникам полиции, в котором указывать наименование станции (подстанции), отделения скорой медицинской помощи, номер бригады, дату и время обращения, а также фамилию, имя, отчество (при их установлении) лица, находящегося в общественном месте в состоянии опьянения, и основания отказа в медицинской эвакуации.

Еще одной проблемой, затрудняющей эффективное взаимодействие органов внутренних дел с медицинскими организациями, являются факты отказа медицинских работников в госпитализации лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, и этому есть определенные объяснения.

Специалисты в области здравоохранения отмечают, что в большинстве медицинских организаций отсутствуют специализированные помещения для приема и размещения лиц, находящихся в состоянии опьянения, что создает небезопасные условия для других граждан, ожидающих приема, вопросы обеспечения безопасности медицинских работников во время проведения медицинского осмотра и оказания помощи также не урегулированы.

Часто нахождение лиц в состоянии опьянения в таких организациях приводит к дезорганизации работы приемных отделений вследствие агрессивного и неконтролируемого поведения доставленных лиц.

Кроме того, необходимо принимать во внимание тот факт, что большинство данных правонарушителей не имеют постоянного места жительства и ведут анти-социальный образ жизни, бродяжничают. Такие лица, как правило, не имеют полиса обязательного медицинского страхования, а из-за кратковременности их пребывания в медицинском учреждении выяснение его наличия и оформление нового невозможны. Таким образом, пребывание данной категории лиц в лечебном учреждении не имеет источника финансирования.

⁴ Об утверждении Порядка доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции : приказ МВД России от 13 апреля 2021 г. № 212.

⁵ Об утверждении Порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи : приказ Минздрава России от 20 июня 2013 г. № 388н.

При отсутствии необходимости медицинской эвакуации лиц, находящихся в общественных местах в состоянии опьянения, или отказе таких лиц от медицинского вмешательства, они доставляются в специализированные организации (вытрезвители).

При доставлении таких граждан в специализированные организации, предназначенные для вытрезвления граждан, также существуют определенные проблемы, связанные с добровольностью оказываемых услуг. В соответствии с Правилами организации деятельности специализированных организаций для оказания помощи лицам, находящимся в состоянии опьянения, помещение и временное пребывание такого лица в специализированной организации осуществляются с его согласия, которое оформляется на бумажном носителе. Если состояние опьянения не позволяет ему выразить свою волю, указанное согласие оформляется в течение периода временного пребывания лица в состоянии опьянения в специализированной организации, о чем делается запись в Акте осмотра и наблюдения⁶.

Однако многие доставленные граждане не подписывают такого согласия и после доставления их сотрудниками полиции в организацию, предназначенную для вытрезвления, покидают ее. Граждане, помещаемые на вытрезвление, не могут в полной мере оценить свое состояние и подвергают здоровью и жизнь опасности, отказываясь от пребывания в таких учреждениях. При этом теряет смысл проделанная сотрудником ОВД работа, так как лицо в состоянии опьянения вновь выходит на улицу и может как совершить правонарушение, так и стать жертвой преступления.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» допускает медицинское вмешательство без согласия гражданина, если оно необходимо по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни человека и если его состояние не позволяет выразить свою волю⁷, однако правовой статус недобровольного оказания медицинской помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, нигде не регламентирован.

Таким образом, считаем необходимым дополнить ч. 9 ст. 20 названного Закона, устанавливающую случаи, когда информированное добровольное согласие не требуется, пунктом 1.1 следующего содержания: «Лиц, находящихся в состоянии опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться либо ориентироваться в окружающей обстановке, в целях их выведения из указанного состояния» [5, с. 73].

Учитывая, что в систему организации деятельности специализированных организаций для оказания помощи лицам, находящимся в состоянии опьянения, встроены и социальные службы, необходимо установить дополнительное обстоятельство, признаваемое ухудшающим или способным ухудшить условия жизнедеятельности граждан для признания их нуждающимися в социальном обслуживании⁸: нахождение в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения.

Соответствующие дополнения к действующему законодательству могли бы упрочить правовую основу деятельности вытрезвителей.

Участковые уполномоченные полиции сталкиваются с определенными трудностями взаимодействия с медицинскими организациями при осуществлении профилактической работы с лицами, больными алкоголизмом, состоящими на учете в медицинской организации, которые в течение года два и более раза привлекались к административной ответственности за совершение административных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения, а также по ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ (далее — лица, больные алкоголизмом).

Сформулированное таким образом название категории подучетных лиц, на наш взгляд, имеет определенные недостатки, так как постановка лиц, страдающих алкоголизмом, на учет основывается на установлении соответствующего медицинского диагноза и получении документально подтвержденной информации об этом от медицинской организации.

Однако в соответствии с действующим законодательством такие сведения составляют врачебную тайну⁹ и предоставление таковых органам внутренних дел допустимо либо с письменного согласия пациента либо по запросу органов дознания и предварительного следствия по расследуемым уголовным делам.

Следовательно, медицинская организация не вправе предоставлять участковому уполномоченному полиции сведения относительно нахождения лица на учете в наркологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, в целях постановки его на профилактический учет в органах внутренних дел.

Таким образом, не определен порядок взаимодействия органов МВД России с органами здравоохранения в наблюдении за лицами, в отношении которых установлен диагноз «алкоголизм». Кроме того, отсутствует нормативное закрепление оснований и порядка постановки таких лиц на профилактический учет

⁶ Об утверждении Правил организации деятельности специализированных организаций для оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения : приказ Минздрава России № 796н, Минтруда России № 788н, МВД России № 962 от 19 декабря 2022 г.

⁷ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Рос. газета. 2011. 23 нояб.

⁸ Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ.

⁹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ч. 1 ст. 13).

в медицинские учреждения по инициативе сотрудников полиции для дальнейшей организации профилактической работы. Если гражданин злоупотребляет алкоголем, совершает правонарушения, но не состоит на учете как больной алкоголизмом в медицинской организации, рычаги профилактического воздействия у участкового уполномоченного полиции ограничены. Сотруднику приходится проявлять так называемую милицейскую смекалку, неоднократно привлекать к административной ответственности за мелкое хулиганство и иные правонарушения против общественного порядка, различными способами уговаривать правонарушителя добровольно встать на учет как лицо, больное алкоголизмом. Перед постановкой на медицинский учет участковый уполномоченный должен проконтролировать прохождение лицом необходимого обследования (анализы, флюорография и т. д.), что, согласитесь, выходит за рамки правового поля и задач полиции.

Возможным решением данной проблемы видится внесение соответствующих изменений в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а также разработка совместного нормативного правового акта МВД России и Минздрава России, определяющего порядок предоставления информации о нахождении лица на учете в медицинской организации, а также порядок постановки на профилактический учет в медицинские учреждения по инициативе сотрудников полиции.

Следует также проработать механизм привлечения к административной ответственности за повторное совершение правонарушений в состоянии опьянения, где в качестве дополнительного вида наказания предусмотреть обязанность лица пройти диагностику и лечение от алкоголизма, что позволит своевременно диагностировать лиц, злоупотребляющих алкоголем, и в дальнейшем вести полноценную индивидуальную профилактическую работу.

Список литературы

1. *Административная деятельность полиции: Часть Особенная* / О. И. Бекетов, С. В. Белов, М. А. Бучакова [и др.]. Омск, 2016.
2. *Водяная М. Ю., Белов С. В.* Некоторые аспекты профилактической деятельности участкового уполномоченного полиции // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 1(38).
3. *Желтобрюх А. В., Якимова Е. М.* Профилактика семейно-бытовой преступности участковыми уполномоченными полиции // Российский следователь. 2022. № 8.
4. *Водяная М. Ю.* Перспективы совершенствования деятельности полиции в сфере предупреждения и пресечения административных правонарушений, связанных с пьянством // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2(61).

УДК 343.85

А. В. ЛЯШУК, М. М. ИСАИЧЕВА

Административно-правовой статус лиц, помещаемых в центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел

В статье рассматриваются вопросы помещения несовершеннолетних в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел. В качестве проблем авторы выделяют недостаточность перечисления в федеральном законодательстве и ведомственных приказах категорий несовершеннолетних, помещаемых в Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, и предлагают рассмотреть необходимость изменения правового регулирования вопроса расширения групп подростков с девиантным поведением. Авторами акцентируется внимание на необходимости учета психологических особенностей личности подростков для повышения эффективности проводимой в Центре индивидуально-профилактической работы.

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступление, ЦВСНП, индивидуально-профилактическая работа

Борьба с преступностью среди несовершеннолетних является гарантом стабильности общества в будущем, поскольку молодое поколение представляет собой резерв социального развития. В нашем государстве предусмотрены многие средства реализации политики предупреждения преступности. В предупреждении, профилактике и ликвидации правонарушений несовершеннолетних немаловажная роль отводится Центрам временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (далее — ЦВСНП). Деятельность ЦВСНП нацелена на профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, реабилитацию детей. Функционирование центров дает возможность исправления нравственной деформации личности, воздействует на ребенка в целях перевоспитания в закрытых условиях.

Главная особенность работы ЦВСНП заключается в контингенте доставляемых лиц, среди которых выделяются субъекты, не достигшие 18-летнего возраста. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» относит к таким лицам следующие категории: 1) направляемые по приговору суда (постановлению судьи) в специализированные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа; 2) ожидающие окончательного решения суда о помещении их в специализированные учреждения закрытого типа; 3) самовольно покинувшие такие заведения; 4) совершившие правонарушение или преступление до достижения установленного законом возраста, с которого наступает административная или уголовная ответственность. Именно данный фактор предопределяет всю дальнейшую специфику функционирования анализируемых подразделений органов внутренних дел.

Проблемным, на наш взгляд, представляется вопрос о категориях и основаниях помещения несовершеннолетних в указанные учреждения. Наука, изучающая деликтное поведение подростков, особое внимание уделяет анализу личности преступника в несовершеннолетнем возрасте, этой проблеме посвя-

щено много исследований. Так, Э. П. Абовян считает, что личность преступника, в том числе несовершеннолетнего, нужно изучать через систему ценностей. Такими ценностями являются религиозные, культурные, социально-экономические воззрения. Именно эти аспекты позволяют точно и всесторонне охарактеризовать личность несовершеннолетнего преступника [1, с. 88].

К характерным особенностям подростка, совершившего преступление, можно отнести возраст, физическое развитие, уровень сознания и психики. Когда сотрудники правоохранительных органов будут учитывать эти особенности, то меры предупреждения преступности будут более эффективными.

При рассмотрении личности несовершеннолетнего определяющим является именно возраст. Именно от возраста несовершеннолетнего зависят его физиологические особенности, психология и психика. Становление человека начинается в раннем детстве, когда у него формируются индивидуальные черты, которые отражаются на интеллекте, интуиции, умении анализировать явления, развиваются воля, активность, усидчивость, чувство собственного достоинства.

Все перечисленные особенности оказывают непосредственное влияние на то, как подросток будет вести себя, какую направленность приобретет его поведение и будет ли он совершать проступки. Если у несовершеннолетнего есть преступные установки, то в структуре личности преобладают примитивные потребности, проступки отличаются настойчивостью и примитивной мотивацией. Когда у несовершеннолетнего отмечается отрицательная направленность личности, которая не достигла уровня установок, то преступления совершаются не в результате подготовки, а спонтанно, поэтому место, время и характер и последствия преступных деяний зависят от ситуации. Если у несовершеннолетнего неустойчивая личностная направленность, то для него характерны противоречивость целей и мотивов. Несовершенно-

летний, который совершил правонарушение случайно, обладает положительной направленностью, поэтому в его поведении сказываются особенности возраста или неверная оценка действий и их последствий.

В соответствии со ст. 87 УК РФ несовершеннолетними правонарушителями признаются лица, которым на время совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет. В основном в РФ несовершеннолетние совершают преступления в возрасте 16–17 лет. В 2022 г. в данной возрастной группе было осуждено 10076 человек¹, при этом несовершеннолетними мужского пола было совершено 90,9% всех преступлений. Подобная тенденция прослеживается и в предыдущие годы. Ученые объясняют это особенностями в психолого-психическом развитии лиц мужского пола.

Как было отмечено ранее, особое место в развитии и становлении несовершеннолетних играет семья. Именно здесь могут начаться такие отклонения в развитии, как алкоголизм, наркозависимость, умственная отсталость. Большинство преступлений совершаются несовершеннолетними, которые проживают в семье с одним родителем или вне семьи. В 2022 г. таких подростков было 54,4%. Около 80% подростков имеют начальное или среднее общее образование, и только 15% — среднее общее.

Правонарушения подростки совершают в основном в вечернее время, до этого они заняты в школе и в иных образовательных учреждениях дополнительной направленности [2, с. 577]. В качестве нравственно-психологических особенностей подростков выделяют жизненные ориентиры и ценности. Подростки, совершившие правонарушения, характеризуются отсутствием жизненного опыта, желаем отстоять свою позицию среди сверстников и т. д.

Следует выделять типичные психологические черты личности несовершеннолетнего, который совершил противоправный проступок: неприятие правил поведения, которые установлены в обществе, неисполнение моральных и правовых установок; отсутствие чувства ответственности за свои действия; желание самовыразиться и быть независимым; нежелание понимать ценности общества; проявление агрессивности, жесткости и безразличия к чужому мнению; агрессивность, жесткость, ограниченный круг интересов.

Интересы несовершеннолетних преступников всегда ограничены, они эгоистичны, и личные потребности для них являются первоочередными. Достаточно большое влияние на несовершеннолетних, на их социальное поведение оказывает интернет-информация. Так, если прежде несовершеннолетние похищали обычные вещи, сладости, деньги, то сейчас предмет кражи стал достаточно дорогостоящим и часто связан с социальными и иными информационными сетями.

Анализируя психологические и нравственные особенности несовершеннолетних преступников, следует учитывать и то, что их социальную адаптацию могут усложнять нервно-психические отклонения. Поэтому когда проводится педагогическая работа с данной категорией детей, также нужна помощь иных специалистов, например, психиатров, невропатологов, которые осуществляют работу не только с подростками, но и с их родителями и опекунами.

На практике биологические факторы не учитываются, и это приводит к тому, что воспитательные мероприятия в отношении психически неустойчивых подростков, которые совершили преступления, являются не в полной мере эффективными. В этих случаях уже нужно вмешательство медицинских работников. И здесь возникает противоречие — вмешательство врача не может убрать социально-экономические причины, которые лежат в основе нервного и психического расстройства подростка [3, с. 153].

Но все же на первом месте среди причин, обуславливающих преступность подростков, стоят именно социальные проблемы, в том числе сложный период развития, наследственность, которая ведет к интеллектуальному, психическому и физическому отставанию детей [4, с. 697].

В научной литературе достаточно часто встречается мнение, что преступления подростков и иные противоправные проступки между собой взаимосвязаны. Об этом свидетельствует и статистика. Так, в 2022 г. на учет было поставлено 144 643 несовершеннолетних, что на 2% больше, чем в предыдущем году. Половина из этих подростков уже до 14 лет совершили правонарушения. Около 80% несовершеннолетних совершают преступления против собственности, 7,6% — против жизни и здоровья и 4,4% — преступления, связанные с наркотиками.

Отдельной проблемой является рецидив преступности среди подростков. Так, в 2022 г. 24,7% несовершеннолетних совершили преступления повторно. Анализ учетных данных на несовершеннолетних, помещаемых в ЦВСНП, позволил сделать вывод о склонности детей к девиантному поведению. Полученные данные легли в основу условного деления детей на группы.

Первую группу составляют несовершеннолетние, отличающиеся хорошими потенциальными возможностями, умеющие изменить свое поведение исходя из требований среды. Дети этой группы обладают высокой мотивацией достижения поставленных целей для удовлетворения своих интересов и потребностей [5, с. 283]. Как показывает практика, такие несовершеннолетние доставляются в ЦВСНП в основном из-за отсутствия достаточного контроля со стороны родителей.

Как пример, можно привести выдержку из заключения психолога ЦВСНП УМВД России по Томской

¹ Судебная статистика : официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 10.03.2023).

области от 19 января 2023 г., составленного на основании психологической диагностики личности несовершеннолетней Ильинской А. С., 24.04.2009 г. р., и бесед с законным представителем. «Подросток нуждается в постоянном контроле, особых условиях воспитания. Причина противоправного поведения несовершеннолетней заключается в неблагоприятной социальной ситуации развития. В целях пресечения и профилактики дальнейшего противоправного поведения Александры целесообразно помещение несовершеннолетней в СУВУЗТ. Помещение подростка в учреждение закрытого типа рекомендовано как эффективная профилактическая форма воздействия на него. Отмечается стремление приобщаться к группам сверстников, ведущих девиантный образ жизни. Повышенный уровень агрессии и враждебности выражается в проявлении физической силы, обид, раздражения, вспыльчивости. Отсутствует понимание ответственности за поступки. Склонна к аддиктивному поведению: употреблению спиртных напитков, курению, бродяжничеству. После контактирования с матерью отмечаются резкие перепады настроения, нервозность, агрессия, замкнутость. Выражена склонность к суицидальному поведению самопожертвования, замыкание в себе, подавленное настроение, слова о нелюбви к себе. Уровень работоспособности средний, на групповых занятиях задания выполняет, проявляет инициативу при ответе, показывает рассудительность. В условиях контроля поведения показывает отличные творческие и мыслительные способности. Мать принимает участие в воспитании дочери, но рекомендации специальных служб не соблюдает, демонстрирует подростку собственный пример эмоционально-волевого поведения: остро реагирует на любые критические замечания, использует грубую форму общения с дочерью. Контроль над подростком в семье утерян, взаимоотношения между матерью и Александрой носят напряженный характер (со слов матери несовершеннолетней)».

Для лиц, относимых ко *второй группе*, доля охваченных организованным досугом составляет 11%. Он ограничивается спортивными секциями с силовыми и боевыми видами спорта, восточными единоборствами, реже — техническими кружками. При организации педагогического воздействия на подростков данной группы целесообразно применять наказание как форму, блокирующую и разрушающую негативные установки личности [6, с. 61]. Однако в отношении этой группы данный метод не должен быть основополагающим, превалирующим. На долю рассматриваемой группы приходится от 52 до 64% несовершеннолетних, доставляемых в ЦВСНП [7, с. 54]. Рассмотрим характеристику несовершеннолетнего Князева Никиты, данную в исковом заявлении психологом.

«В ЦВСНП УМВД Князев Н. Е. проявил себя спокойным, рассудительным, неконфликтным подростком. В период нахождения Никиты в Центре дисциплины в группе подростков не нарушал, на провокации

не поддавался, но при этом способен подстраиваться под ситуацию с целью показаться социально одобряемым. Князев Н. Е. интеллектуально сохранен, но педагогически запущен, желание к получению новых знаний присутствует. На проводимые профилактические мероприятия реагировал адекватно, но должных выводов для себя не сделал. Взаимоотношения в семье равнодушные, мать не интересуется жизнью сына, эмоциональная связь отсутствует. Авторитет для подростка отсутствует. В период нахождения Князева Н. Е. в Центре мать особой заинтересованности не проявляла, звонила редко, в назначенное психологом ЦВСНП УМВД время на консультацию-беседу не являлась, на звонки не отвечала». Психолог дает заключение, что законопослушное поведение несовершеннолетнего возможно при участии матери в жизни Никиты и заинтересованности в его перевоспитании».

К *третьей группе* мы относим подростков, для которых характерно слабое усвоение социальных норм и ценностей, отсутствие социально значимых целей. Для них правонарушения часто являются не только наиболее приемлемым способом поведения и приспособления к социальной среде, но и привычным, часто основным источником существования. Формы их отклоняющегося поведения разнообразны: мелкие кражи; попрошайничество; стойкое бродяжничество; токсикомания (в основном путем вдыхания паров летучих веществ); драки и др. Анализ сведений, полученных от несовершеннолетних, показывает, что они чаще, чем взрослые, становятся объектом и жертвой преступных посягательств.

Нередки случаи, когда в возрасте 9–10 лет такие подростки не умеют писать и читать. Уровень их образования отстает от сверстников первой группы на 2–2,5 года [8, с. 25] (при этом несовершеннолетние, относимые ко второй группе, отстают от первой на 1–1,5 года). Для них в основном характерно ситуативное употребление спиртных напитков, без значимого повода, часто с родителями. Нередки случаи, когда подростки находились на лечении от алкоголизма, доставлялись в медицинские учреждения с диагнозом «алкогольное отравление».

Причины и условия совершения правонарушений несовершеннолетними данной группы: отсутствие должного, системного контроля со стороны законного представителя; отсутствие занятости несовершеннолетнего во внеурочное время; неразборчивость в выборе компании; склонность попадать под чужое негативное влияние; отсутствие рядом значимого взрослого, способного оказать положительное влияние; слабая осведомленность о последствиях противоправного поведения; отсутствие заинтересованности в жизни ребенка со стороны матери или обоих родителей.

Примером может служить характеристика несовершеннолетнего Железнова Даниила. «Динамику профилактической работы специалистами с несовершеннолетним Железновым Д. Е. нельзя признать по-

ложительной, поскольку несовершеннолетний часто самовольно уходит из дома, остается без контроля со стороны законного представителя, много времени проводит на улицах города, в том числе в ночное время суток, подвергая тем самым свою жизнь и здоровье опасности. Общается с группами сверстников, склонных к совершению противоправных деяний, совершает общественно опасные деяния. При этом 6 января 2023 г. в отношении несовершеннолетнего Железнова Д. Е. вновь вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 158 УК РФ, в связи с недостижением возраста привлечения к уголовной ответственности, по факту тайного хищения имущества, принадлежащего Лариной М. А. За полгода до этого Железнов Д. Е. совершил уголовно наказуемое деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 166 УК РФ. Несовершеннолетний Железнов Д. Е. отрицательно характеризуется по месту учебы, на занятия в школу не ходит и на путь исправления не встает.

Заключение психолога ЦВСНП УМВД России по Иркутской области: «Причина противоправного поведения несовершеннолетнего заключается в неблагоприятной социальной ситуации развития подростка и комплексе его психологических свойств (отсутствие близких отношений с семьей, эмоциональная депривация, попустительское отношение законных представителей, низкая самооценка, которая провоцирует высокую тревожность, и т. д.). На основании психологической диагностики личности несовершеннолетнего в целях пресечения и профилактики дальнейшего противоправного поведения рекомендуется обеспечение постоянного контроля за жизнью и кругом общения Даниила, доброжелательно-строгие условия вос-

питания в семье. Большая вероятность продолжения противоправного поведения; нуждается в постоянном контроле, особых условиях воспитания, которые смогут обеспечить ему сотрудники специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа».

Часто в служебных документах фиксируются такие характеристики, как фактический выход из-под контроля законных представителей, поведение подростка, не поддающееся коррекции, противоправный, девиантный характер действий несовершеннолетних, в том числе вне учебных учреждений, невозможность организации контроля за поведением, времяпрепровождением и обучением со стороны законных представителей, констатация факта, что вся проводимая профилактическая работа со стороны органов системы профилактики положительных результатов не дает.

Можно сделать следующие выводы:

1) главная особенность деятельности ЦВСНП заключается в применении восстановительного подхода, выступающего альтернативой карательного;

2) индивидуально-профилактическая работа с несовершеннолетними должна учитывать их склонность к девиантному поведению. На этом основании можно условно разделить детей на группы для более эффективной профилактической работы;

3) работа с несовершеннолетними правонарушителями требует ориентации на развитие их интеллектуальной сферы, формирование трудовых навыков, выработку стойких привычек к самообслуживанию и личной гигиене, правовое воспитание, медицинскую коррекцию. Одни лишь меры воспитательного воздействия на подростков-правонарушителей неэффективны.

Список литературы

1. Абовян Э. П. К вопросу о личности преступника // Преступление, наказание, исправление : мат-лы III международного пенитенциарного форума. М., 2017.
2. Асташкина А. В. Личность несовершеннолетнего преступника как элемент криминалистической характеристики // Аллея науки. 2021. Т. 1, № 1(52).
3. Курсакова Е. Н., Кузнецова Л. В., Варгасова Н. Ю., Соснина О. Н. Отдельные особенности организации работы с несовершеннолетними, находящимися в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4(40).
4. Старостин А. А., Яценко Ж. Д. Роль центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей в профилактике правонарушений несовершеннолетних // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : мат-лы X междунар. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения) / под общ. ред. А. И. Каплунова. М., 2019.
5. Степенко В. Е., Мазур Д. С. Особенности личности несовершеннолетнего преступника // Современные проблемы уголовного права и процесса. Хабаровск, 2020.
6. Тазетдинов Р. Р. Помещение несовершеннолетнего в Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел как принудительная мера воспитательного воздействия // Актуальные проблемы науки и практики в исследованиях молодых ученых : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2020.
7. Турская Е. Р., Дежурный А. А. Профилактика и предупреждение детской безнадзорности и беспризорности как направление деятельности центров временного содержания несовершеннолетних // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : науч.-практ. ежеквартальное издание. М., 2020.
8. Уткина Т. В. Помещение в центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей как способ предупреждения преступности // Оригинальные исследования. 2019. Т. 9, № 9.

УДК 343.3

М. А. БЕЛЕБЕХА**Возникновение и становление института ответственности за незаконную миграцию в уголовном праве России**

Рассматривается проблема периодизации становления и развития института уголовной ответственности за незаконную миграцию в уголовном праве России. Исследованы памятники древнерусского права, Соборное уложение 1649 г., а также законодательство времен Петра I и Екатерины II и более поздние источники. Предложена периодизация генезиса ответственности за незаконную миграцию в российском праве.

Ключевые слова: незаконная миграция, уголовная ответственность, Русская Правда, Соборное уложение, иностранец, гражданство

Миграция населения была известна уже странам Древнего мира, поскольку во все времена существовали люди, которые стремились «попасть в среду, в которой лучше, полноценнее можно реализовать потребности жизни в более благоприятных для этого условиях» [1, с. 161], поэтому уже тогда государства предпринимали попытки регулирования миграционных потоков, прав и обязанностей переселенцев.

Так, в Древнем Риме изначально все иностранцы были лишены гражданских прав, но могли проживать по приглашению граждан Рима в их домах и под их покровительством. В. А. Андриюшенков указывает, что подобное отношение к иностранцам обусловлено тем, что на «любом историческом этапе развития государства миграционные процессы всегда относились к важным вопросам наряду с социально-экономическими или политическими аспектами его существования. Это можно объяснить тем, что на каждом историческом этапе государственного развития законодатель стремился сохранить подлинные границы государства» [2, с. 11].

Впоследствии ситуация стала изменяться, так как низкая рождаемость способствовала дефициту рабочей силы, в первую очередь в сельском хозяйстве, кроме того, значительное количество иностранцев привлекалось для службы в римской армии. Изменению положения мигрантов способствовали также развитие торговли с другими странами и смешанные браки. Иностранцы получили право заключать торговые и иные сделки, жить в соответствии с национальными традициями и обычаями.

Не было исключением и Древнерусское государство. С момента его возникновения «право свободного въезда ... до XIV в. предоставлялось всем иностранцам как общая привилегия, даруемая властями» [3, с. 6–9]. Однако впоследствии миграционная ситуация стала меняться, одновременно менялось и миграционное законодательство, был определен порядок въезда и выезда, установлен контроль за мигрантами, а затем был разработан институт уголовной ответственности за незаконную миграцию, ставший прообразом соответствующего института в современном уголовном праве.

Географическое положение Древней Руси, расположенной на пересечении торговых путей между западом и востоком, севером и югом способствовало притоку иностранцев [4, с. 177–178]. К. В. Казарян, анализируя одну из наиболее ранних древнерусских летописей — Повесть временных лет, отмечает, что миграционные процессы имели место уже в период с 852 по 1117 гг., в это время иностранцы принимали активное участие в управлении Древнерусским государством, служили воеводами; печенеги, варяги, половцы, хазары участвовали в военных походах под предводительством русских князей [5, с. 29]. Об имевшей место миграции населения свидетельствуют города и села с одинаковыми или похожими названиями, расположенные в разных частях Европы. Основывая новые поселения, переселенцы нередко называли их именами городов и сел, из которых они мигрировали [6, с. 218–219]. Именно активность миграционных процессов в Древнерусском государстве, по мнению К. И. Чернышова, и привела к появлению первых норм, посвященных миграции, в правовых документах Древней Руси [7].

Правовое положение иностранцев в Древней Руси определялось нормами договоров между Древнерусским и иностранными государствами. Так, согласно договору Руси с Византией 911 г. оба государства взяли на себя обязанности дружить, князь Олег обещал не чинить обид и беспорядка грекам на территории Древней Руси, а «самодержцы и цари греческие» Лев, Александр и Константин — соблюдать права русичей на территории Византии. При этом в договоре было отмечено, что русские и византийцы несут одинаковую ответственность за совершение таких преступлений, как убийство, причинение телесных повреждений, кражу и грабеж, обязаны оказывать помощь друг другу при кораблекрушении и т. д. Договором регулировались вопросы, связанные с совершением торговых сделок русскими в Византии и греками в Древнерусском государстве, поступлением на военную службу иностранцев, выдачей должников¹. Права и обязанности русских и греков признавались равными.

¹ Русско-византийский договор 911 г. URL: <https://diletant.media/articles/34718606/> (дата обращения: 05.09.2023).

Равным был правовой статус подданных Древнерусского государства и иностранцев и согласно Русской Правде, за исключением закрепленного в ст. 55 приоритета иностранных купцов перед русскими в получении долга².

Однако в рассматриваемый период государство регламентировало, в основном, взаимные права и обязанности русских и иностранцев, находящихся на территории Древнерусского государства, и не касалось вопросов, связанных собственно с миграцией, т. е. переселением граждан одной страны для постоянного или временного проживания в другую страну.

Следует отметить, что в рассматриваемый период более детально были урегулированы вопросы, связанные с миграцией восточных славян в Византию, нежели вопросы въезда иностранцев в Древнерусское государство и выезда из него.

Так, согласно ст. 2 Договора 944 г., русские купцы, прибывая в Грецию, обязаны были иметь при себе грамоту, удостоверенную князем, с указанием того, сколько их прибыло, и заверением, что прибывшие имеют мирные намерения. Прибывшие без такой грамоты подлежали задержанию, при сопротивлении они могли быть убиты, при этом князь не мог требовать какой-либо компенсации за это³.

Аналогичные нормы, касающиеся греков, в договоре отсутствовали.

Одним из первых правовых актов, в котором были урегулированы вопросы, связанные с переселением иностранцев в Россию, было Соборное уложение 1649 г.⁴, регламентировавшее отдельные вопросы въезда в Московское государство. Для выезда за границу по торговым и иным делам было необходимо получить проезжую грамоту, для чего в Москве подать прошение государю, а в иных местах — воеводам. Выезд без проезжей грамоты был запрещен. Несвоевременная выдача проезжей грамоты грозила воеводам опалой от государя, а также виновные должны были возместить челобитчику причиненный несвоевременной выдачей грамоты ущерб в двойном размере. Виновные в выезде за рубеж без проезжей грамоты по возвращении подлежали наказанию кнутом либо смертной казни. П. Н. Кобец указывает, что проезжая грамота являлась прообразом паспорта, хотя «как полагается в мировой практике, с целью удостоверения личности этот институт начал функционировать лишь в начале 1720-х гг.» [8, с. 22].

Иностранцы беспрепятственно могли въехать в Московское государство для поступления на службу в армию.

Следующий этап становления института уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконной миграцией, связывают с Манифестом Петра I «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания»⁵, впервые определившим порядок въезда в Россию иностранцев: военных для защиты от нападения и поддержания спокойствия внутри страны и художников для обучения подданных Российской империи искусствам. Для въезда в Российскую империю иностранцы должны были иметь свидетельство от русского генерал-комиссара в Германии и предъявить это свидетельство первому же пограничному наместнику или губернатору, благодаря чему получали право бесплатного проезда в Москву и Санкт-Петербург и гарантии безопасности.

Вместе с тем какая-либо ответственность за нарушение порядка въезда иностранцев в Россию установлена не была.

Следует отметить, что, предприняв меры по привлечению иностранцев в Россию, Петр I впервые законодательно закрепил порядок контроля за мигрантами. В соответствии с разработанным им и принятым Сенатом Указом «О приезжих иноземцах» на полицейскую канцелярию Санкт-Петербурга была возложена обязанность регистрировать иностранцев, въехавших в Россию, опрашивать их о цели приезда, осуществлять учет пребывающих в России иностранцев и следить за их поведением⁶. С 1721 г. в соответствии с Регламентом главного магистрата городам следовало учитывать количество проживающих в них иностранцев⁷.

Законодательные инициативы Петра I в сфере миграционных отношений положили начало паспортной системе в России, как указывают О. Е. Тарасова, О. П. Грушовец, «попытки государства вести административный контроль за передвижением населения говорят о появлении регулятивной функции государства, способствующей укреплению национальной государственности, интенсификации экономических, торговых отношений, социальных связей, политических, религиозных, культурных коммуникаций» [9, с. 182].

Впервые уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконной миграцией, была

² Пространная Правда Русская. URL: http://www.rpravda.uniyar.ac.ru/book/rusprav_long.pdf (дата обращения: 05.09.2023.).

³ Русско-византийский договор 944 г. URL: <http://starbel.by/dok/d138.htm> (дата обращения: 05.09.2023).

⁴ Соборное уложение 1649 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 06.09.2023).

⁵ О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания : манифест от 16 апреля 1702 г. URL: <https://pandia.ru/text/80/122/43610.php> (дата обращения: 06.09.2023).

⁶ О приезжих иноземцах : указ из Сената от 31 августа 1719 г. // Законодательство Петра I / В. М. Клеандрова, Б. В. Колобов, Г. А. Кутьина, Т. Е. Новицкая и др. / отв. ред. Т. Е. Новицкая, А. А. Преображенский. М., 1997. С. 392.

⁷ Регламент главного магистрата от 16 августа 1721 г. URL: <http://www.bibliotekar.ru/2-8-94-goroda-pri-petre-1/13.htm> (дата обращения: 08.09.2023).

установлена в 1773 г. Указом Екатерины II «Об объявлении в главной полицмейстерской канцелярии о приезжающих, отъезжающих и живущих всякого звания людях» [10, с. 80], согласно которому к уголовной ответственности привлекались лица, укрывающие иностранных граждан.

Екатерина II не только продолжила политику Петра I, направленную на привлечение иностранцев в Россию, подписав Манифест «О позволении иностранцам селиться в России»⁸, но и приняла меры к упорядочению миграции. Прибыв в Россию, иностранцы должны были явиться в Канцелярию опекунов, раскрыть цель своего приезда, назвать вид деятельности, которым собираются заняться, записаться в соответствующие цехи, купечество или мещанство, а также назвать город, где собираются проживать. Для иностранцев был предусмотрен ряд льгот по налогообложению. Если иностранцы вели себя непозволительно, нарушали законы, сеяли смуты, они подлежали высылке из страны.

В 1782 г. был принят Устав Благочиния, или Полицейский, который также содержал нормы, посвященные контролю за поведением мигрантов. Согласно ст. 121 Устава частные приставы были обязаны надзирать за иногородними и иностранцами, выяснять, чем они «питаются или промышляют», а установив с их стороны какие-либо нарушения, немедленно уведомить городничего и поступать по его приказанию. Согласно ст. 157 Устава квартальные надзиратели должны собирать информацию о всех людях, включая иностранцев, живущих в их кварталах, в связи с чем в соответствии с комментируемой статьей Устава хозяева домов и их поверенные «обязаны всегда давать знать квартальному надзирателю о всех к ним на житье приезжающих или приходящих, отъезжающих или отходящих»⁹.

В 1785 г. была принята Грамота на права и выгоды городам Российской империи (Жалованная грамота городам). В соответствии со ст. 66 сведения об иностранных гостях, прибывших в город для промысла или работы, заносились по алфавиту в четвертую часть городской обывательской книги¹⁰.

Дальнейшее развитие институт уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконной миграцией, получил в Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г.¹¹, которое содержало ряд статей, регламентирующих уголовную ответственность иностранцев, нарушивших миграционное законодательство. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 1182

немедленной высылке подлежали иностранцы, прибывшие в Россию на постоянное место жительства и не имеющие при себе кордонных свидетельств, если не докажут, что эти свидетельства были ими утрачены. Часть вторая комментируемой статьи устанавливала ответственность для лиц, именующих себя иностранными гражданами, но не имеющих документов или свидетельств, с помощью которых могут подтвердить свое иностранное гражданство и звание. Согласно ч. 3 данной статьи привлечению к ответственности подлежали иностранцы, которые прибыли в Россию без паспортов и, будучи за это выдворенными, не были приняты ни одним иностранным правительством.

Уголовной ответственности, согласно Уложению, подлежали: владельцы прибывших из-за границы судов или плотов в случаях побега рабочих, если они не сообщат об этом в полицию (ст. 1202); хозяева или управляющие домов, позволившие проживать в них иностранцам, не имеющим соответствующих документов (ст. 1203). Кроме того, Уложение предусматривало ответственность за незаконное внесение изменений в паспорта, виды на жительство или иные документы, использование документов с измененными сроками пребывания, выдачу документов лицам, не имеющим права на получение таких документов (ст. ст. 1211, 1213). Ответственность за указанные преступления распространялась как на российских подданных, так и на иностранцев.

Таким образом, можно констатировать, что к середине XIX в. в русском уголовном праве сложился институт уголовной ответственности за преступления, связанные с нарушением миграционного законодательства.

Уложением о наказаниях уголовных и исполнительных 1885 г. была не только усилена уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконной миграцией, но и введен ряд новых составов. В частности, были криминализованы такие деяния, как повторное нарушение запрета на возвращение в Россию (ст. 341); несообщение владельцем гостиницы полиции более 8 раз в году о прибывающих и убывающих, включая иностранцев (ст. 958); укрывательство на территории России военных дезертиров из государств, с которыми у Российской империи были заключены особые соглашения¹².

Нормы об уголовной ответственности за нарушение миграционного законодательства Уложения о наказаниях уголовных и исправительных практически в неизменном виде были воспроизведены в Уголовном уложении 1903 г.

⁸ О позволении иностранцам селиться в России : манифест от 4 декабря 1762 г. URL: <https://rusidea.org/2512170> (дата обращения: 08.09.2023).

⁹ Устав Благочиния или полицейский от 8 апреля 1782 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_blagochiniya (дата обращения: 09.09.2023).

¹⁰ Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/gogram.htm> (дата обращения: 09.09.2023).

¹¹ Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_002889696?page=496&rotate=0&theme=white (дата обращения: 09.09.2023).

¹² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/17827#mode/inspect/page/251/zoom/6> (дата обращения: 09.09.2023).

В советский период развития нашего государства незаконная миграция не носила массового характера, не составляла угрозы для национальной безопасности, поэтому в Уголовных кодексах РСФСР, как и в первоначальной редакции УК РФ 1996 г., содержалась лишь норма об ответственности за незаконное пересечение государственной границы.

Однако после распада СССР и образования независимых государств в Российскую Федерацию хлынул поток нелегальных мигрантов, в первую очередь из стран Средней Азии и Украины, которые, работая без официального оформления, получали «серую» заработную плату, не платили налогов. Нелегальная миграция осложняла и криминальную обстановку в стране, иностранцы нередко становились жертвами преступлений и сами совершали преступления, что не могло не отразиться на правовом регулировании незаконной миграции. Д. Г. Запрудин отмечает, что специфика правового регулирования миграционных отношений опосредуется изменениями миграционной ситуации [11, с. 45–48], поэтому после принятия УК РФ в него был внесен ряд изменений, касающихся уголовной ответственности за незаконную миграцию.

Так, уже в 2004 г. УК РФ был дополнен ст. 322¹, предусматривающей ответственность за организацию незаконной миграции, в 2013 г. — ст. 322², в соответствии с которой привлечению к уголовной ответственности подлежат граждане, осуществившие

фиктивную регистрацию иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации, а также ст. 322³, предусматривающей ответственность за фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации.

Проведенное исследование позволяет выделить три этапа в развитии института уголовной ответственности за преступления, связанные с нарушением миграционного законодательства:

1) с момента заключения договоров Руси с Византией до принятия Соборного уложения 1649 г., когда на законодательном уровне был закреплён лишь правовой статус иностранцев;

2) со времени принятия Соборного уложения 1649 г. до принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., когда законодатель стал устанавливать порядок въезда и выезда иностранцев, контролировать их поведение внутри страны, включая соблюдение русского законодательства;

3) с Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором содержится совокупность норм, устанавливающих уголовную ответственность за нарушение миграционного законодательства. Эти нормы являются прообразом современного института уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконной миграцией.

Список литературы

1. Филашов Е. В. Понятие миграции, незаконной миграции и борьбы с незаконной миграцией // Образование и право. 2020. № 3.
2. Андрущенко В. А. Уголовная ответственность за организацию незаконной миграции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016.
3. Фрум А. М. Из истории въезда иностранцев на территорию Древней Руси // История государства и права. 2012. № 8.
4. Манцев Д. В. Правовой статус иностранцев в Древней Руси: общая характеристика, условия формирования // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 61.
5. Казарян К. В. Правовое регулирование миграционной деятельности в Древнерусском государстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5(71), № 3.
6. Бородин Ю., Куропаткина Т. Добровец, Кашин, Кнежа... Миграция населения Южной и Западной Руси в XI–XIII вв. (по данным топонимики) // Русин. 2008. № 1-2.
7. Чернышов К. И. Генезис миграционного законодательства в России // Наука. Общество. Государство : электронный научный журнал. 2018. Т. 6, № 4(24). URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 10.09.2023).
8. Кобец П. Н. Опыт развития законодательства в сфере правового положения иностранных граждан в период русского централизованного государства конца XV — начала XVIII столетия // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1(36). С. 22.
9. Тарасова О. Е., Грушовец О. П. Особенности зарождения отечественной паспортной системы // Манускрипт. 2017. № 12-3(86).
10. Андрущенко В. А. Установление уголовной ответственности за организацию незаконной миграции // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. № 3(27).
11. Запрудин Д. Г. Дискуссионные вопросы истории развития миграционного законодательства в России // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 4.

УДК. 343.326

Е. А. ЕЛИСЕЕВ

Понятие терроризма в уголовном праве России и стран СНГ

Терроризм как средство достижения политических целей в России применяется с середины XIX в., однако ответственность за совершение террористических актов впервые была установлена лишь в УК РСФСР 1922 г. Понятие террористического акта не оставалось неизменным. В УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. под террористическим актом понималось убийство или причинение тяжких телесных повреждений определенным в диспозициях соответствующих статей лицам. Впоследствии УК РСФСР 1960 г. был дополнен ст. 213³, предусматрившей ответственность за терроризм, который рассматривался как совершение взрывов, поджогов и иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения имущественного вреда либо иных тяжких последствий в террористических целях, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 213³. Уголовная ответственность за террористический акт (акт терроризма) либо терроризм установлена уголовными кодексами всех стран-участников СНГ, необходимость координации борьбы против терроризма требует унификации уголовно-правового законодательства указанных стран в сфере борьбы с терроризмом.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, Модельный уголовный кодекс, страны СНГ

Терроризм как средство достижения политических целей применяется в нашей стране достаточно давно, со второй половины XIX в., практически одновременно с зарождением революционного движения, явившегося ответом на противоречивость проведенных реформ [1, с. 15]. В начале XX в. терроризм приобрел массовый характер. Если в 1905 г. был совершен 51 террористический акт, то в 1907 г. их было уже 317 [2, с. 81]. При этом отчетливо проявилась финансовая подоплека терроризма, основной формой террористических актов стали «экспроприации, в короткий срок выродившиеся в банальные грабежи, в уголовщину» [3, с. 24].

В период революции и гражданской войны террористические акты совершались не только против политических деятелей, но и в отношении гражданского населения. Терроризм использовали в политических целях как отдельные лица и политические партии, так и государство, узаконившее террор как метод борьбы с лицами, противодействующими установлению советской власти¹.

Несмотря на замалчивание темы терроризма в СССР, террористические акты имели место, причем не только в первой половине XX в., но и в период построения развитого социализма. Д. С. Рязанов, А. В. Охрименко отмечают, что принятые Советским государством антитеррористические меры были достаточно эффективными, однако «можно констатировать факты множества попыток создания структур, способных стать субъектами подобной деятельности, даже в период 1960–1980 гг., казавшийся многим временем наибольшего благополучия СССР» [4, с. 40].

До настоящего времени терроризм значительно осложняет криминогенную обстановку в Российской Федерации, угрожая ее национальной безопасности. С января по август 2023 г. в России совершено 164 террористических акта, что больше, чем за аналогичный период 2022 г. на 173,3%².

Однако, несмотря на то что террористические акты уже в конце XIX в. — начале XX в. значительно осложняли криминогенную обстановку, они квалифицировались как преступления против личности, собственности и т. п. Впервые ответственность за терроризм была установлена лишь УК РСФСР 1922 г., который к терроризму относил участие в террористических актах, направленных против деятелей советской власти и революционных рабоче-крестьянских организаций, совершенных в контрреволюционных целях (ст. 64). В статье 65 УК РСФСР 1922 г. была закреплена ответственность за разрушения или повреждения железнодорожных и иных путей сообщения, средств связи, водопроводов, общественных складов, иных сооружений или строений, совершенные путем взрыва, поджога или иными способами (ст. ст. 64, 65)³, которые, хотя формально и не считались террористическими актами, но, будучи совершенными в контрреволюционных целях, по своей сути являлись именно ими. Показательно, что помимо ответственности непосредственно за совершение террористических актов уголовно наказуемыми являлись укрывательство и недонесение о террористических актах (ст. 62 УК РСФСР 1922 г.).

УК РСФСР 1926 г. сохранил практически в неизменном виде институт ответственности за совершение террористических актов, их укрывательство

¹ О красном терроре : постановление СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Состояние преступности в России за январь–август 2023 г. URL: <https://мвд.пф/reports/item/417442/> (дата обращения: 01.10.2023).

³ О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и недонесение о них, но при этом ответственность устанавливалась не только за участие в террористических актах, но и за их организацию (ст. 58⁸)⁴.

УК РСФСР 1960 г. также предусматривал ответственность за совершение террористического акта в одной из двух форм: убийство или причинение тяжкого телесного повреждения государственному, общественному деятелю или представителю власти, совершенные в целях подрыва или ослабления советской власти (ст. 66), а также те же действия, совершенные в отношении представителя иностранного государства, но в целях провокации войны и международных осложнений (ст. 67).

По сравнению с предшествующими УК РСФСР 1922 г. и 1926 г., УК РСФСР 1960 г. конкретизировал объективную сторону террористических актов: это действия, направленные именно на убийство или причинение тяжкого вреда здоровью⁵.

Впервые ответственность за терроризм как самостоятельный вид преступлений была установлена в 1994 г., при этом в соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 213³ УК РСФСР под терроризмом понималось «совершение в целях нарушения общественной безопасности либо воздействия на принятие решений органами власти взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, а равно наступления иных тяжких последствий». Терроризм, в отличие от террористического акта, рассматривался не как государственное преступление, а как преступление против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения.

Данное определение терроризма было воспроизведено в ст. 205 УК РФ 1996 г., однако в качестве цели законодатель указал не только нарушение общественной безопасности либо воздействие на органы власти в целях принятия ими определенных решений, но и устрашение населения. Кроме того, уголовная ответственность была установлена и за угрозу терроризма.

Более широкое определение терроризма было приведено в ст. 3 Федерального закона «О борьбе с терроризмом», где законодатель фактически объединил действия, которые ранее образовывали состав террористического акта, и действия, образующие со-

став терроризма⁶. В данном определении законодатель указал, что следует понимать под решениями, принимаемыми органами власти под воздействием террористов: это решения, выгодные террористам либо удовлетворяющие их неправомерные имущественные и (или) иные интересы.

Однако в 2006 г. Федеральным законом «О противодействии терроризму» были разграничены понятия «терроризм» и «террористический акт». Терроризм был определен как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»⁷, определение террористического акта фактически повторяет диспозицию ст. 205 УК РФ в первоначальной редакции. После принятия комментируемого закона законодатель изменил название ст. 205 УК РФ с «Терроризм» на «Террористический акт», так как в противном случае понятия терроризма, приведенные в законе и в диспозиции ст. 205 УК РФ, существенно отличались бы друг от друга.

Российская Федерация входит в состав Содружества Независимых Государств, и, поскольку терроризм на современном этапе развития является фактором, дестабилизирующим обстановку и угрожающим национальной безопасности других государств — участников СНГ, возникает вопрос об унификации законодательства о борьбе с терроризмом, в первую очередь норм об ответственности за терроризм, содержащихся в уголовных кодексах государств — участников СНГ.

Отметим, что уголовное законодательство всех стран СНГ включает нормы, направленные на борьбу с террористическим проявлениями. При этом уголовные кодексы Республики Беларусь (ст. 289)⁸, Республики Казахстан (ст. 255)⁹, Киргизской Республики (ст. 252)¹⁰, Республики Молдова (ст. 278)¹¹, как и УК РФ, устанавливают ответственность за террористический акт (акт терроризма), уголовное законодательство остальных государств — участников СНГ — за терроризм; уголовно-правовое определение террористического акта в целом совпадает в законо-

⁴ Уголовный кодекс РСФСР, с изм. и доп., внесенными постановлениями ЦИК СССР от 19 февраля 1926 г. и 5 марта 1926 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О борьбе с терроризмом : федеральный закон № 130-ФЗ от 25 июля 1998 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 30.09.2023).

⁹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 266-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁰ Уголовный кодекс Киргизской Республики от 28 октября 2021 г. № 127. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 30.09.2023).

¹¹ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 958-XV. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 30.09.2023).

дательстве всех вышеуказанных стран, что обусловлено, на наш взгляд, наличием понятия акта терроризма в ч. 1 ст. 177 Модельного уголовного кодекса¹².

Вместе с тем в редакциях соответствующих статей вышеуказанных стран СНГ имеются различия, которые касаются, в основном, перечня действий, составляющих объективную сторону, и цели преступления.

Так, в ст. 205 УК РФ к этим действиям относятся совершение взрыва, поджога, иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного материального ущерба или наступления иных тяжких последствий. Аналогичные действия составляют объективную сторону акта терроризма в ст. 255 УК Республики Казахстан.

УК Республики Беларусь к действиям, составляющим объективную сторону акта терроризма, помимо указанных в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ, относит осуществление затопления и иные действия, совершенные общеопасным способом либо создающие опасность не только гибели людей, но и причинения им телесных повреждений. Как видно из текста ч. 1 ст. 289 УК Республики Беларусь, законодатель расширил перечень действий, составляющих объективную сторону за счет включения в него действий, связанных с причинением телесных повреждений, но среди этих действий нет прямого указания на действия, связанные с причинением имущественного вреда.

УК Киргизской Республики среди действий, составляющих объективную сторону акта терроризма, называет совершение взрыва, поджога и иные действия, создающие опасность гибели людей. Как и ст. 289 УК Республики Беларусь, ст. 252 УК Киргизской Республики не содержит указания на террористические действия, создающие опасность причинения имущественного вреда.

Наиболее широкий перечень действий, составляющих объективную сторону террористического акта, содержит ч. 1 ст. 278 УК Республики Молдова. Помимо всех вышеуказанных действий, к ним отнесены действия, причинившие ущерб окружающей среде.

Перечень действий, которые могут составлять объективную сторону террористического акта (акта терроризма), в уголовном законодательстве всех названных стран является открытым. К. А. Петрина по этому поводу отмечает, что более детально иные действия, составляющие объективную сторону террористического акта (акта терроризма) «раскрывается внутрисударственными источниками права — законом, постановлением высших судебных инстанций» [5].

Определенные различия имеются в субъективной стороне состава террористического акта (акта терроризма), а именно — цели, в качестве которой в ч. 1 ст. 205 УК РФ названы дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций, воздействие на принятие ими решений.

УК Республики Беларусь к целям, обозначенным в ч. 1 ст. 205 УК РФ, добавляет воспрепятствование политической или иной общественной деятельности, устрашение населения (ч. 1 ст. 289). В соответствии с УК Республики Казахстан целями акта терроризма, помимо названных в ч. 1 ст. 205 УК РФ, являются нарушение общественной безопасности, устрашение населения, провокация войны либо осложнение международных отношений (ст. 255).

УК Киргизской Республики в качестве цели акта терроризма также называет устрашение населения (ст. 252). В остальных цели акта терроризма совпадают с целями, указанными в ч. 1 ст. 205 УК РФ.

Суммируя изложенное, можно констатировать, что перечень целей террористических актов в уголовном законодательстве ряда стран СНГ шире, чем в уголовном законодательстве РФ, и прежде всего это касается такой цели, как устрашение населения, которая присутствует в диспозиции ч. 1 ст. 177 Модельного уголовного кодекса. В части 1 ст. 205 УК РФ также содержится ссылка на устрашение, но оно относится к признакам действий, составляющих объективную сторону террористического акта, а не к его цели, являющейся факультативным элементом субъективной стороны.

Считаем, что данная цель должна присутствовать и в ч. 1 ст. 205 УК РФ. В связи с чем предлагаем исключить из ч. 1 ст. 205 УК РФ слова «устрашающих население и», а также включить «устрашение населения» в перечень целей террористических актов, приведенных в комментируемой части ст. 205 УК РФ.

Кроме того, необходимо дополнить ч. 1 ст. 205 УК РФ указанием на такую цель, как воспрепятствование политической или иной общественной деятельности.

Что касается такой цели, как нарушение общественной безопасности, то объектом преступления — террористического акта (акта терроризма) как раз и являются общественные отношения в сфере общественной безопасности, которым причиняется вред при совершении любого террористического акта, поэтому считаем включение в перечень целей террористического акта «нарушение общественной безопасности» нецелесообразным.

Помимо ответственности за террористический акт, кодексы всех вышеуказанных стран СНГ устанав-

¹² Модельный уголовный кодекс. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств : принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств : постановление № 7-5 от 17 февраля 1996 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Уголовный кодекс Туркменистана. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁴ Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 30.09.2023).

ливают ответственность за угрозу совершения террористических актов (актов терроризма).

Уголовные кодексы Туркменистана (ст. 293)¹³, Республики Таджикистан (ст. 179)¹⁴, Республики Армения (ст. 217)¹⁵, Азербайджанской Республики (ст. 214)¹⁶, Республики Узбекистан (ст. 155)¹⁷ устанавливают уголовную ответственность за терроризм. Однако анализ диспозиций частей первых комментируемых статей показывает, что несмотря на использование названия «терроризм», фактически ответственность установлена за совершение действий террористического характера, таких как взрывы, поджоги, стрельба из огнестрельного оружия, иные действия, создающие опасность гибели людей, причинения имущественного вреда либо наступления иных общественно опасных последствий, совершенные с теми же целями, которые указаны в статьях уголовных кодексов стран, устанавливающих ответственность за террористические акты (акты терроризма).

Наиболее широкое определение терроризма приведено в диспозиции ч. 1 ст. 155 УК Узбекистана, где терроризм рассматривается как «насилие, использование силы или иные деяния, создающие опасность для личности или собственности, совершенные с целями, характерными для террористических актов». При этом в качестве целей дополнительно указаны нарушение суверенитета и территориальной целостности, подрыв безопасности государства.

Мы видим, что имеются существенные различия в квалифицирующих признаках террористических актов (актов терроризма) и терроризма в УК разных государств — участников СНГ. Так, повторность как квалифицирующий признак рассматриваемого состава отсутствует в уголовных кодексах Российской Федерации, Киргизской Республики, Республики Узбекистан, Республики Молдова, Республики Ар-

мения, Республики Таджикистан. Имеются отличия и по другим квалифицирующим признакам. Вместе с тем нельзя не согласиться с Ф. А. Мирзоахмедовым, указывающим, что «согласованная и эффективная уголовно-правовая борьба с терроризмом на всей территории СНГ и за его пределами может вестись тогда, когда устранены или хотя бы минимизированы расхождения при понимании одних и тех же явлений, связанных с терроризмом, в уголовном законодательстве разных государств — участников СНГ» [6, с. 108].

Таким образом, несмотря на использование различных терминов в названиях статей уголовных кодексов стран СНГ, регламентирующих ответственность за терроризм, фактически все национальные уголовные кодексы устанавливают ответственность за террористические акты (акты терроризма), что соответствует конструкции ст. 177 Модельного уголовного кодекса.

Имеющиеся различия касаются, в основном, перечня действий, составляющих объективную сторону террористического акта (акта терроризма), и целей преступления. В части 1 ст. 205 УК РФ отсутствует указание на такую цель террористического акта, как устрашение населения, в связи с чем предлагаем внести изменения в комментируемую часть ст. 205 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, устрашения населения, воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, а также угроза совершения указанных действий».

Список литературы

1. Майшев С. Е. Возникновение политического терроризма в Российской империи во второй половине XIX века // *Kant*. 2016. № 1(18).
2. Гаврилова О. В. К истории возникновения государственного терроризма в России // *Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России*. 2014. № 3.
3. Турицын И. В. Власть, общество и терроризм: размышления о российской исторической традиции // *Современная научная мысль*. 2014. № 1.
4. Рязанов Д. С., Охрименко А. В. Проблемы изучения терроризма в СССР во второй половине XX в. : от отрицания к пониманию // *Общество: политика, экономика, право*. 2017. № 12.
5. Петранина К. А. Институт уголовной ответственности за терроризм в Российской Федерации и странах — участниках СНГ // *Наука. Общество. Государство*. 2017. Т. 5, № 3(19).
6. Мирзоахмедов Ф. А. Особенности ответственности за терроризм по уголовному праву государств — участников Содружества Независимых Государств // *Общество и право*. 2016. № 1(55).

¹⁵ Уголовный кодекс Республики Армения. URL: <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁶ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁷ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 30.09.2023).

Порядок направления следователем представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений

В статье рассматриваются актуальные вопросы деятельности следователя по установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, реализации полномочий по внесению соответствующих представлений, обращается внимание на сложность их установления и правильного отражения в процессуальном решении. На основе собственного практического опыта в органах предварительного расследования, а также результатов специально проведенного эмпирического исследования автор описывает типичные ошибки, допускаемые следователями при вынесении представлений о принятии мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений, и других нарушений закона. В соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и ведомственных нормативных актов определен порядок направления данных представлений в соответствующую организацию или должностному лицу.

Ключевые слова: предварительное расследование, предмет доказывания, обстоятельства, представление, устранение

Одной из главных задач правоохранительных органов является профилактика преступлений. Предупреждение преступлений является условием защиты личности, общества и государства от противоправных посягательств. Деятельность по выявлению и устранению криминогенных факторов представляет существенную часть процесса предупреждения преступности. Значительную роль в этом играют следственные подразделения, поскольку в процессе расследования наиболее полно анализируются все аспекты преступления и могут быть предложены целесообразные меры по устранению криминогенных факторов. Приказом МВД России от 9 января 2018 г. № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России» обобщение и анализ обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, названы одной из основных функций следственных подразделений системы МВД России.

Эффективной профилактической формой, используемой в ходе предварительного расследования по уголовным делам, является внесение в соответствующие организации или должностным лицам представлений о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления или других нарушений закона.

Согласно ч. 2 ст. 73 УПК РФ в ходе уголовного судопроизводства подлежат выявлению обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Следователь обязан выявить причины и условия, которые способствовали совершению конкретного преступления. Кроме того, на основании ч. 2 ст. 158 УПК РФ в ходе досудебного производства по уголовному делу следователь, установив обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, вправе внести представление об их устранении. Реализация данной процессуальной формы профилактического воздействия включает в себя следующие этапы действий следователя:

— установление в ходе расследования уголовного дела обстоятельств, способствующих совершению преступления (других нарушений закона);

— вынесение и направление представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления (других нарушений закона);

— контроль исполнения представления, при необходимости вынесение письменного напоминания или направление копии повторного представления.

На первом этапе профилактической деятельности обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, могут выявляться следователем путем производства любых следственных действий, устанавливающих причинно-следственную связь. Например, при расследовании уголовных дел, возбужденных по факту незаконного приобретения и хранения наркотических средств, путем производства допросов подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, получают информацию о местах произрастания дикорастущей конопли. С указанными участниками уголовного процесса следователем проводится проверка показаний на месте, а также осмотр участка местности, в ходе которого фиксируется наличие кустов дикорастущей конопли, площадь данного участка и его месторасположение.

Устанавливать обстоятельства, способствующие совершению преступления, можно также путем направления следователем соответствующих запросов, поручений учреждениям, предприятиям, организациям, должностным лицам для получения определенных сведений (о социальной среде, в которой находится подозреваемый, о его личности). Например, для получения сведений о том, страдает ли подозреваемый наркоманией, следователь направляет запрос в наркологический диспансер. Получение сведений о наличии или отсутствии заболевания наркоманией у подозреваемого позволяет следователю установить

причины совершения преступления данным лицом, относится к обстоятельствам, способствовавшим совершению преступления.

Следователю надлежит установить перечень нормативных правовых актов, нарушение которых способствовало совершению преступления, и перечень субъектов, в чей адрес целесообразно внесение представлений об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступлений и иных нарушений закона.

В рамках второго этапа профилактической деятельности следователь выносит представление о принятии мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления или других нарушений закона, и направляет его соответствующему субъекту. Стоит отметить, что данный вид профилактической деятельности вызывает у правоприменителя определенные сложности, обусловленные несовершенством действующего законодательства и негативно складывающейся практикой.

В УПК РФ не предусмотрены форма и содержание рассматриваемого представления, не определено и понятие обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в связи с чем данное представление составляется следователем в произвольной форме. Как правило, оно состоит, как и большинство уголовно-процессуальных решений, из вводной, описательной и резолютивной частей. Во вводной части излагается:

- наименование организации, куда направляется представление;
- должность и установочные данные руководителя организации или должность и установочные данные конкретного должностного лица;
- наименование процессуального документа;
- дата и место составления представления;
- номер и дата возбуждения уголовного дела.

В описательной части представления, как правило, указывают:

- краткую фабулу преступления, т. е. время, место, способ совершения;
- конкретное обстоятельство, которое способствовало совершению преступления или другое определенное нарушение закона;
- доказательства, подтверждающие наличие обстоятельства, способствовавшего совершению преступления (при необходимости);
- ссылку на ч. 2 ст. 158 УПК РФ.

Изучение материалов правоприменительной практики показало, что в резолютивной части представления следователем излагаются:

- конкретные профилактические меры, которые должен принять субъект в целях устранения выявленных в ходе предварительного расследования обстоятельств, способствовавших совершению преступления;
- срок, в течение которого представление подлежит рассмотрению, а также указание на необходи-

мость обязательного уведомления следователя о принятых мерах;

— предупреждение о возможности привлечения на основании ст. 17.7 КоАП РФ к административной ответственности лица, на которое возлагается обязанность рассмотрения представления, принятие необходимых профилактических мер в случае умышленного невыполнения им законных требований следователя;

— алгоритм обжалования представления в порядке, предусмотренном ст. ст. 123–125 УПК РФ.

Данный подход правоприменителя надлежит считать обоснованным.

Отметим, что следователь не ограничен в количестве представлений, выносимых в рамках расследования уголовного дела, он руководствуется установленными обстоятельствами. Соответствующие предписания содержатся в ст. 158 УПК РФ «Окончание предварительного расследования», следователь вправе внести представление на любом этапе расследования, когда будут установлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, требующие немедленного реагирования органов предварительного расследования.

Как показывает практика, данные представления следователи вносят на завершающем этапе предварительного расследования. Как правило, это происходит после вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. В связи с этим обвинительный тезис переносится в описательную часть представления, чем нарушается принцип презумпции невиновности. Составленные таким способом представления вносятся в организации или должностным лицам, которые расценивают содержащуюся в них информацию о виновности обвиняемого как неопровержимый факт, который установлен вступившим в законную силу приговором суда. На наш взгляд, правоприменителям следует воздерживаться от формулировок, утверждающих, что именно обвиняемый совершил преступление, поскольку в соответствии с презумпцией невиновности это может констатировать только суд в обвинительном приговоре, до вступления которого в законную силу обвиняемый считается невиновным. По нашему мнению, правоприменителю необходимо использовать следующие формулировки: «в отношении Иванова И. И. осуществляется уголовное преследование по факту...», «органами предварительного следствия Иванов И. И. обвиняется в том, что...».

Помимо вышеизложенного, в представлении следует указывать, какую норму, какого нормативного правового акта, внутреннего регламента или инструкции, кто нарушил и каким образом, а также наличие причинно-следственной связи между этим нарушением и совершением преступления.

Изучение практики вынесения представлений о принятии мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений, позволяет определить типичные ошибки, которые допускают

правоприменители при составлении указанного процессуального документа:

— из-за формального подхода следователей к вынесению представлений обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, и меры по их устранению носят неконкретный характер;

— представления направляются субъектам, которые не имеют отношения к возникновению и последующему устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений;

— определенная часть представлений вносится в адрес начальников территориальных органов внутренних дел МВД России, не имевших возможности устранения обстоятельств, способствующих совершению преступлений, и дававших бессодержательные ответы;

— имеется излишняя детализация описания обстоятельств совершения преступления, обвинение, сформулированное в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, следователем переносится в текст представления.

Третьим этапом профилактической работы следователя является контроль за исполнением представления, при необходимости — вынесение письменного напоминания или повторное направление копии представления.

В части 2 ст. 158 УПК РФ содержится требование, согласно которому представление подлежит рассмотрению в срок не позднее одного месяца со дня его вынесения с обязательным уведомлением о принятых мерах. Однако должностные лица, которым направляется представление, его часто игнорируют.

В таких случаях следователи направляют повторное представление или выносят напоминание данному должностному лицу, в котором ему разъясняются установленная законом обязанность рассмотреть данное представление и дать ответ, а также административная ответственность за его невыполнение.

В случае игнорирования адресатом представления, непринятия необходимых мер по устранению

обстоятельств, способствовавших совершению преступления, он может быть привлечен к административной ответственности. Согласно ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях умышленное невыполнение «требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, а равно законных требований следователя, дознавателя...» влечет наложение административного штрафа.

В этом отношении необходимо обратить внимание на следующий важный аспект. Следователь не является субъектом, имеющим право составлять протокол об административном правонарушении, предусмотренном ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Поэтому в случае нереагирования на его представление следователю необходимо направить информацию об этом начальнику органа внутренних дел или прокурору (данные лица вправе привлечь виновных к административной ответственности).

Необходимо отметить, что нередко месячный срок исполнения представления оканчивается уже после направления дела в суд. Это снижает эффективность контроля со стороны следователя за его исполнением.

Подводя итог, отметим, что профилактическая работа следователя имеет важное значение для успешного функционирования всей системы профилактики в Российской Федерации. Как показывает практика, качество вносимых правоприменителями представлений существенно влияет на ее эффективность в целом. Неформальное, принципиальное отношение к профилактической деятельности, проявление следователем настойчивости в части, касающейся устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления, способно привести к положительному результату, позволяет создать условия для предупреждения новых преступлений.

УДК 343.1

В. В. КАЛЬНИЦКИЙ, М. Е. ЯНИНА**Новое нормативное регулирование расследования после истечения срока давности уголовной ответственности**

Статья является логическим продолжением материала, опубликованного авторами в предыдущем номере журнала. Исследуются положения закона, регламентирующего во исполнение правовой позиции Конституционного Суда РФ досудебное производство после истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности, а также практика его применения.

Ключевые слова: сроки давности, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела, досудебное производство, истечение

Существо правовой позиции Конституционного Суда РФ¹, вызвавшей рассматриваемое нормативное реагирование, состоит в том, что досудебное производство по уголовному делу, по которому истек срок давности, а преследуемое лицо отказалось дать согласие на применение данного основания освобождения от уголовной ответственности, не может осуществляться неконтролируемо долго, вне установленных законом сроков. Высокий Суд обозначил на переходный период до принятия закона временной предел такого производства — двенадцать месяцев. Кроме того, в постановлении определено, что по истечении указанного срока уголовное дело, не переданное в суд, подлежит незамедлительному прекращению по п. 3 ст. 24 УПК РФ и без согласия на то подозреваемого или обвиняемого. Гарантией интересов преследуемого лица указано право обжаловать постановление о прекращении уголовного дела в суд в порядке, предусмотренном ст. 125¹ «Особенности рассмотрения отдельных категорий жалоб» УПК РФ. Напомним, что своеобразие процедуры рассмотрения жалоб в рамках указанной статьи состоит, во-первых, в праве и обязанности суда исследовать в судебном заседании имеющиеся в уголовном деле доказательства, свидетельствующие о фактических обстоятельствах уголовного дела, по правилам, установленным для судебного следствия в суде первой инстанции, в том числе на основе условия непосредственности; во-вторых, в обязанности суда в случае удовлетворения жалобы признать наличие оснований для применения процедуры реабилитации.

Позиция Конституционного Суда РФ², касающаяся прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию без получения согласия преследуемого лица, встретила резкое неприятие специалистов [2, с. 221–226; 3, с. 183–189; 4, с. 50], поскольку, по их

мнению, нет различия в том, когда применяется данное основание освобождения от уголовной ответственности: в момент истечения срока давности или после «добавочного» времени расследования. Гарантия в виде углубленного судебного исследования события преступления во всех его аспектах, включая причастность к нему конкретного лица, оказалась им недостаточно весомой. Не согласился с рассматриваемой позицией и законодатель. Его логика формально безупречна: презумпция невиновности предполагает либо констатацию виновности лица в приговоре суда, либо согласие подозреваемого или обвиняемого с внесудебным актом освобождения от уголовной ответственности. Первоначально в таком законодательном подходе нас насторожила только легкость, с которой корректируется или, скажем даже, дезавуируется установка Конституционного Суда РФ, выработанная на основе детальнейшего анализа ситуации, написанная, как говорится, черным по белому. Суд не просто отказался от гарантии в виде права преследуемого лица заблокировать неблагоприятное решение, а обозначил ей весьма существенную и равноценную замену в виде судебного рассмотрения обстоятельств дела, где контрдоводы обвиняемого прозвучат перед лицом суда. Позже, с появлением первых практических случаев, разрешаемых на основе нового регулирования, возникло более весомое ощущение правоты Конституционного Суда РФ и недостаточно глубокого, несистемного законодательного подхода, нарушившего достигнутый баланс публичных и частных интересов.

Рассмотрим последовательно то, что предложил законодатель, реализуя предписания Конституционного Суда РФ. Первое — дифференцировал сроки расследования после наступления момента невозможности привлечения к уголовной ответственности за давностью содеянного. Отмерил этот срок умо-

¹ По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 г. № 33-П. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По мнению профессора Л. В. Головки, решения Конституционного Суда РФ о признании неконституционности или конституционности нормы УПК РФ, содержащие конкретные обязательные для правоприменителя правила поведения при производстве по уголовным делам (что имеет место в рассматриваемом случае), впредь до принятия закона или независимо от такого принятия всегда являются полноценными источниками права [1, с. 233].

зрительно и очень скупое: по делам о преступлениях небольшой тяжести — два месяца, средней тяжести — три месяца. По остальным категориям, вопреки избранной им логике, законодатель не стал «резать» двенадцатимесячный срок, остался в его пределах как по тяжким, так и особо тяжким преступлениям. Подобная «забота» о преследуемых лицах по первым двум категориям преступлений является мнимой. Более эффективным, на наш взгляд, стала бы обязательная процедура продления срока расследования в пределах годичного периода, позволяющего маневрировать с учетом складывающейся конкретной следственной ситуации. Так, сразу же после вступления нового регулирования в силу с учетом правила о действии уголовно-процессуального закона во времени возникли случаи, когда дополнительный срок производства оказался исчерпанным, поскольку производство велось в рамках прежней регламентации. Например, на момент поступления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного заключения срок расследования, прошедший после возражения обвиняемого против прекращения уголовного преследования, оказался больше предусмотренного законом. Прокурор вынужден прекратить производство.

В другой практической ситуации проявилось действие наряду с рассматриваемым еще одного закона, относящегося к порядку прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности³. Как известно, законодатель, не прислушавшись к мнению Конституционного Суда РФ, установил, что в каждом случае повторного (после отмены ранее вынесенного постановления) прекращения уголовного дела по данному основанию требуется испросить согласие обвиняемого. В конкретном уголовном деле такое постановление было отменено и расследование продолжено. Поскольку срок расследования оказался более длительным, чем ныне дозволенный, а повторное согласие на прекращение уголовного преследования обвиняемый не дал, открылась безальтернативная перспектива на прекращение дела по реабилитирующему основанию.

С учетом того обстоятельства, что уголовное дело может быть возбуждено за пределами срока давности уголовной ответственности (отказ в возбуждении уголовного дела невозможен без согласия лица, в отношении которого подано заявление или на причастность которого указывают материалы предварительной проверки), период расследования становится экстремально минимальным.

В печати обращено внимание, что рассматриваемый закон не отвечает на вопрос о том, каким образом должен исчисляться «добавочный» срок производства после возвращения судом уголовного дела прокурору или при возвращении уголовного дела

для дополнительного расследования прокурором, поскольку от этого, по сути, зависит судьба преследования: оно должно быть прекращено по реабилитирующему основанию или все же рассмотрено судом по существу [5, с. 52, 53].

Теперь о самом основании прекращения уголовного дела. Это будет второй аспект, интересующий нас в Федеральном законе от 13 июня 2023 г. № 220-ФЗ. Как мы проанонсировали, законодатель не согласился с точкой зрения Конституционного Суда РФ, полагавшего возможным прекратить расследование после окончания «добавочного» времени по пункту 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ без согласия лица, и императивно установил в качестве основания завершения производства пункт 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ («непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления»).

Формально-юридически такое законодательное решение легко обосновывается. Однако в силу абсолютного абстрагирования от жизненных ситуаций оно в ряде случаев просто несправедливо по отношению к интересам государства, общества, потерпевшего и лиц, их представляющих. Выбранную законодателем альтернативу завершения производства рассматриваем как поспешно-показной подход к разрешению правовой коллизии: дело прекращено, лицо реабилитировано. По нашему мнению, принцип справедливости востребует иное отношение к подобному юридическому спору, блестяще изложенное Конституционным Судом РФ и непродуманно отвергнутое законодателем: вопрос должен быть передан на рассмотрение суда. Постановление органа расследования о прекращении уголовного дела за истечением срока давности выступает своего рода предварительным актом, оспаривание которого доступно всеми заинтересованными участниками процесса. Порядок рассмотрения жалоб, предусмотренный ст. 125¹ УПК РФ, — уникальный механизм неформального разрешения конфликта любой сложности независимой судебной властью. Согласие/несогласие на прекращение уголовного преследования, выдаваемое следователю или дознавателю, по степени охранительного потенциала ему значительно уступает. Поэтому некоторая отсрочка использования преследуемым лицом права выразить свое несогласие с прекращением дела по нереабилитирующему основанию, компенсированная возможностью реализации данного права на более высоком качественном уровне, не может свидетельствовать о понижении степени правовой защищенности преследуемого лица.

Третий аспект, выделяемый нами в федеральном законе № 220-ФЗ, связан с проявленной законодателем инициативой по урегулированию применения в период расследования после истечения срока давности мер пресечения. Применительно к законопроекту

³ О внесении изменений в статью 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 81-ФЗ.

нам уже приходилось говорить, что не разделяем позицию ученых о полном исключении мер пресечения из процедуры производства за пределами срока давности [6, с. 24, 25], как не соответствующую публично-правовым задачам уголовно-процессуальной деятельности. Не видим оснований для корректировки своей точки зрения и после, к сожалению, непосредственного включения в закон положения, согласно которому «в случае продолжения производства по уголовному делу, по которому истекли сроки давности уголовного преследования, меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого применяться не могут» (ч. 3 ст. 97 УПК РФ).

Во-первых, сторонники полного отказа от применения мер пресечения не взяли на себя труд спрогнозировать, как нужно поступать в случае ненадлежащего поведения преследуемого лица, выражающегося, например, в противодействии расследованию путем воздействия на участников процесса, продолжения преступной деятельности, уклонения от расследования и судебного разбирательства. Продолжающееся за пределами срока давности производство, несмотря на специфику, остается направленным на установление истины по делу, что предполагает определенную меру принудительного воздействия на участников процесса. Рассчитывать на идеальное поведение заинтересованных в исходе расследования и судебного разбирательства лиц вряд ли разумно. Учитывая правовые позиции Конституционного Суда РФ⁴, можно было бы исключить из системы мер пресечения, применяемых после истечения сроков давности, заключение под стражу, домашний арест, а также запрет определенных действий, в частности предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 1051 УПК РФ, предполагающий ограничение свободы выхода из жилища. Рядом исследователей залог рассматривается как мера пресечения, избираемая исключительно по инициативе невластных участников процесса. Получается, что при действующем регулировании данная мера принуждения также не может быть избрана даже при наличии соответствующего ходатайства потенциального залогодателя. Можно было бы предусмотреть дополнительные ограничительные условия избрания меры пресечения, но не исключать такую возможность полностью. Меры пресечения, конечно же, коррелируются с возможным наказанием за содеянное. Однако верно и то, что они имеют самостоятельную уголовно-процессуальную природу, и в этом смысле относительно автономны от положений материального права. Абсолютная проекция — нет наказания, нет и меры пресечения — не срабатывает. Кроме того, не следует забывать, что в определенной мере в обеспечении нуждается также и производство в порядке ст. 125¹ УПК РФ.

Во-вторых, запрет на применение мер пресечения при производстве после истечения срока давности выглядит полумерой, поскольку не затрагивает судьбу иных мер процессуального принуждения, предусмотренных, в частности, главой 14 УПК РФ, хотя степень ограничительного воздействия отдельных из них значительно выше, чем у мер пресечения. Производство по уголовному делу, которое не может быть завершено привлечением лица к уголовной ответственности, нуждается в комплексном регулировании всех аспектов принудительного потенциала. В нормативном описании нуждается также специфика правового положения большинства участников производства, имеющего место после истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности.

В третьих, вызывает сомнение законодательный изыск (по-другому эту претензию на оригинальность не назовешь), согласно которому запрет на применение мер пресечения не распространяется на случаи, «если лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления, наказуемого смертной казнью или пожизненным лишением свободы». Поясним.

Согласно ч. 4 ст. 78 УК РФ «вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы, решается судом». Это означает, что должностные лица органов расследования не являются субъектами применения института сроков давности за такие преступления. Иначе говоря, истечение в ходе расследования пятнадцати лет (п. «г» ч. 1 данной статьи) со дня совершения особо тяжкого преступления, наказуемого смертной казнью или пожизненным лишением свободы, не становится для следователя юридическим фактом, требующим реагирования на него как на обстоятельство, влекущее освобождение от уголовной ответственности. Коль скоро придание истекшему пятнадцатилетнему периоду качества срока давности зависит от суда, следователь продолжает расследование в обычном порядке. Производство за рамками срока давности, регулированию которого посвящен анализируемый федеральный закон, не возникает, так как следователь не уполномочен констатировать истечение именно срока давности. Из этого в свою очередь вытекает, что рассматриваемое нормативное положение неприменимо к случаям производства расследования после истекшего срока давности. Иными словами, предусмотренное законом исключение (отсутствие запрета на применение мер пресечения по делам, наказуемым смертной казнью или пожизненным лишением свободы) не востребовано, поскольку нет ситуаций, когда досудебное производство ведется по такой категории дел за пределами срока давности.

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Н. С. Гончарова на нарушение его конституционных прав положениями ст. ст. 5, 89, 93, 143, 154, 221, 247 и 378 УПК РСФСР : определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2000 г. № 296-О ; По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 УПК РФ в связи с жалобой гр. С. А. Костромина : постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 г. № 12-П.

Можно предвидеть следующие возражения по поводу высказанной позиции: а) закон нигде не говорит о каком-то качественно ином досудебном производстве, имеющем место по миновании сроков давности, поэтому не надо искать специфику такого производства, а запрет на применение мер пресечения и, соответственно, исключение из него, надлежит связывать с истечением указанного в ст. 78 УК РФ временного периода; б) регулирование специфики применения мер пресечения относится не только к досудебному, но также и к судебному производству, поэтому в судебных стадиях оно может оказаться востребованным.

Отвечая на первое гипотетическое суждение, заметим, что в предварительном расследовании, осуществляемом по истечении срока давности, равно как и в других случаях, когда ведущееся производство не может привести к привлечению лица к уголовной ответственности, на наш взгляд, нельзя не видеть специфики, которая затрагивает статусы участников процесса, средства доказывания, итоговые решения и иные аспекты. Тот факт, что законодатель попытался урегулировать применение мер пресечения в рамках таких производств, по нашему мнению, убедительное тому подтверждение. Другое дело, что реализовал это законодатель поспешно, без всестороннего обдумывания возможных нюансов. Обоснование качественного своеобразия такого рода расследования и детальное описание его особенностей представляет собой достаточно актуальную научную задачу. В связи с этим полагаем, что рассматриваемый нами федеральный закон распространяет свое действие именно на «особенное» расследование, начинающееся с официального отказа лица согласиться с прекращением уголовного дела в силу истечения срока давности. Если же следователь не предлагает преследуемому лицу дилемму: согласиться с прекращением дела или нет, поскольку не правомочен признать истекший пятнадцатилетний период обстоятельством, влекущим освобождение от уголовной ответственности, то и положения нового закона на подобные случаи не распространяются.

О том, что интерпретируемый нами федеральный закон, регулируя особенности применения мер пресечения к преследуемым лицам в ходе производства за пределами срока давности, подразумевает прежде всего досудебное производство, свидетельствуют контекст законоположения, а также содержание фактических ситуаций, исследованных Конституционным Судом РФ, и его позиций, положенных в основу закона. Кроме того, если суд сочтет возможным применить к лицу, совершившему преступление, более пятнадцати лет назад, институт срока давности, то производство будет завершено итоговым судебным актом. Специфика применения мер пресечения здесь просто не востребована, поскольку производство завершено.

Несколько слов выскажем по поводу ч. 3 ст. 91 УПК РФ, которая также введена анализируемым законом. Новелла касается запрета применять задержание

лица «по подозрению в совершении преступления, по которому истекли сроки давности уголовного преследования». Кроме того, также оговорено, что данный запрет не распространяется на случаи, если лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления, наказуемого смертной казнью или пожизненным лишением свободы.

С нашей точки зрения, представленная новелла излишня. Это суждение относится как к запрету применения задержания за пределами срока давности, так и к изъятию из этого запрета. Применительно к дозволению задерживать лиц, подозреваемых в совершении особо тяжких преступлений, за которые могут быть назначены смертная казнь или пожизненное лишение свободы (в законе оно сформулировано в виде исключения из общего правила), сохраняют силу все вышеизложенные аргументы, показывающие юридическую противоречивость и даже несостоятельность подобного исключения для мер пресечения.

Что касается неприменения задержания в ходе расследования после истечения срока давности, то, по нашему мнению, это вытекает из запрета на избрание мер пресечения. Задержание подозреваемого, сущность которого состоит в краткосрочном (до 48 часов) помещении лица в изолятор временного содержания, — это начальный (первый) этап в процедуре заключения под стражу. Задержание имеет подчиненный характер по отношению к содержанию под стражей в качестве меры пресечения. Цель задержания состоит в обеспечении порядка заключения под стражу, в частности, личного присутствия задержанного в зале суда в связи с соответствующим ходатайством органа расследования, а также собрания за время, пока лицо задержано, доказательств для обоснования ходатайства. Поэтому если запрещено заключение под стражу, то в силу правовой взаимосвязи данных мер принуждения недопустимо и задержание, понимаемое как кратковременный внесудебный арест лица в целях дальнейшего заключения под стражу.

Изложенное можно подытожить следующими положениями.

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 2023 г. № 220-ФЗ является формально-обязательным шагом законодателя, обусловленным необходимостью исполнения постановления Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 г. № 33-П. Принятию данного закона не предшествовало всестороннее обсуждение специфических уголовно-процессуальных отношений, выявленных органом конституционного контроля и предписанных к нормативному закреплению. По этой причине закон оказался неполным, противоречивым и, кроме того, частично искажившим смысл исходной правовой позиции.

2. Исследование особенностей производства по уголовному делу, по которому привлечение к уго-

ловной ответственности исключается, в том числе в связи с истечением срока давности, представляет собой актуальную научную задачу. В частности, нуждается в изучении специфика правового положения лиц, подвергнутых преследованию, качественные признаки и содержание такого преследования, при этом имеется в виду невозможность его завершения наступлением уголовной ответственности и применением наказания, виды и пределы применения мер

процессуального принуждения, итоговые решения, гарантии интересов заинтересованных в результатах производства лиц и некоторые другие нюансы. В глубокой интерпретации нуждаются все решения Конституционного Суда РФ, относящиеся к производствам, завершающимся обязательным освобождением от уголовной ответственности. Результатом такого исследования должно стать уточненное и дополненное законодательное регулирование.

Список литературы

1. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. М., 2016.
2. *Машинникова Н. О.* Социальная ценность уголовного судопроизводства в свете позиции постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 33-П от 18 июля 2022 года // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Орел, 6–7 октября 2022 г.) : в 2 ч. Орел, 2022. Ч. 1.
3. *Победкин А. В.* О презумпции невиновности и прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям (новая позиция Конституционного Суда Российской Федерации и новая пицца для размышления) // Уголовная политика России на современном этапе : состояние, тенденции, перспективы : мат-лы междунар. науч. конф. (к 100-летию со дня рождения Н. А. Стручкова). М., 2022.
4. *Пашин С. А.* Представляется удачным постановление Пленума Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда // Уголовный процесс. 2023. № 2.
5. *Ильютченко Н. В.* Новый дополнительный механизм реализации освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Уголовный процесс. 2023. № 8.
6. *Калиновский К. Б.* Меры пресечения в уголовном процессе. Три вопроса из практики Конституционного Суда РФ, которые нужно учесть в работе // Уголовный процесс. 2021. № 11.

Обстоятельства, способствовавшие совершению хищений денежных средств при использовании электронных средств платежа, и меры по их устранению

Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, представляют серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Одним из перспективных направлений повышения эффективности деятельности правоохранительных органов в рассматриваемой сфере следует признать профилактические меры. На основе мониторинга правоприменительной практики выделены наиболее типичные обстоятельства, способствовавшие совершению данных преступлений, а также меры по их устранению. Предложенные рекомендации позволят оптимизировать подготовку представлений, направляемых в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ.

Ключевые слова: профилактика преступлений, представление, устранение, электронные средства платежа, информационно-телекоммуникационные технологии, «социальные инженерия»

Показатели киберпреступности в 2022 г. остались стабильными. С использованием высоких технологий совершается каждое четвертое преступление. Зарегистрировано на 27,6% меньше краж, на 29% — фактов мошенничества с использованием электронных средств платежа¹, на 22,5% — криминальных деяний в сфере компьютерной информации². Вместе с тем снижение обусловлено временными трудностями, связанными с прекращением работы с российскими финансово-кредитными организациями всемирного межбанковского канала связи (SWIFT), в связи с чем практически полностью остановлен трансграничный дистанционный перевод денежных средств. Большинство подобных преступлений совершается с помощью методов «социальной инженерии»³, при которой злоумышленники используют различные поводы для того, чтобы завладеть конфиденциальной информацией, необходимой для осуществления дистанционного хищения⁴.

Таким образом, первое направление противодействия дистанционным хищениям следует связывать

с преодолением влияния на потенциальных жертв методов «социальной инженерии».

К иным действенным мерам профилактики дистанционных хищений следует отнести методы технического противодействия, в том числе программы, которые автоматически распознают и своевременно блокируют незаконные транзакции. В статье 9 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее — Закон № 161-ФЗ) предусмотрена процедура приостановления платежа оператором в случае выявления признаков его осуществления без согласия клиента, данные признаки утверждены приказом Банка России от 27 сентября 2018 г. № ОД-2525. Формирование и ведение баз данных о случаях и попытках переводов денежных средств без согласия клиента осуществляется Банком России. Ключевым инструментом процесса противодействия операциям без согласия клиента служит автоматизированная система «Фид-Антифрод» (далее — АС «Фид-Антифрод»), использование которой является обязательным для всех кредитных организаций.

¹ Электронное средство платежа — средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств (п. 13 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»). Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 30.04.2023).

³ Социальная инженерия — это способы манипулирования людьми в целях получения от них конфиденциальной информации.

⁴ Следует акцентировать внимание на двух наиболее распространенных методах «социальной инженерии» в противоправных схемах:

1) вишинг — злоумышленники, используя телефонную коммуникацию и играя определенную роль (сотрудника банка, покупателя и т. д.), под разными предлогами выманивают у владельца платежной карты конфиденциальную информацию или стимулируют к совершению определенных действий с платежной картой;

2) фишинг — злоумышленники создают поддельные сайты, чтобы получить данные пользователей. Может осуществляться посредством: рассылки почтовых сообщений, побуждающих пользователей к отправке конфиденциальных данных, например, логина и пароля. Задачей злоумышленников в подобных рассылках является создание сообщений, побуждающих пользователя открыть вложение; подделки официального сайта известных компаний. Целью создания таких ресурсов является получение логинов и паролей (от сайтов, почтовых сервисов, социальных сетей и иных интернет-сервисов), получение денежных средств под видом продажи услуг/товаров или осуществления денежных переводов, сбор данных о банковских счетах и картах.

С учетом изложенного следует выделить две наиболее действенные группы профилактических мер:

1) исключаящие влияние методов «социальной инженерии» на принятие финансовых решений потерпевшими;

2) технологического характера по обеспечению безопасности.

Обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, обусловленные влиянием «социальной инженерии» на принятие финансовых решений потерпевшими

Данные обстоятельства вызваны недостаточной финансовой грамотностью населения⁵. В соответствии со Стратегией повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 гг., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 сентября 2017 г. № 2039-р, финансовые организации играют одну из главных ролей в повышении уровня финансовой грамотности населения. Согласно целям Стратегии финансово грамотный гражданин должен, как минимум, быть способным распознавать признаки финансового мошенничества. Однако в ходе допроса потерпевших нередко выясняется, что граждане недостаточно проинформированы о наиболее распространенных способах дистанционного хищения денежных средств, о способах их защиты; не знают, вправе ли им звонить и получать какую-либо конфиденциальную информацию сотрудники службы безопасности банка. Кроме того, потерпевшие, свидетели сообщают об отсутствии на информационных стендах в жилых многоквартирных домах, в холлах предприятий, финансовых учреждениях и т. п. памяток, листовок о наиболее распространенных видах хищения денежных средств граждан. При выезде по сообщению о совершении дистанционного хищения денежных средств следователями проводится осмотр места происшествия, в ходе которого исследуются места расположения банкоматов, помещения залов обслуживания отделений банка, расположенных на территории населенного пункта. В ходе осмотров в местах расположения банкоматов нередко фиксируется отсутствие актуальной информации профилактического характера о действиях мошенников на экране терминалов, а также памяток и другой наглядной агитации.

К наиболее распространенным обстоятельствам этой группы относятся следующие:

— не ведется системная работа по просвещению и информированию граждан о наиболее распространенных способах дистанционных хищений, взлома паролей, кражи номеров платежных карт; создании фишинговых сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и способах защиты от них со стороны субъекта профилактики;

— отсутствуют баннеры и стенды, содержащие актуальную профилактическую информацию. Имеющаяся информация не обновляется, разъяснительные материалы не отражают современные способы дистанционных мошенничеств, информирование о преступных действиях осуществляется без указания особенностей их совершения и способов противодействия. При определении методов информирования клиентов следует учитывать, что индивидуальная профилактика предполагает адресную работу с представителями разных групп населения;

— информация, касающаяся дистанционного хищения денежных средств граждан, на официальном сайте городской администрации носит малозначительный, скудный характер, не обновляется своевременно;

— из показаний потерпевших следует, что в ходе общения с сотрудниками администрации при оформлении социальных выплат, поступление которых производится на платежную карту, до них не доводились сведения о способах защиты денежных средств от дистанционных хищений, не были вручены наглядные агитационные материалы по профилактике основных способов мошенничества;

— при осуществлении социального патронажа, а также ухода за наиболее социально незащищенными гражданами социальные сотрудники не распространяют информационно-просветительские материалы;

— представители банка не информируют о возможности установления ограничений по переводу денежных средств. Так, сотрудниками банка ПАО «Энск», при заключении договоров банковского обслуживания не разъясняются все ограничения, которые могут быть установлены клиентом при переводе денежных средств с принадлежащего ему банковского счета, что свидетельствует о непринятии исчерпывающих мер кредитной организацией по обеспечению безопасности при осуществлении переводов, отсутствии планомерной работы по повышению финансовой грамотности населения и несоблюдении п. 2.7 Положения Банка России от 4 июня 2020 г. № 719-П «О требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств и о порядке осуществления Банком России контроля за соблюдением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств», который предусматривает, что операторы по переводу денежных средств на основании заявлений клиентов, переданных способами, определенными договорами операторов по переводу денежных средств с клиентами, должны установить ограничения по параметрам операций, которые могут осуществляться клиентами с использованием сети Интернет.

Меры по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений:

⁵ Финансовая грамотность — результат процесса финансового образования, который определяется как сочетание осведомленности, знаний, умений и поведенческих моделей, необходимых для принятия успешных финансовых решений и в конечном итоге — для достижения финансового благосостояния.

— организовать ежеквартальное размещение материалов профилактического характера в средствах массовой информации, смс-рассылку, распространение информационных памяток для граждан о возможных фактах совершения преступлений, акцентируя внимание на наиболее распространенных способах дистанционного хищения денежных средств, систематически обновлять информацию об актуальных схемах мошенничества;

— организовать размещение наглядной агитационной информации по профилактике дистанционных хищений на информационных стендах администрации, в муниципальном общественном транспорте. Проработать вопрос по изготовлению, монтажу и установке на территории г. Энска баннеров (билбордов), направленных на профилактику преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также демонстрации на светодиодном экране (при наличии такового на территории обслуживания) материалов (роликов, памяток) о способах обмана граждан (образцы для размещения можно найти на официальном сайте Следственного департамента (<https://следствие.мвд.рф>) в разделе «Внимание, мошенники»);

— организовать обучение с сотрудниками городской администрации, в ходе которого довести актуальную информацию о распространенных способах дистанционного хищения средств граждан, а также способах защиты, обязать их проводить индивидуальные беседы с населением при оформлении пособий с зачислением на платежные карты;

— на системной основе проводить профилактические беседы в учебных и трудовых коллективах;

— совершенствовать систему контроля за проведением сотрудниками банка информационно-разъяснительной работы с клиентами в том числе посредством гласных и негласных проверок, аудиофиксации процесса работы сотрудников банка с клиентами;

— информировать клиентов о том, что необходимо хранить пин-коды от платежных карт, пароли от мобильных банков и кошельков отдельно от платежных карт, не переводить денежные средства на иной банковский счет по просьбе неизвестных лиц, в том числе представляющихся сотрудниками банка, при каждом подобном случае проверять указанную информацию путем обращения в банковское учреждение;

— внедрить в программное обеспечение банкоматов заметные для граждан, неоднократно появляющиеся уведомления с предостережением о возможных мошеннических действиях при переводе денежных средств на счета платежных систем по неизвестным номерам мобильных телефонов;

— принять дополнительные меры по повышению безопасности использования клиентами банка программного обеспечения «Банк-онлайн» в целях пресечения несанкционированного доступа третьих

лиц к платежным картам, с размещением соответствующей информации в доступном для клиентов виде непосредственно в самом приложении, с указанием официальных номеров банка. При подключении указанной программы информировать клиентов о мерах безопасности при использовании платежных карт, необходимости установки на сотовые телефоны (компьютеры, планшеты) антивирусных программ;

— информировать граждан о возможности установления ограничений, предусмотренных п. 2.7 Положения Банка России от 4 июня 2020 г. № 719-П «О требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств и о порядке осуществления Банком России контроля за соблюдением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств», который предусматривает, что операторы по переводу денежных средств на основании заявлений клиентов, переданных способами, определенными договорами операторов по переводу денежных средств с клиентами, должны установить ограничения по параметрам операций, которые могут осуществляться клиентами с использованием сети Интернет.

Возможны следующие ограничения, которые могут быть установлены банками при согласовании с клиентом при реализации переводов:

— максимальная сумма перевода денежных средств за одну операцию и (или) за определенный период времени;

— перечень возможных получателей денежных средств;

— временной период, в который могут быть совершены переводы денежных средств;

— географическое местоположение устройств, с использованием которых может осуществляться формирование (подготовка) и (или) подтверждение клиентом оператора по переводу денежных средств электронных сообщений;

— перечень идентификаторов устройств, с использованием которых может осуществляться формирование (подготовка) и (или) подтверждение клиентом оператора по переводу денежных средств электронных сообщений;

— перечень предоставляемых услуг, связанных с осуществлением переводов денежных средств.

Обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, обусловленные необходимостью совершенствования технологических мер обеспечения безопасности:

— перевод денежных средств с банковского счета клиентов без применения паролей, специальных (кодовых) слов и иных способов подтверждения идентификации владельца банковского счета;

— невыполнение обязанности кредитными организациями по информированию клиента о каждой операции, совершенной с использованием электронных средств платежа, путем направления клиенту уве-

домления в порядке, установленном договором с клиентом (ч. 4 ст. 9 Закона № 161-ФЗ);

— невыполнение обязанности клиентом об уведомлении банка в случае утраты электронных средств платежа и (или) его использования без согласия клиента. При этом последний обязан направить в банк указанное уведомление незамедлительно после обнаружения факта утраты электронного средства платежа и (или) использования без его согласия, но не позднее дня, следующего за днем получения от банка уведомления об операциях (ч. 11 ст. 9 Закона № 161-ФЗ);

— несовершенство процесса приема-выдачи денежных средств в терминалах и банкоматах, поскольку не исключается возможность выдачи денежных средств при отсутствии банкнот в купюроприемнике.

В соответствии с ч. 5 ст. 27 Закона № 161-ФЗ на Банк России возложена обязанность по формированию и ведению базы данных о случаях и попытках осуществления переводов денежных средств без согласия клиента. Операторы по переводу денежных средств, операторы платежных систем, операторы услуг платежной инфраструктуры обязаны реализовывать мероприятия по противодействию осуществлению таких переводов. Вместе с тем, как показывает правоприменительная практика, действующая система противодействия несанкционированным операциям с использованием электронных средств платежа не в полной мере обеспечивает защиту граждан от неправомерных посягательств на их денежные средства. При расследовании уголовных дел установлены случаи хищения денежных средств со счетов платежных карт потерпевших, что свидетельствует о том, что со стороны банка в полной мере не обеспечивается усиленный уровень защиты. В нарушение норм российского законодательства не принимаются должные меры по установлению признаков осуществления перевода денежных средств без согласия клиента и информация своевременно не передается Банку России.

Меры по устранению указанных обстоятельств:

— не допускать использования услуги «Мобильный банк» без применения специальных (кодовых) слов, паролей;

— информировать владельца платежной карты обо всех совершенных по счету операциях с использованием электронного средства платежа путем направления клиенту соответствующего уведомления в порядке, установленном договором с клиентом. В соответствии с ч. 13 ст. 9 Закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ в случае, если оператор по переводу денежных средств не исполняет обязанности по информированию клиента о совершенной операции, то он обязан возместить клиенту сумму операции, о которой клиент не был проинформирован и которая была совершена без его согласия;

— обратить особое внимание на разъяснение обязанности клиента направлять в банк уведомление незамедлительно после обнаружения факта утраты электронного средства платежа и (или) его использования без согласия клиента, но не позднее дня, следующего за днем получения от банка уведомления об операциях. В случае невыполнения данного требования оператор по переводу денежных средств не обязан возместить клиенту сумму операции, совершенной без согласия клиента. (чч. 11, 14 ст. 9 Закона № 161-ФЗ);

— усилить личную ответственность сотрудников кредитной организации за передачу третьим лицам персональных данных клиентов и сведений, составляющих банковскую тайну гражданина. Регулярно проводить профилактические беседы, в ходе которых доводить информацию о том, что каждый сотрудник банка за правонарушения, совершенные в процессе своей трудовой деятельности, несет ответственность в пределах, определенных действующим административным, уголовным и гражданским законодательством Российской Федерации. В случае выявления неисполнения или ненадлежащего исполнения работником трудовых обязанностей к нему применяются меры, предусмотренные внутренними нормативными актами;

— усовершенствовать процесс приема-выдачи денежных средств в терминалах и банкоматах для исключения возможности выдачи денежных средств при отсутствии банкнот в купюроприемнике.

Банк России определил, что в силу чч. 4, 6 ст. 27 Закона № 161-ФЗ операторы по переводу денежных средств обязаны: реализовывать мероприятия по противодействию осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента; направлять в Банк России информацию обо всех случаях и (или) попытках осуществления переводов денежных средств без согласия клиента⁶. Тем не менее, АС «Фид-Антифрод» не выявляет на должном уровне операции, которые проводятся без согласия клиента кредитной организации. ПАО «Энскбанк» недостаточно уделено внимание финансовой безопасности клиентов, что способствует совершению аналогичных преступлений. Вышеуказанное свидетельствует о несоответствии деятельности сотрудников безопасности ПАО «Энскбанк» по противодействию хищениям денежных средств с платежных счетов граждан требованиям, изложенным в Федеральном законе от 27 июня 2018 г. № 167-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия хищению денежных средств».

В целях непрерывного совершенствования системы АС «Фид-Антифрод», предназначенной для выявления подозрительных операций в онлайн-режиме, кредитные организации обязаны модернизировать

⁶ Об особенностях применения мер к кредитным организациям при совершении ими действий, предусмотренных частями 5.1–5.3 статьи 8, частями 11.1–11.5 статьи 9, частями 4, 6 статьи 27 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»: информационное письмо Банка России от 9 октября 2018 г. № ВН-03-56-3-2/3398.

свои информационные системы безопасности. При этом следует учитывать, что невыполнение данного требования может являться основанием для отнесения на них рисков совершения неавторизованных списаний. Так, при рассмотрении дел о взыскании убытков с финансовых организаций в связи с неправомерными списаниями со счетов их клиентов предметом судебной оценки становятся проявление данными организациями должной осмотрительности и соблюдение ими требований в области информационной безопасности расчетных операций⁷.

В заключение следует отметить, что профилактика преступлений является необходимым условием защиты личности, общества и государства от проти-

воправных посягательств. Значительную роль в этом играют следственные подразделения, поскольку в процессе расследования наиболее полно рассматриваются все аспекты преступления и могут быть предложены целесообразные меры по устранению криминогенных факторов. Применение различных профилактических мер повышает результативность и целенаправленность работы по расследованию преступлений, является ее логическим завершением. В системе МВД России обобщение и анализ обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, является одной из основных функций главных следственных управлений, следственных управлений, следственных отделов⁸.

⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 3 июня 2015 г. № Ф08-3414/2015 по делу № А53-21833/2014 ; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 16 января 2018 г. по делу № А40-171754/17-182-1579.

⁸ Об органах предварительного следствия в системе МВД России : приказ МВД России от 9 января 2018 г. № 1.

УДК 343.13

Е. С. ТКАЧЁВА**Ограничение конституционного права на свободу и личную неприкосновенность при задержании подозреваемого**

Статья посвящена отдельным вопросам задержания подозреваемого: определению момента фактического задержания, особенностям составления соответствующего протокола, оценке судом законности и обоснованности задержания, а также учету судом времени задержания при исчислении срока применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

Ключевые слова: досудебное производство, ограничение, конституционное право, личная неприкосновенность, задержание, мера пресечения

Законодатель относит задержание к мерам уголовно-процессуального принуждения¹, о чем свидетельствует как его определение, отраженное в п. 11 ст. 5 УПК РФ, так и месторасположение норм, регулирующих порядок его применения (глава IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения»). Оно является оперативной (неотложной [2, с. 29]) мерой, ограничивающей право на свободу и личную неприкосновенность лица, причастность к совершению преступления которого необходимо проверить, и, как правило, предшествующей избранию меры пресечения. Поскольку сущность задержания состоит в кратковременном ограничении свободы и личной неприкосновенности, обоснованно отмечается его тесная взаимосвязь с заключением под стражу [3, с. 124; 4, с. 48].

Безусловно, определенное сходство между уголовно-процессуальным задержанием и заключением под стражу имеется, но оно проявляется лишь в характере самого правоограничения, связанного с временным прекращением возможности реализации личной свободы и неприкосновенности, а также нахождением в месте содержания под стражей (ИВС, СИЗО). При этом цели, мотивы и основания применения указанных мер процессуального принуждения имеют принципиальные отличия, что определяет и разный порядок их избрания.

Задержание применяется субъектами, перечисленными в ч. 1 ст. 91 УПК РФ, и не требует вынесения соответствующего постановления. Основания, мотивы и иные сведения, подтверждающие обоснованность ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, отражаются в протоколе задержания. Такая правовая конструкция объясняется тем, что соответствующие основания могут возникнуть внезапно и задержание необходимо осуществить незамедлительно.

Говоря о процессуальном оформлении задержания, следует отметить, что, по мнению С. Б. Россинского, протокол задержания подозреваемого — лишнее

звено. Автор считает, что законность и обоснованность задержания могут быть обеспечены иными процессуальными актами. В частности, мотивированным ходатайством перед судом об избрании меры пресечения или, наоборот, постановлением по его освобождению из-под стражи, выносимом в порядке ч. 1 ст. 94 УПК РФ [5]. Позволим себе не согласиться с выдвинутым предложением, поскольку законодателем протоколу задержания придается самостоятельное юридическое значение. Его составление обеспечивает возможность проверки законности произведенного задержания, обжалования решения об ограничении соответствующего конституционного права, в нем отражаются не только основания и мотивы задержания, но и время момента фактического задержания, с которого исчисляется его срок (ч. 4 ст. 194 УПК РФ). Кроме того, протокол выступает средством фиксации реального предоставления задержанному права на: защиту (ч. 3 ст. 49 УПК РФ); уведомление близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения (ст. 96 УПК РФ); разъяснение прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ. Помимо этого, протокол задержания подозреваемого является основанием для приема последнего в ИВС². Указанное свидетельствует о важности и значимости протокола задержания, в связи с чем должностным лицам органа предварительного расследования следует проявлять особую внимательность при его составлении.

В части 2 ст. 92 УПК РФ законодателем перечислены сведения, подлежащие отражению в протоколе задержания. Например, мотивы задержания, которые, в отличие от исчерпывающим образом сформулированных в законе оснований (ст. 91 УПК РФ), не раскрываются в УПК РФ. Такая ситуация вызывает сложности у правоприменителя. Изучение протоколов задержания показало, что в большинстве случаев в качестве мотивов задержания указываются его основания. В связи с этим следует еще раз обратить внимание на то, что в учебной литературе мотивами принято считать потребность в предотвращении

¹ Отметим, что вопрос о природе и сущности задержания был и остается спорным [1].

² Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел : приказ МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

уклонения лица от следствия и суда, совершения им новых преступлений или поступков, противодействующих расследованию. Мотивы задержания — это фактически то же, что и цели применения мер пресечения (ст. 97 УПК РФ) [6, с. 78]. В этом отношении следует согласиться с мнением с Д. А. Воронова, что не следует предъявлять к мотивам задержания те же требования обоснованности, что и к основаниям применения мер пресечения. Мотив не всегда может быть доказан, поскольку на первоначальном этапе в условиях дефицита информации мотив презюмируется определенным набором обстоятельств (тяжесть предполагаемого преступления, характеристика личности и др.) [7, с. 145].

По логике нормативного регулирования, задержание применяется после установления достаточных данных, указывающих на признаки преступления, т. е. после принятия решения о возбуждении уголовного дела³. Однако одной из главных особенностей ограничения конституционных прав личности (в первую очередь права на свободу и личную неприкосновенность) в процессе задержания является возможность применения ограничения до возбуждения уголовного дела⁴ (например, при возникновении оснований, предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения). Для этих целей уголовно-процессуальный закон определяет момент фактического задержания — фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 15 ст. 5 УПК РФ). Именно с моментом фактического задержания законодатель связывает начало правоограничительной деятельности и срок ее исчисления.

Следует отметить, что возможность применения уголовно-процессуального задержания до возбуждения уголовного дела, как и определение момента фактического задержания, представляется достаточно дискуссионным. Так, в юридической литературе преобладает мнение, что в срок задержания не должно включаться время, прошедшее с момента «захвата» лица до его доставления в орган предварительного расследования, как имеющее административную, а не процессуальную природу [9; 10; 11]. По такому же пути в большинстве случаев идет и правоприменительная практика. Безусловно, фактическое ограничение свободы передвижения не всегда имеет уголовно-процессуальную природу, оно может применяться в порядке ст. 27.3 КоАП РФ или ст. 14 Федерального

закона «О полиции». В целях исключения случаев подмены уголовно-процессуального задержания иным видом задержания необходимо исходить из оснований его применения, которые отличаются для каждого из его видов, предусмотренных соответствующими нормативно-правовыми актами, требующими его надлежащего (соответствующего) оформления.

Изучение уголовных дел и материалов судебного контроля за законностью действий органов предварительного следствия и дознания⁵ показало, что правоприменителем момент фактического задержания в большинстве случаев отождествляется с моментом доставления задержанного лица к следователю (дознавателю) и составления последним протокола, а не с моментом фактического лишения лица свободы передвижения. На это указывает зафиксированное в протоколе задержания время фактического задержания, которое варьируется в пределах до 30 минут от времени составления такого протокола. Безусловно, ситуации, когда время между фактическим задержанием и составлением протокола задержания является минимальным, не исключаются, но существуют и отрицательные примеры, когда правоприменителем момент фактического задержания, производимого в уголовно-процессуальном порядке, трактуется ошибочно.

Так, из протокола задержания гр. Н., составленного 09.11.2020 в 18.00, следует, что последний был задержан 09.11.2020 в 18.00 на основании п. 2 ст. 91 УПК РФ (когда потерпевшие или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление). При составлении протокола адвокатом сделано замечание, что момент фактического задержания гр. Н. следует исчислять с времени его доставления в отделение полиции, которое явилось моментом фактического лишения свободы, а именно 08.11.2020 г. в 18:00. По истечении срока задержания следователем перед судом было возбуждено ходатайство об избрании в отношении гр. Н. меры пресечения в виде заключения под стражу. В ходе судебного заседания обвиняемый Н. и его защитник снова указали на данное обстоятельство, которое суд не принял во внимание, как свидетельствующее о незаконности задержания последнего в порядке ст. ст. 91–92 УПК РФ и невозможности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Обжалуя решение суда об избрании в отношении Н. меры пресечения в виде заключения под стражу, защитник снова сослался на незаконность проведенного задержания и необоснованность избрания ука-

³ Отметим, что Верховный Суд РФ, рассматривая кассационное представление на приговор суда первой инстанции, которым И. оправдана по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, оставил его без изменения, согласившись с тем, что задержание подозреваемого не ставится в зависимость от возбуждения против него уголовного дела (Определение Верховного Суда РФ от 2 февраля 2004 г. № 44-004-3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

⁴ Задержание как мера процессуального принуждения, которая может применяться до возбуждения уголовного дела, рассматривается и в учебной литературе [8].

⁵ Используемая нами формулировка «материалы судебного контроля за законностью действий органов предварительного следствия и дознания» приводится в подзаконных нормативных актах (Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

занной меры пресечения. Апелляционный суд оставил указанную жалобу без удовлетворения, а решение суда без изменения. В части доводов заявителя на незаконность проведенного задержания сослался на отсутствие достаточного объема материалов дела, вопреки утверждениям адвоката, не позволяющим суду принять обоснованное решение о дате задержания Н., и на то, что решение по этому вопросу может быть принято при рассмотрении дела по существу⁶.

Из приведенного примера следует:

— во-первых, суд первой инстанции при рассмотрении вопроса о применении меры пресечения не принял достаточных мер по установлению всех обстоятельств произведенного задержания⁷;

— во-вторых, в предоставленных суду материалах, обосновывающих необходимость избрания меры пресечения, отсутствовали сведения, позволяющие достоверно установить момент фактического задержания;

— в-третьих, отсутствие четкого требования проверки судом момента фактического задержания и приобщения к материалам документов, его подтверждающих (в качестве которых, например, может выступать рапорт или протокол допроса сотрудника, производившего задержание лица, сведения из книги учета лиц, доставленных в дежурную часть территориального органа МВД РФ), не позволяет суду (равно как и прокурору) установить момент фактического задержания и, соответственно, проверить позицию стороны защиты о его неверном отражении в протоколе и нарушении сроков задержания.

Во избежание таких ситуаций считаем необходимым приобщать к материалам, обосновывающим необходимость избрания меры пресечения, соответствующие документы. Кроме того, выполнение указанных рекомендаций позволит привести правоприменительную практику исчисления срока задержания к «единому знаменателю», т. е. начинать исчисление с момента фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Установление момента фактического задержания, в том числе в судебном заседании, имеет важное значение для исчисления срока применения меры пресечения, избираемой по решению суда. В качестве положительного примера верного определения момента фактического задержания и включения его в срок применения меры пресечения в виде заключения под стражу выступает следующее решение суда.

Кировским районным судом г. Омска рассмотрено ходатайство следователя об избрании меры пресе-

чения в виде заключения под стражу в отношении гр. Х., из протокола задержания которого следовало, что последний задержан 21.02.2023. Время фактического задержания определено следователем как 18 часов 00 минут 21.02.2023. В судебном заседании посредством изучения материалов, обосновывающих необходимость избрания меры пресечения, а также опроса обвиняемого установлено, что гр. Х. был фактически задержан 20.02.2023 должностным лицом органа дознания, о чем последним было сообщено в рапорте об обнаружении признаков преступления, тогда как протокол задержания был составлен следователем уже после принятия решения о возбуждении уголовного дела. Следователем время фактического задержания в протоколе определено без учета рапорта сотрудника полиции, производившего фактическое задержание. Кроме того, из материалов уголовного дела следует, что до момента составления протокола задержания (как 20.02.2023, так и 21.02.2023) с гр. Х. проводились различные проверочные мероприятия и следственные действия. Судом при принятии решения об избрании меры пресечения в отношении гр. Х. время фактического задержания определено как момент фактического лишения свободы, произведенного должностным лицом органа дознания, т. е. 20.02.2023 г.

Аналогичное решение принято Омским областным судом при рассмотрении жалобы осужденного Т.⁸

В апелляционной жалобе осужденный Т. указал, что фактически он был задержан и доставлен в отдел полиции 20.04.2017, обвинение ему предъявлено 21.04.2017, т. е. спустя сутки. Протокол в порядке ст. 91 УПК РФ составлен 21.04.2017, и с этой даты судом первой инстанции исчислен срок заключения под стражу. В свою очередь судебной коллегией, исходя из материалов уголовного дела, свидетельствующих о том, что Т. был задержан на месте совершения преступлений сотрудниками полиции 20.04.2017 и доставлен ими в отдел полиции в тот же день, где фактически был лишен свободы передвигаться по своему усмотрению, момент фактического задержания определен 20.04.2017 и зачтен в срок наказания.

Изучение правоприменительной практики показало, что довольно часто с лицом, задержанным по подозрению в совершении преступления, до момента оформления протокола задержания проводятся следственные действия, на которые может быть затрачено достаточно продолжительное количество времени. В связи с этим Н. В. Азарёнком совершенно оправданно поднимается вопрос о необходимости

⁶ Архив Центрального районного суда г. Омска, материал № 3/1-61/2020.

⁷ Верховный Суд РФ прямо указывает на необходимость оценки судом наличия оснований и соблюдения порядка задержания подозреваемого. (О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (п. 29)). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Архив Кировского районного суда г. Омска, материал № 3/1-20/2023.

⁹ Апелляционное постановление Омского областного суда от 12 октября 2017 г. по делу № 22-3361/17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

учета в срок избрания как меры пресечения, так и назначаемого впоследствии наказания в виде лишения свободы, времени, когда задержанный вместе со следователем после окончания производства следственного (-ых) действия (-ий) следует в следственный орган, а также период нахождения там до составления протокола задержания в порядке ст. ст. 91, 92 УПК РФ [11, с. 9–10]. Считаем, что такое предложение является обоснованным, так как в указанный период фактическое ограничение физической свободы уже произошло.

Подводя итог, отметим, что ключевым при определении момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, должно являться не наличие у последнего определенного процессуального статуса, принятого решения о возбуждении уголовного дела, юридического оформления соответствующего протокола задержания, а фактическое положение лица, связанное с моментом фактического ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, производимое по основаниям, предусмотренным ст. 91 УПК РФ.

Список литературы

1. *Россинский С. Б.* Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6(91).
2. *Цоколова О. И.* Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого : монография. М., 2008.
3. *Логунов О. В.* Меры уголовно-процессуального принуждения на досудебных стадиях: вопросы теории и нормативного регулирования : монография / О. В. Логунов, А. В. Травников, Э. К. Кутуев, В. С. Латыпов. М., 2019.
4. *Булатов Б. Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.
5. *Россинский С. Б.* Протокол — лишнее звено в механизме задержания лица по подозрению в совершении преступления // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12.
6. *Кальницкий В. В.* Задержание подозреваемого следователем (дознавателем) // Законодательство и практика. 2014. № 2.
7. *Воронов Д. А.* Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, непосредственно после его доставления в орган дознания // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1(50).
8. *Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки.* М., 2022.
9. *Супрун С. В.* Разграничение физического, фактического и уголовно-процессуального задержания // Уголовное право. 2007. № 1.
10. *Булатов Б. Б., Кальницкий В. В.* Фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 1(88).
11. *Азарёнок Н. В.* Оптимизация института задержания подозреваемого в российском уголовном процессе с позиции баланса публичного и частного интересов // Российский следователь. 2023. № 6.

УДК 343.1

А. К. ШИН

Реализация права на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела

В статье рассматриваются вопросы производства судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела в контексте реализации заинтересованными лицами права на ознакомление с постановлением о ее назначении. Автор обосновывается позиция о необходимости обеспечения данного права после вынесения соответствующего постановления до приобретения лицами формально определенного процессуального статуса потерпевшего, подозреваемого, свидетеля.

Ключевые слова: досудебное производство, стадия, возбуждение уголовного дела, судебная экспертиза, ознакомление

В ходе осуществления деятельности по проверке сообщения о преступлении, по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании уголовного дела, у должностных лиц органов предварительного расследования довольно часто возникает необходимость в применении специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства или ремесла. В некоторых случаях принять решение о наличии или отсутствии признаков конкретного преступления невозможно без проведения соответствующего исследования (например, о признаках преступлений, предусмотренных ст. ст. 111, 228 УК РФ). Одной из форм использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве является такое следственное действие, как назначение и производство судебной экспертизы.

Известно, что производство следственных действий, по общему правилу, допускается только после возбуждения уголовного дела. Перечень тех из них, которые в порядке исключения возможно проводить в ходе проверки сообщения о преступлении, строго оговорен законодателем. В результате внесенных в 2013 г. изменений средства проверки сообщений о преступлениях¹ расширены за счет возможности назначения и производства судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 и ч. 4 ст. 195 УПК РФ). Представленные законодательные новеллы оцениваются нами положительно, поскольку возможность проведения судебной экспертизы позволяет обеспечить обоснованность принятия итогового решения (о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела) и способствует установлению обстоятельств, принципиально влияющих на правовую оценку содеянного (например, является ли изъятое вещество наркотическим, каким именно и в каком размере; имеется ли вред здоровью, какой именно; какова причина смерти; имеются ли признаки насильственной смерти и т. д.).

Нормативная регламентация процессуального порядка судебной экспертизы осуществляется гла-

вой 27 УПК РФ, структурно расположенной в разделе VIII «Предварительное расследование». Используя в стадии возбуждения уголовного дела процессуальные средства, предназначенные для предварительного расследования, правоприменитель применяет соответствующие нормы по аналогии.

Статья 198 УПК РФ определяет права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы. Одним из процессуальных прав, предусмотренных данной статьей, является право на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы. Сложность реализации указанного права в стадии возбуждения уголовного дела обусловлена тем, что правовая оценка деянию еще не дана. В ходе проверки сообщений о преступлении отсутствуют лица, обладающие определенным процессуальным статусом подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, но есть субъекты, которые занимают фактическое положение (заявитель, заподозренный, очевидец) [1, с. 1474].

Указанное закономерно вызывает у участников уголовного процесса, уполномоченных проводить проверку сообщений о преступлениях, вопросы о том:

1) надлежит ли лицу, производящему проверку и принимающему решение о назначении и производстве судебной экспертизы, по аналогии использовать положения, предназначенные для лиц, обладающих процессуальным статусом;

2) обладают ли лица, интересы которых могут быть затронуты при производстве судебной экспертизы, правом на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы и с заключением эксперта и в какой момент они могут реализовать данное право.

Отвечая на обозначенные вопросы, укажем, что обеспечение любого права зависит от своевременности предоставления возможности для его реализации. Реализация права на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы должно осу-

¹ Соответствующие изменения внесены в УПК РФ (О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

ществляться до ее производства, на что совершенно обоснованно указывает Верховный Суд РФ². Одной из целей ознакомления с постановлением о назначении экспертизы является создание условий для реализации заинтересованными лицами других процессуальных прав: заявлять отвод эксперту; ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении; ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту; присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы; давать объяснения эксперту.

Изучение судебно-следственной практики показало, что в большинстве случаев, когда судебная экспертиза проводится на стадии возбуждения уголовного дела, ознакомление с постановлением о ее назначении осуществляется в ходе предварительного расследования, когда процессуальный статус участников уголовного судопроизводства становится определенным, а заключение эксперта уже получено. В этом отношении согласимся с мнением профессора А. А. Тарасова, который указывает, что такая ситуация становится возможной потому, что среди участников стадии возбуждения уголовного дела нет тех, в отношении которых на следователе лежит прямо предусмотренная законом обязанность по обеспечению реализации их прав в связи с назначаемой экспертизой, что дает формальный повод не обременять себя лишней работой и ответственностью [2, с. 75].

Конституционным Судом РФ по данному факту выработана правовая позиция о том, что ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы должно быть осуществлено до начала производства экспертизы, иначе названные участники процесса лишаются возможности реализовать связанные с ее назначением и вытекающие из конституционного принципа состязательности и равноправия сторон права, закрепленные ст. 198 УПК РФ. Требование, предусмотренное ч. 3 ст. 195 УПК РФ, распространяется на порядок назначения любых судебных экспертиз, носит императивный характер и обязательно для исполнения следователем, прокурором и судом на до-судебной стадии судопроизводства во всех случаях³.

Верховный Суд РФ в ряде решений по конкретным делам занял позицию, согласно которой при отсутствии сомнений в объективности, аргументи-

рованности заключения эксперта сам факт ознакомления участников с соответствующим постановлением после проведения экспертизы не является нарушением закона, потому что это не препятствует лицам оспаривать допустимость и достоверность выводов эксперта, а также ходатайствовать о проведении дополнительных и повторных экспертиз. Несвоевременное ознакомление с постановлениями о назначении экспертиз не препятствовало стороне защиты в реализации своих прав и не влечет признание указанных актов недопустимыми доказательствами⁴.

Высший судебный орган конституционного контроля Российской Федерации в постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П разъяснил, что если фактическое положение лица как нуждающегося в правовой помощи возникает в силу того, что его конституционные права, прежде всего на свободу и личную неприкосновенность, ограничены, в том числе в связи с уголовным преследованием в целях установления его виновности, то конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным. Понятия «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» должны толковаться в конституционно-правовом, а не в придаваемом им уголовно-процессуальным законодательством более узком смысле. Во всех случаях, если уполномоченными органами власти в отношении лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода личности и личная неприкосновенность, то лицо, права которого затронуты, имеет право на получение юридической помощи защитника⁵. Отметим, что приведенные разъяснения Конституционного Суда РФ были сформулированы в период действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г., но они не потеряли своей актуальности по отношению к нормам УПК РФ 2001 г.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что с постановлением о назначении судебной экспертизы, вынесенным в стадии возбуждения уголовного дела, должны быть ознакомлены: лица, в отношении которых ведется проверка сообщения о преступлении, заявители (пострадавшие), их представители, очевидцы (т. е. потенциальные подозреваемые, их защитники, потерпевшие, их представители, свидетели), в той части, в которой данное решение затрагивает их права и интересы. Указанные лица вправе реализовать весь комплекс прав, предусмотренных ст. 198 УПК РФ. Это вытекает из общего порядка производства экс-

² О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 (ред. от 29 июня 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 206-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21 ноября 2019 г. по делу № 49-АПУ19-23. URL: <https://sudact.ru/vsrfl/doc/phlBgx8RUTH5> (дата обращения: 06.10.2023).

⁵ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

пертизы, из положений ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ, а также правовой позиции Конституционного Суда РФ, которыми определяется, что участникам проверочной деятельности предоставляются те права, какие имеются у аналогичных участников предварительного расследования (например, лицо, в отношении которого подано заявление, реализует права подозреваемого, заявитель — права потерпевшего), начиная с того момента, когда права и свободы заинтересованных лиц могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преследованием.

Полагаем, что ознакомление с постановлением о назначении и проведении судебной экспертизы должно проводиться до ее производства. Это позволит обеспечить надлежащую процессуальную форму производства данного следственного действия, что будет способствовать получению допустимых доказательств. Важно отметить, что со временем не-

которые следы преступления могут утрачиваться и видоизменяться, что затрудняет производство данного следственного действия, снижает его эффективность (например, проводить бесконечное количество экспертиз наркотических средств и психотропных веществ невозможно, потому что данный материал расходуется при проведении исследования). Выполнение нормативных предписаний, касающихся ознакомления заинтересованных лиц с постановлением о назначении судебной экспертизы, позволит исключить возможность обжалования соответствующих процессуальных действий по данному основанию, минимизировать потенциальную возможность назначения повторных и дополнительных экспертиз. Указанное в свою очередь поможет избежать затягивания сроков производства предварительного расследования, обеспечить его осуществление в разумный срок.

Список литературы

1. *Сопнева Е. В.* Заподозренный как способ выражения подозрения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4(44).
2. *Тарасов А. А.* Судебная экспертиза до возбуждения уголовного дела в контексте Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности» // Евразийский юридический журнал. 2014. № 1(68).

Б. Б. БУЛАТОВ, В. В. НИКОЛЮК, В. В. КАЛЬНИЦКИЙ

Рецензия на учебно-методический комплекс «Уголовный процесс»¹

В настоящее время методические издания по уголовному процессу не являются редкостью. Не скроем, что не каждое из них вызывает повышенный интерес. Однако методические материалы, подготовленные профессорами Владимиром Маировичем Бозровым и Ахтямом Ахатовичем Давлетовым, восприняты нами весьма уважительно. В первую очередь хочется выразить признательность ветеранам уголовного правосудия и научно-педагогической деятельности за неиссякающее за полвека стремление максимально вложиться в подготовку новых поколений юристов. Овеществленные в рецензируемых изданиях методические усилия известных ученых опровергают расхожее мнение, что обеспечение учебного процесса — удел ассистентов, максимум, старших преподавателей, а мэтры должны развивать науку. На самом же деле все обстоит иначе. Чем выше уровень квалификации юриста, входящего в студенческую аудиторию, тем интереснее и ценнее его педагогический опыт. Это только внешне кажется, что первичные знания формировать просто. Напротив, иногда проще провести сложную аргументацию новой научной идеи среди коллег, чем правильно заложить начальные представления об уголовном судопроизводстве — основу правосознания обучающихся. Ценность учебной задачи, предложенной обучающимся, в том, что она дополняет состоявшееся выступление, акцентирует внимание на нюансах. Но кто, кроме опытного педагога, знает, что определенный аспект без дополнительных усилий не улавливается? Учебная задача составляется не ради задачи, она вплетена в ход будущего обсуждения, спрогнозированного с учетом предыдущего опыта. Каждый из нас испытывал ощущение подъема, связанного с тем, что на предстоящем семинаре будет разрешаться интересная правовая ситуация, способная структурировать и украсить все занятие.

В теплом эмоциональном восприятии нами новых методических произведений, конечно же, заложено личное уважение к творчеству авторов и значительный предшествующий опыт «методического» общения. Уралцам известны наши методические по-

собия, аккумулирующие наработанную практику преподавания уголовного процесса в специализированном вузе². Позже достижения омской методической школы были уточнены и дополнены с учетом персонального вклада одного из рецензентов в ее развитие³.

У нас (не только лично — у всей кафедры) более десятка лет настольной книгой является курс лекций проф. А. А. Давлетова⁴. Нами подготовлена и издана рецензия на данный курс: отклик, который не мог не родиться с учетом самобытности (непохожести труда на другие подобные произведения) и глубины издания⁵. К данному курсу мы обращаемся постоянно, в чем читатель может удостовериться, посмотрев материал, размещенный в этом же номере журнала в рубрике «Методика преподавания».

В учебно-методическом комплексе интересна его необычная структура, включающая тематический план, программу дисциплины, практикум, контрольные вопросы, схемы, темы научно-исследовательской работы студентов, основные итоговые вопросы. В тематическом плане обращаем внимание на наполняемость общей части курса: какие включены темы, их наименование. В частности, отметили для себя, что тема 9 названа по советской традиции «Процессуальные документы, сроки и издержки». Вопросы реабилитации и гражданского иска в нашем вузе перенесены в особенную часть дисциплины, хотя по структуре Кодекса им место именно в первом разделе. Необычным показалось объединение в одной теме вопросов приостановления, возобновления и прекращения предварительного расследования. Удовлетворение вызвало наименование стадии «Назначение судебного разбирательства» вместо используемого многими названия «Подготовка к судебному заседанию». Полностью поддерживаем позицию, что кассационное и надзорное производства представляют не две самостоятельные, а одну стадию.

С большим интересом ознакомились с программой уголовного процесса. Это очень информативный документ. В нем реализован огромный практический и педагогический опыт. Здесь (как выразились соста-

¹ Бозров В. М., Давлетов А. А. Уголовный процесс. Учебно-методический комплекс. Екатеринбург, 2023. 207 с.; Бозров В. М., Давлетов А. А. Практикум по уголовному процессу. Екатеринбург, 2023. 107 с.

² См., напр.: Николюк В. В., Кальницкий В. В. Очерк методики преподавания уголовного процесса в вузе МВД России : учебно-методическое пособие. Омск, 1996. 104 с.; Булатов Б. Б., Николюк В. В., Кальницкий В. В. Преподавание уголовного процесса в вузе МВД России. Омск, 2005. 108 с.

³ Вопросы методики преподавания уголовного процесса в педагогической деятельности профессора В. В. Николюка : учебно-методическое пособие / авт.-сост. Б. Б. Булатов, В. В. Кальницкий. Омск, 2016. 152 с.

⁴ Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций. Екатеринбург, 2016. 346 с.

⁵ Рецензия на 2-томное издание : Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Общая часть : курс лекций. Екатеринбург, 2010. 250 с.; Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Особенная часть : курс лекций. Екатеринбург, 2011. 264 с. // Законодательство и практика. 2011. № 1(26). С. 81, 82.

вители комплекса применительно к написанию постановления о возбуждении уголовного дела) работает каждое слово. Те, кто знаком с научными трудами авторов методических материалов и их учеников, легко увидят, что программа отражает результаты личной разносторонней исследовательской деятельности. Так, в теме 8 «Ходатайства и жалобы в уголовном судопроизводстве» в качестве тезисов записано «усмотрение правоприменителя как главное свойство разрешения ходатайств», «заявления о реализации права, замечания, возражения как иные формы обращения участников уголовного процесса к правоприменителю». Кто посвящен, тот вспомнит диссертацию, выполненную на кафедре, и ее осязаемый (один из многих) результат в виде предложенного соотношения ходатайства и заявления о реализации права. Интересным показалось повышенное внимание в теме 14 «Следственные действия» к охранительным по своему назначению общим правилам производства таких действий. Великолепно расписана стадия судебного разбирательства. Прочитав, не только усваиваешь предмет изучения, но уже учишься, поскольку четко сформулированные тезисы сами по себе содержат знания, например: «особенности производства следственных действий в судебном следствии». Полноценный методический семинар можно провести, обсуждая авторский подход к наполнению темы 28 «Особенности производства по отдельным категориям уголовных дел».

Особо ценным находим Практикум по уголовному процессу, изданный отдельной брошюрой и вошедший в Учебно-методический комплекс. Готовы подписаться под каждым словом методических указаний, выполняющих функцию введения и обращения к обучающимся. Практикум синхронизирован с курсом лекций (где еще встретишь такую основательность методического обеспечения!), его задания предназначены для углубленного изучения учебных вопросов, освещенных на лекциях. Авторы не просто подготовили определенный набор казусов (порой это имеет место в больших коллективах составителей, когда каждый отрабатывает отдельный аспект), они основывались на выверенных методических установках. Приведем их, поскольку они весьма поучительны: постоянное обращение к тексту закона, его анализ и осмысление; освоение учебного материала через конкретные юридические ситуации (казусы); использование при решении задач широкого круга руководяще-разъяснительных нормативных правовых актов; изучение и составление уголовно-процессуальных документов.

Задания построены по своему содержанию и количеству так, чтобы «перекрыть» все основные программные тезисы, которые продублированы перед каждой группой заданий по теме. Подобный подход свидетельствует, что задания разработаны системно, осознанно, выполнение каждого задания не факультативная, а неотъемлемая часть подготовки.

Студентам предписаны источники, которые необходимо иметь в постоянном распоряжении, причем не в электронном, а бумажном виде. Даны разделяемые нами рекомендации по самостоятельной работе студентов с заданиями, а также во время обсуждения на занятии. Ощущаем близкий нам и хорошо зарекомендовавший свою эффективность консервативный уклон, отход от которого «размягчает» процесс обучения, снижает его результативность.

Великолепны сами задания: малым (насколько возможно) набором слов переданы узловые моменты уголовного судопроизводства. Лаконичность и ясность текста исключает возникновение усталости или даже раздражения от нечеткости задания, но порождает готовность его выполнить. Как преподаватели, улавливаем не только сугубо правовой смысл задания, но и его методическое значение, видим, что заложенный здесь конкретный аспект проявится в качестве продолжения при решении последующих казусов. Взаимосвязь заданий реализована высоко профессионально. В заданиях, как и в программе, проявились результаты научных изысканий авторов, а также их богатый практический опыт.

Многие задания сформулированы так, что их невозможно выполнить посредством одной лишь мыслительной деятельности, надо взять в руки ряд источников. В качестве примера обозначим задание 5 из первой темы: «Проведите сравнительный анализ положений ст. 2 УПК РСФСР 1960 г., ст. 6 УПК РФ и ст. 2 ГПК РФ». Далее следуют вопросы, логика которых понятна: требуется сравнить регулирование и выразить свое отношение. Добросовестное выполнение данного задания сформирует прочное представление о том, каким образом интерпретировать назначение отечественного уголовного процесса. В этом же ряду задание 4 четвертой темы: «Изучите положения ст. ст. 119–122 УПК РФ, регламентирующие общие правила заявления и разрешения ходатайств. На их основе проанализируйте нормы ст. 159 и ч. 4 ст. 271 УПК РФ». В результате обучающиеся должны понять, «какой метод: императивный или диспозитивный использует законодатель, определяя общий порядок разрешения ходатайств. Насколько этот метод реализован в ст. 159 УПК РФ применительно к следователю и в ч. 4 ст. 271 УПК РФ применительно к суду». Согласимся, что в такой постановке проблемной ситуации заложено доверие к студентам и уважительное отношение к их знаниям. Другое задание хорошо иллюстрирует авторский подход: «Сравните структуру УПК РСФСР 1960 г. и УПК РФ 2001 г.». Кстати, за привитие обучающимся потребности обращения к советскому уголовно-процессуальному законодательству авторам отдельная благодарность.

Нам импонирует подход к составлению задач, когда обучающимся выдается (конечно же, это происходит в отдельных случаях) необходимая информация в фабуле самого задания. Мы называем это задачей с позитивным содержанием. Этот методический

прием использован авторами практикума. Примером может служить информация о том, каким образом регламентировалось участие адвоката-защитника до 2013 г., как изменилось регулирование после указанного периода, учитывая, что Конституция РФ 1993 г. каждому гарантировала право на получение квалифицированной юридической помощи, т. е. помощи адвоката (задание 3 темы 2). Отвечая на вопрос о том, как следовало поступать на практике, обучающиеся опираются на имеющиеся сведения.

Уважительное отношение к обучающимся, вера в их прилежание проявляются в необычных (сказали бы — организационно сложных) заданиях, предлагающих «найти в свободном доступе» определенные процессуальные документы и проанализировать их (задание 10 темы 12). Прекрасный методический прием избран для целей анализа формы и содержания постановления о возбуждении уголовного дела: выложен документ, составленный на практике, и рядом — версия данного документа в изложении преподавателя, изготовленная по уже упоминавшемуся принципу — «каждое слово должно работать» (задание 14 темы 12).

Все интересное в Практикуме в коротком отзыве не укажешь. Заметим лишь, что на полях изданий, прошедших через руки рецензентов, остались множественные карандашные пометки: «творческое задание», «сложно!», «подумать», а также знаки плюс и восклицание. Имеется даже не рассчитанная на публичность заметка «густо замешано», означающая высокий уровень проблемности задания. По поводу «подумать» — это не просто пожелание самим себе, а предметное предложение. Каждый из рецензентов, имея опыт руководства педагогическими коллективами, мысленно отметил, что для целей достижения единства преподавания, выработки позиций по наиболее проблемным вопросам, было бы неплохо обсудить все задания на методических семинарах кафедры.

Раздел учебно-методического комплекса «Основные понятия» познавателен не только для обучающихся, но и для педагогов. Его достоинство состоит в продуманности и пронзительной лаконичности определений (дефиниций): только суть, и ничего больше. Выбранные для интерпретации понятия охватывают весь уголовный процесс, чем способствуют усвоению обучающимися программы дисциплины.

Информативны схемы, отображающие те или иные аспекты уголовно-процессуальной деятельности или нормативных положений. Для тех, кто легче воспринимает информацию зрительно, наличие схем будет существенным подспорьем. Подчеркнем, что во многих схемах увидели не простое разнесение информации по рисунку, а отражение личных научных представлений авторов.

Интересно сопоставить включенные в комплекс темы НИРС и итоговые вопросы дисциплины. У опытного составителя (знаем это по педагогической практике) перечни тем и вопросов во многом совпадут. Здесь же продемонстрировано существенное различие между темой научного исследования и учебным вопросом, хотя в отдельных случаях не исключено редакционное совпадение формулировок.

Помним, что традиционно любая рецензия должна содержать критические суждения. Однако, делая на этом акцент, осознанно говорим, что таковых нет, они неуместны. Во-первых, потому, что значительное методическое достижение не следует разменивать на частности, во-вторых, потому что в преподавании усмотрение педагога проявляется всегда, а значит, не стоит говорить о том, что мы в чем-то поступаем иначе. Надо порадоваться за создавших столь совершенные учебно-методические материалы и обучающихся по ним.

По результатам ознакомления с рецензируемым учебно-методическим комплексом возникло всего одно пожелание. Оно адресовано не только авторам, но и нам самим — рецензентам. Очень хотелось бы, чтобы с таким же желанием и ответственностью к подготовке методических материалов относились наши ученики и даже ученики наших учеников. Чтобы качественно проведенный семинар или вызвавшая неподдельное внимание аудитории лекция стали целью и вершиной педагогического искусства, а испытанное при этом удовлетворение не расслабляло, а стимулировало новые усилия по совершенствованию педагогического мастерства. Хотелось бы увидеть, что из Екатеринбурга на кафедру пришло методическое пособие неизвестных нам авторов, а наши молодые коллеги ответили им тем же. Методическое взаимодействие екатеринбургской и омской педагогических школ, зародившееся несколько десятилетий назад, обязано иметь продолжение.

Процесс доказывания как учебный вопрос

Включенное наблюдение показывает, что на кафедрах стали все дальше отходить от принципа единства преподавания, который предполагает единообразное освещение ключевых проблем темы, базовых положений отдельных учебных вопросов при свободе выражения преподавателем собственного мнения путем оговаривания расхождений с кафедральной позицией. Такая тенденция приводит к тому, что учебный материал по-разному распределяется и структурируется, что затрудняет его восприятие и интерпретацию обучающимися. В значительной мере проблема содержания излагаемого материала относится к учебному вопросу «Процесс доказывания», изучаемому в рамках темы «Доказательства и доказывание» дисциплины «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)». В настоящем материале показан один из возможных подходов к изложению вопроса.

Ключевые слова: процесс доказывания, собрание доказательств, оценка доказательств, методика преподавания, уголовный процесс

Если обратиться к классическому произведению в сфере теории доказывания [1], отмечающему в текущем году пятидесятилетний юбилей второго издания, то увидим, что вопрос о процессе доказывания подан комплексно: одновременно дается характеристика существа доказательственной деятельности и ее элементов. Данное обстоятельство затрудняет усвоение этого (безупречного в научном плане) материала, поскольку обучающиеся вынуждены одновременно концентрироваться на ряде близких, но все-таки различных аспектов.

Преподаватели кафедры уголовного процесса Омской академии (Омской высшей школы милиции) МВД России выделяют в теме «Доказательства и доказывание» самостоятельный вопрос о понятии доказывания как разновидности познавательной деятельности и его цели. Здесь акцентируется внимание на ретроспективном характере доказывания, общих закономерностях человеческого познания, распространяющих свое действие на доказательственную деятельность следователя, прокурора, судьи, специфике доказывания, предопределенной его правовой урегулированностью, проблеме установления истины в ходе уголовно-процессуального познания (доказывания). Завершается рассмотрение вопроса выводом о том, что уголовно-процессуальное доказывание представляет собой познавательную деятельность по установлению преступления как события прошлого и связанных с ним обстоятельств, протекающую в установленном законом правовом режиме. Приводятся дефиниции уголовно-процессуального доказывания, сформулированные профессорами А. А. Давлетовым [2, с. 83] и А. Р. Ратиновым [1, с. 298]. Сравнительный анализ дефиниций, сформулированных на разных этапах развития страны, помогает понять, что изменение законодательства, колебания уголовно-процессуальной политики практически не отражаются на сущности доказывания.

В рамках самостоятельного учебного вопроса о процессе доказывания сначала освещаются норма-

тивный и доктринальные подходы к его элементам, а затем характеризуется каждый элемент.

В соответствии со ст. 85 «Доказывание» УПК РФ «доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств ...». Основываясь на этом положении, делаем акцент, что на нормативном уровне процесс доказывания состоит из трех элементов: собирания доказательств, их проверки и оценки. В научной литературе не все авторы придерживаются этой трехчленной структуры, некоторые добавляют свои элементы или сообразно своим представлениям интерпретируют отдельные из них.

Так, авторы упоминавшейся классической монографии, в частности профессор А. Р. Ратинов, в процедуре доказывания выделяли собирание, закрепление, проверку и оценку доказательств [1, с. 298–301]. Профессор З. З. Зинатуллин структуру доказывания представляет в виде пяти элементов: выдвижение и динамическое развитие версий, собирание, проверка, оценка доказательств, а также обоснование выводов [3, с. 79–131]. Подобная позиция, высказанная данным и другими авторами, не получила полной поддержки. В частности, обращено внимание, что «построение версий пронизывает весь процесс доказывания — и собирание, и проверку, и оценку доказательств, ибо человеку вообще свойственно версионное мышление. Обоснование же вывода неотделимо от оценки доказательств, которая как раз и завершается суждением об их достаточности, для построения итогового вывода. Поэтому закрепленная в законе трехчленная структура доказывания в достаточной мере раскрывает ее содержание» [4, с. 233].

Оригинальный взгляд на процесс доказывания обнаружен профессором С. Б. Россинским. По его мнению, следует выделять следующие структурные элементы доказывания: собирание доказательств (применительно к вещественным доказательствам и иным документам) или их формирование (применительно к показаниям, протоколам следственных действий и др.), а также исследование, проверку, оценку и использование доказательств [5, с. 39–50].

Юрист-практик С. А. Пяшин, ссылаясь на мнение авторитетных ученых, считает необходимым включить в содержание доказывания вместо проверки либо наряду с ней такой элемент, как «исследование» [6, с. 190–192].

По мнению кафедры, разумным является предложение, высказанное названными и некоторыми другими авторами о дополнении нормативной структуры процесса доказывания таким элементом, как принятие и обоснование решений. Это следует из общей специфики уголовно-процессуального познания, которое, в отличие от познания в других сферах, всегда должно завершаться принятием решения. Поэтому традиционным для нашего коллектива был и остается подход, согласно которому процесс доказывания включает в себя собирание, проверку, оценку доказательств и принятие решений. Что касается «исследования», то таковым, по сути, выступают «проверка» и «оценка» в их единстве.

Очень важно и в познавательных целях, и для формирования правильных практических навыков подчеркнуть вслед за авторами большинства научных источников, что надо вести речь именно об элементах, а не этапах процесса доказывания. Под этапом понимается какая-то относительно автономная деятельность или относительно обособленный период, по завершении которого начинается следующий этап. Примером смены этапов является стадийность уголовного судопроизводства, когда выполнение задач одной стадии приводит к переходу на другую стадию. В доказывании все элементы реализуются не поочередно, а часто одновременно, поэтому неправильно говорить, что сначала доказательства собираются, потом, будучи собранными, проверяются и затем оцениваются. На самом деле проверка и оценка сведений происходят в момент собирания, оценка не обязательно следует за проверкой, а может предшествовать ей. Собирание доказательств осуществляется на основе предварительно принятого решения об этом. В учебной литературе подчеркивается, что процесс доказывания состоит именно из элементов, «поскольку каждый из них связан друг с другом не только отношениями последовательности, но и внутренними взаимосвязями, когда они взаимно „пронизываются“» [7, с. 174]. Для наглядного отражения данного обстоятельства на доске или слайде процесс доказывания может быть изображен в виде условной линейки с последовательным выделением его четырех элементов, а также в форме окружности, в которой нет четкой начальной точки, что знаменует органическую взаимосвязь и взаимопроникновение всех элементов процесса доказывания.

В характеристике *собирания доказательств* (ст. 86 УПК РФ) целесообразно выделить три подвопроса, которые в совокупности дают представление об этом элементе доказательственной деятельности: понятие, субъекты и способы.

Начать следует с обозначения условности термина «собирание». В обиходе под собиранием под-

разумеается сосредоточение в одном месте группы предметов (объектов), объективно физически существующих до начала их собирания, например, камешков, грибов, рассыпавшихся бусинок. С доказательствами так не происходит, поскольку доказательств в природе и обществе нет, они создаются (возникают) в ходе доказывания. В теории действия по созданию доказательств именуется их формированием. Доказательства формируются в ходе доказывания. Под формированием доказательства принято понимать: а) обнаружение носителя доказательственной информации (источника); б) получение (извлечение) из этого источника сведений в установленном порядке; в) процессуальное закрепление полученных сведений.

В учебной аудитории часто возникает вопрос: почему бы не внести поправку в закон (поменять термин «собирание» на «формирование»), чтобы не было показанной условности. Гипотетически можно. Однако специальный смысл используемого термина не так трудно усвоить и интерпретировать в соответствии с замыслом законодателя. Не меняем же мы термины «возбуждение уголовного дела», «прекращение уголовного дела» на их «открытие» или «заведение» и «закрытие» только потому, что обывателю так понятнее суть деятельности.

Термин «собирание», полагаем, следует сохранить, хотя бы отдавая дань вековой традиции его использования. Также полагаем, что нецелесообразно расчленять единство трех составляющих собирания (обнаружение источника, получение и закрепление сведений) и выделять в качестве самостоятельного элемента процесса доказывания, например, закрепление доказательств, как это подано в процитированном классическом советском издании.

Доказательства собираются, то есть формируются, проходя все стадии собирания в целом. Следует согласиться с мнением авторов учебных источников, трактующих собирание доказательств как совокупность «процессуальных действий, направленных на обнаружение, истребование, получение и закрепление в установленном законом порядке доказательств» [8, с. 612].

Отождествляя понятия «собирание» и «формирование», не видим смысла дифференцировать их в зависимости от вида доказательства, как это представлено в вышеприведенной позиции С. Б. Россинского: одни доказательства собираются, другие — формируются. Вещественные доказательства и иные документы, несмотря на их материализованный источник (нож, палка, лист бумаги с письменной информацией), также собираются путем формирования, т. е. не механически, а процессуально. Обнаруженный предмет приобщается к материалам уголовного дела, осматривается, при необходимости подвергается экспертному исследованию, предъявляется для опознания, признается специальным постановлением вещественным доказательством. Вот это процессуальное «волшебство» и называется собиранием веществен-

ного доказательства. Применительно к показаниям, например свидетеля, процедура собирания доказательства (формирования) представляет собой обнаружение человека — носителя сведений, извлечение данных сведений в ходе допроса с соблюдением всех гарантий интересов правосудия и гражданина, составление протокола допроса в соответствии с требованиями закона. Показания свидетеля, таким образом, собраны не в буквальном смысле слова, а в его сугубо специальном значении, — они сформированы. Для контроля усвоения обучающимися сказанного поставим вопрос «Правильно ли выражение: собрать заключение эксперта?» Для обыденной речи звучит необычно, но для юриста выражение правильное. Заключение эксперта собирается путем оценки материалов дела как требующих использования специальных знаний, назначения и производства экспертизы, получения, проверки и оценки заключения эксперта.

О субъектах собирания доказательств. Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ «собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом ...». В данном лаконичном положении заложена чрезвычайно важная информация, которую надо интерпретировать. Во-первых, субъектами собирания доказательств (или участниками судопроизводства, уполномоченными собирать доказательства) закон называет должностных лиц, ведущих как судебное, так и досудебное производство. В отличие от англо-американского процесса, где нет формализованного досудебного производства и доказательство может быть только судебным, т. е. сформированным в суде, в российском уголовном процессе доказательства формируются уже в досудебном производстве. Приверженцев заокеанского судопроизводства это возмущает, и они пафосно вопрошают: как человек в погонах может собирать доказательства, ведь доказательства могут быть только судебными. В российском уголовном судопроизводстве — процессе смешанного типа — доказательство как таковое рождается на стадии предварительного расследования. Об этом же свидетельствует анализ ч. 1 ст. 74 «Доказательства» УПК РФ, в которой закреплено, что «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель ... устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию». Поэтому субъектами собирания доказательств по прямому указанию закона выступают дознаватель и следователь. К ним можно также отнести (что подразумевается) начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, руководителя следственного органа. Что касается прокурора, то после принятия действующего УПК РФ, тем более после реформы 2007 г., он в значительной мере утратил полномочия по непосредственному собиранию доказательств, но все-таки отнесен законом к субъектам данной деятельности.

Во-вторых, важно понять, что субъектами собирания доказательств выступают только властные

участники процесса. Отечественное законодательство отвергло так называемую концепцию «двух дел», согласно которой каждая из сторон самостоятельно формирует свои материалы. Часть 2 ст. 86 УПК РФ говорит, что подозреваемый, обвиняемый и другие невластные участники процесса «вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств». Это положение надо читать так: заинтересованные лица вправе представить материалы или сведения об их нахождении, на основе которых должностные лица по своему усмотрению (при оценке данных материалов и сведений как относимых к делу) сформируют доказательства. В связи с этим целесообразно обратить внимание обучающихся на то, что несмотря на включение в перечень субъективных прав большинства участников процесса права представлять доказательства (п. 4 ч. 2 ст. 42, п. 4 ч. 4 ст. 46 УПК РФ и др.), на самом деле речь идет лишь об инициации ими собирания того или иного доказательства при окончательном усмотрении должностных лиц.

В-третьих, отдельного внимания заслуживает ч. 3 ст. 86 УПК РФ, в которой указано, что защитник «вправе собирать доказательства», и приведен перечень путей реализации такого права. Возникает вопрос о том, является ли это положение исключением из общего правила и невластный участник процесса в лице защитника отнесен к субъектам собирания доказательств, или и здесь требуется интерпретация, объясняющая юридическую нестрогость рассматриваемого положения. Полагаем, что законодатель не сделал исключения для защитника. Его участие в доказывании состоит в возбуждении ходатайства перед должностными лицами о приобщении к делу тех или иных материалов и сведений. С учетом важности выполняемой защитником функции его ходатайство, как правило, должно быть удовлетворено (ч. 21 ст. 159 УПК РФ), но последнее слово (решение о формировании на основе представленных материалов доказательства) все-таки остается за должностным лицом. Наличие части 3 ст. 86 УПК РФ может быть объяснено как компромисс между различными взглядами на роль защитника в доказывании. Нами, не станем скрывать, дается более жесткое объяснение данному положению: это атавизм, остаток от идеи «параллельного расследования», осуществляемого защитником наряду со следователем, которая была представлена в одном из законопроектов и не была до конца устранена.

О способах собирания доказательств в законе сказано следующее: «собирание доказательств осуществляется ... путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом» (ч. 1 ст. 86 УПК РФ). Следственные действия — основные способы собирания доказательств. Под ними принято понимать детально регламентированные законом процессуальные действия, направленные на выявление и закрепле-

ние следов преступления. Это, в частности, осмотр, обыск, выемка, допрос, предъявление для опознания, назначение и производство экспертизы, и некоторые другие действия, предусмотренные в главах 24–27 УПК РФ. Признаком следственных действий выступает высокая степень регламентации их процедуры, что обеспечивает доброкачественность конечного результата — доказательств в виде протоколов следственных действий, заключений экспертов, вещественных доказательств, документов. В литературе подчеркивается, что «собираение доказательств остается максимально формализованным», что является определенной компенсацией несудебного порядка их собирания. «Свобода собирания доказательств слабо сочетается с несудебным (полицейским) расследованием, лишенным судебной составляющей» [9, с. 426].

Вместе с тем, как видим, наряду с производством следственных действий закон предусматривает «иные процессуальные действия», направленные на собирание доказательств. Под ними в первую очередь имеются в виду истребование и представление доказательств, т. е. передача органу расследования или суду определенных предметов, документов, сведений по их запросу или по инициативе участников процесса или иных лиц. В законе нет ни строгого перечня иных процессуальных действий, ни, тем более, регламентации их процедуры. Это неформализованные каналы вхождения сведений в уголовный процесс. Наличие подобного «островка» свободы собирания доказательств не ставит под угрозу доброкачественность получаемых материалов, однако подчеркивает универсальность доказательственного права, позволяющего использовать любые сведения об обстоятельствах дела. Через представление, в частности поступают результаты оперативно-розыскной деятельности, предметы и документы, добровольно выданные гражданами и организациями.

Проверка доказательств — это преимущественно практическая деятельность, направленная на определение доброкачественности доказательств, достоверности содержащихся в них сведений. Нормативно данный элемент процесса доказывания регламентирован в ст. 87 УПК РФ, в которой указаны субъекты и, главное, способы проверки доказательств. Субъекты проверки доказательств те же, что и их собирания. Здесь нюансов нет. К способам проверки доказательств отнесены: а) сопоставление их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле; б) установление их источников; в) получение иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Сопоставление сведений, содержащихся в проверяемом доказательстве, с другими сведениями помогает выявлять разночтения и их причины, а в итоге — достоверность доказательства. Под установлением источников законодатель подразумевает исследование свойств носителей информации, например, близкое родство свидетеля и подозреваемого, могу-

щее повлиять на объективность показаний, наличие у свидетельствующего лица психического или физического расстройства, не позволяющего правильно воспринимать и воспроизводить информацию, и т. п. Получение новых доказательств, направленных на определение доброкачественности имеющихся сведений, возможно посредством их собирания другими следственными или иными процессуальными действиями.

С проверкой доказательств тесно связана *оценка доказательств* — мыслительный логический процесс, направленный на определение относимости, допустимости, достоверности отдельного доказательства и достаточности совокупности доказательств. Концептуальные подходы к оценке доказательств настолько важны, что они закрепляются на уровне принципов уголовного судопроизводства. В действующем законе оценка доказательств регламентируется, наряду со ст. 88 «Правила оценки доказательств», ст. 17 «Свобода оценки доказательств», расположенной в главе 2 «Принципы уголовного судопроизводства» УПК РФ. Освещение данного элемента процесса доказывания можно построить на интерпретации богатейшего смысла нормативных положений.

Субъектами оценки доказательств закон называет судью, присяжных заседателей, а также прокурора, следователя, дознавателя (ч. 1 ст. 17 УПК РФ). Нетрудно видеть, что и здесь речь идет о властных участниках процесса (присяжные заседатели, будучи представителями общественности, выполняют государственную функцию отправления правосудия), оценка доказательств которыми связана с возможностью принятия промежуточных или окончательных решений по делу. Конечно же, оценивать доказательства вправе любые другие заинтересованные участники процесса, например, защитник, потерпевший, законный представитель, которые на основе оценки доказательств реализуют свои права, участвуют в прениях, обжалуют приговор и т. п. Поэтому надо отличать оценку доказательств как основу принятия решения по делу от оценки для осуществления субъективных прав. Суд, прокурор, следователь, дознаватель, — читаем далее в рассматриваемой норме, — «оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению». Это колоссальной значимости аспект, свидетельствующий об уходе в прошлое концепции формального доказывания, когда сила того или иного доказательства определялась его заранее заданными характеристиками. Внутреннее убеждение судьи — единственное годное мерило силы доказательств [10, с. 85].

Под внутренним убеждением подразумеваются и метод, и результат оценки доказательств. Имея в виду метод, делаем акцент на том, что субъект оценки самостоятельно, посредством своей (без внешних установок) умственной деятельности вырабатывает представление об оцениваемых сведениях. Именно поэтому убеждение именуется внутренним. Этот нюанс усилен, казалось бы, тавтологичным указанием

на «свое внутреннее» убеждение: если убеждение свое, то оно внутреннее, а коль скоро оно внутреннее, то, естественно, свое. Между тем законодатель (вопреки правилам построения речи) использует для возвышения заложенного смысла два слова — «свое внутреннее» убеждение, т. е. сформировавшееся не под внешним воздействием, каким бы оно ни было, а изнутри. Внутреннее убеждение как результат доказывания — это такое интеллектуальное состояние должностного лица, которое вызывает готовность действовать: принимать юридическое решение и нести за него полную ответственность.

Продолжая рассматривать ч. 1 ст. 17 УПК РФ, находим еще одно колоссальной важности положение, выражающее сущность доказывания. Суд, прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, *основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств*. Внутреннее убеждение как результат оценки доказательств — это не безотчетное чувство (не интуиция, не фантазия), а продукт осмысления только тех сведений, которые соответствуют требованиям, предъявляемым к доказательствам. Об этом прекрасно было сказано еще полтора века назад: «если закон не может требовать у судьи отчета, почему он убедился, то все же он вменяет ему в обязанность убеждаться в чем-нибудь на основании доказательств» [11, с. 86]. Данное правило проявляется применительно ко всем субъектам оценки доказательств, на любых этапах судопроизводства и вне зависимости от его формы. Особенно рельефно оно выражено в суде с участием присяжных заседателей, где судья обязан разъяснить непрофессиональным судьям, что, удалившись в совещательную комнату, они должны вынести вердикт, исходя исключительно из тех сведений, которые исследованы в зале суда.

Важность требования о формировании внутреннего убеждения на основе доказательств подтверждается тем, что даже незначительные, на непросвещенный взгляд, изменения его редакции кардинально влияют на весь уголовный процесс. В предшествующем законодательстве было сказано, что доказательства оцениваются по внутреннему убеждению, «основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности» (ч. 1 ст. 71 УПК РСФСР 1960 г.). Иными словами, сначала необходимо было собрать исчерпывающую совокупность доказательств, т. е. установить истину по делу, даже если для этого требовалось вернуть дело из суда для дополнительного расследования, и только потом формировать свое итоговое внутреннее убеждение. В настоящее время в угоду гипертрофированной идее состязательности подлежит оценке та совокупность доказательств, которая оказалась представленной суду, несмотря на ее очевидную неполноту.

Завершается интерпретируемая нами ч. 1 ст. 17 УПК РФ указанием на то, что суд, прокурор, сле-

дователь и дознаватель оценивают доказательства, руководствуясь законом и совестью. Данные противоположные категории (закон — это строгая формализация, а совесть — категория сугубо нравственная, означающая чувство моральной ответственности перед окружающими людьми и обществом) хорошо отражают многогранность доказательственной деятельности. Оценка доказательств свободная, не связанная внешними факторами рациональная деятельность человека, в силу чего она детальному «правовому регулированию не подлежит, а осуществляется по законам логики, разумного человеческого мышления» [2, с. 94]. Вместе с тем в той части, в которой доказывание регламентировано в законе, оно должно подчиняться нормативным положениям, например, при определении допустимости/недопустимости доказательств. В статье 71 УПК РСФСР говорилось, что должностные лица при оценке доказательств руководствовались законом и «социалистическим правосознанием». Категория «правосознание» более предметна, материалистична. Это система правовых взглядов человека, его мировоззрение в целом и в части профессиональной юридической деятельности. Правосознание может быть несформированным, деформированным. Указание на социалистическое правосознание конкретизировало предписание закона идеологической составляющей. Включение в закон категории «совесть» усиливает личную составляющую усмотрения суда и органов преследования, и одновременно подчеркивает их нравственную ответственность за принятые решения. К паре «закон» и «совесть» вполне может быть добавлена третья категория — «практика», которая играет в правоприменении важнейшую роль не только как всеобщий критерий истинности знания, но и на прагматичном уровне, в качестве ориентира в позиции контрольных судебных инстанций, которым в доказывании принадлежит заключительное слово.

Часть 2 ст. 17 УПК РФ состоит, как принято говорить на кафедре, из семи золотых слов: «Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы». Данное положение, присутствовавшее, кстати, и в советском законодательстве, в очередной раз подытоживает, что в отечественном законодательстве нет места концепции формального доказывания, когда доказательственное значение тех или иных сведений определяет закон, а не субъект познания. Вместе с тем нюансы теории формальных доказательств по разным причинам проявляются в доказывании. Так, в качестве правила благоприятствования защите законодатель закрепил, что «признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся в уголовном деле доказательств» (ч. 2 ст. 77 УПК РФ). К недопустимым доказательствам относятся «показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в от-

сутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде» (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Очевидно, что здесь проявилось искусственное умаление силы доказательства в интересах преследуемого лица. К сожалению, практика демонстрирует случаи необоснованного, на наш взгляд, исключения из совокупности доказательств показаний сотрудников полиции по мотивам одной лишь профессиональной заинтересованности в исходе дела или в связи с тем, что их свидетельские показания являются производными от сведений, сообщенных преследуемыми или иными лицами [12, с. 23–29; 13, с. 29–33].

Требование непредустановленности (равного значения) доказательств также, к сожалению, деформируется при непродуманном вмешательстве законодателей в систему видов доказательств. Так, в 2003 г. в целях повышения возможностей стороны защиты в использовании специальных знаний ч. 2 ст. 74 УПК РФ была дополнена новым видом доказательства — «заключение и показания специалиста» (п. 3¹), которое применительно к заключению специалиста в теории нередко именуется неполноценным доказательством [2, с. 102] в силу отсутствия гарантий его достоверности. Очевидно, что поставленная цель не должна достигаться путем вторжения в «святая святых» — универсальный перечень видов доказательств, создавая заведомо слабый вид доказательства, неспособный стать равным другим доказательствам.

Вместо заключения. Давно подмечено, что на воду и огонь можно смотреть бесконечно. Наверное, то же можно сказать об облаках или звездном небе — в силу неохватности явлений сознанием, их волнующей не-

постижимости. Доказательственное право создано людьми, однако и оно заслуживает быть выделенным из всей совокупности правовых норм своей глубиной, неоднозначностью, универсальностью. Теорию доказательств невозможно постичь в один присест. При каждом прочтении, казалось бы, уже знакомого содержания открываются новые грани, взаимосвязи. Не случайно профессор Л. В. Головкин формирование доказательств образно называет волшебством (если обратил внимание читатель, мы в данном материале этим приемом воспользовались). На самом деле, документ или предмет в руках адвоката — это не доказательство, а те же самые документ или предмет, исследованные процессуально, становятся таковыми. Акт проверочной закупки — результат оперативно-розыскной деятельности, однако в процессе доказывания «волшебным образом» он превращается в судебное доказательство. Мы говорим это для того, чтобы преподаватели не жалели эмоций при интерпретации положений доказательственного права, подчеркивали его универсальность, одновременное сочетание строгого и свободного. Собираение доказательств предельно формализовано, но предусматривает, как мы выяснили, относительно свободные каналы вхождения информации, оценка доказательств — свободная, но также подчинена требованиям закона. Перечень видов доказательств закрытый, но содержит относительно открытые (трактующие весьма широко) отдельные виды доказательств. Подобную неоднозначность хорошо выразил поэт Н. А. Некрасов, говоря о загадочности России: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, Матушка Русь». На занятиях по доказательственному праву в том числе и такие ассоциации не кажутся неуместными.

Список литературы

1. *Теория доказательств в советском уголовном процессе* / отв. ред. Н. В. Жогин, изд. 2-е исправ. и доп. М., 1973.
2. *Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации : курс лекций.* Екатеринбург, 2016.
3. *Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание : учеб. пособие.* Ижевск, 1993.
4. *Уголовный процесс Российской Федерации : учебник* / отв. ред. проф. А. П. Кругликов. М., 2010.
5. *Россинский С. Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика.* 2017. № 5.
6. *Пяшин С. А. Еще раз об исследовании доказательств как структурном элементе доказывания // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы // мат-лы междунар. науч. конф. (к 100-летию со дня рождения Н. А. Стручкова).* М., 2022.
7. *Якупов Р. Х. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. В. Н. Галузо.* М., 1999.
8. *Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца.* М., 1989.
9. *Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головкин.* М., 2016.
10. *Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах.* Тула, 2000.
11. *Кистьяковский А. Ф. Общая часть уголовного судопроизводства : лекции, читаемые в Императорском университете Св. Владимира профессором А. Ф. Кистьяковским.* Киев, 2005.
12. *Кальницкий В. В., Крохалева А. А. Предмет и оценка показаний сотрудника оперативно-розыскного подразделения в уголовном судопроизводстве // Законодательство и практика.* 2021. № 2(47).
13. *Головкин Л. В. Об использовании производных доказательств в российском уголовном процессе // Судебный вестник Нижегородской области.* 2022. № 4(70).

УДК 343.13

А. А. БОНДАРЕНКО

Выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении «иных лиц». Выделение материалов уголовного дела

Статья является фактическим продолжением ранее опубликованного материала, посвященного характеристике решения о выделении уголовного дела в отдельное производство. В отличие от ранее рассмотренных процессуальных предпосылок расформирования уголовного дела, вынесенные в заглавие решения являются в основе своей классическим разделением единого производства, поскольку реализуемые в нем уголовные преследования ничто не объединяет, их совмещение невозможно (п. 3 ч. 1 ст. 154, ч. 1 ст. 155 УПК РФ). Установленная в ходе расследования полная автономия уголовных преследований предопределяет форму, содержание, а также процедуру принимаемого решения, которые требуют обсуждения в аудитории при рассмотрении соответствующего общего условия предварительного расследования. Методически сложно объяснить и существенную деформацию отношения правоприменителя к рассматриваемым решениям в ситуациях установления в ходе предварительного расследования нового преступления.

Ключевые слова: выделение уголовного дела, материалы уголовного дела, сложносоставное уголовное дело

Уголовные преследования, реализуемые в рамках одного уголовного дела, могут оказаться не взаимосвязаны между собой, например.

1. Сотрудниками полиции на платформе железнодорожной станции задержаны два лица, которые с одного и того же вагона сбрасывали уголь. Возбуждено уголовное дело по факту хищения, совершенного в соучастии. В рамках доказывания установлено, что лица между собой не знакомы, действовали в своих интересах, совершали самостоятельные преступления.

2. В ходе расследования на допросе потерпевшая сказала, что совершенный в отношении нее факт мошенничества не единственный, и сообщила о преступлении, совершенном ранее.

3. В одно производство соединены уголовные дела, расследуемые по факту отчуждения из собственности государства земельных участков, однако в ходе расследования установлено, что преступления совершены разными лицами.

Приведенный перечень примеров из личного следственного опыта автора показывает, что выявление отсутствия связи между преступлениями является довольно частым явлением в правоприменении. Причины, по которым разделяемые преследования оказались в рамках одного дела, значения не имеют. Если в этом была ошибка, то решением о выделении уголовного дела она будет исправлена. В то же время при фактической доказанности отсутствия связи между исследуемыми событиями преступлений решение о разделении единого производства является для правоприменителя обязательным. Отсутствие дискреции у правоприменителя служит базовым отличием вынесенных в заглавие статьи решений от тех, основанием для которых являются процессуальные предпосылки разделения единого уголовного дела, где выделенные уголовные преследования сохраняют фактическую взаимосвязь. По этой же причине осно-

вание выделения уголовного дела, предусмотренное в п. 3 ч. 1 ст. 154 УПК РФ, а также основание выделения материалов уголовного дела (ч. 1 ст. 155 УПК РФ) в учебных целях могут быть названы материальными, а их характеристика объединена.

Воспроизведем п. 3 ч. 1 ст. 154 УПК РФ и ч. 1 ст. 155 УПК РФ, обозначив курсивом особо значимые, с нашей точки зрения, слова.

Пункт 3 ч. 1 ст. 154 УПК РФ: «Дознаватель, следователь вправе выделить в отдельное производство другое уголовное дело в отношении ... *иных лиц, подозреваемых или обвиняемых* в совершении преступления, *не связанного с деяниями*, вменяемыми в вину по расследуемому уголовному делу, когда об этом *становится известно* в ходе предварительного расследования».

Часть 1 ст. 155 УПК РФ: «В случае если в ходе предварительного расследования *становится известно* о совершении *иными лицами* преступления, *не связанного* с расследуемым преступлением, следователь, дознаватель выносит постановление о выделении материалов, содержащих сведения *о новом преступлении*, из уголовного дела и направлении их для принятия решения в соответствии со статьями 144 и 145 настоящего Кодекса: следователь — руководителю следственного органа, а дознаватель — начальнику органа дознания».

Прокомментируем дополнительно обозначенные аспекты, которые внешне выглядят похожими. Первый относится к слову «*известно*». Законодатель пытается определить качество наших знаний о новом преступлении и при этом уходит от традиционных терминов «данные», «сведения», «доказательства» и от оценки их глубины, что можно было сделать используемым в аналогичных случаях указанием на их достаточность.

Необходимо понимать, что внешнее выражение нормативных положений ст. 154 УПК РФ не проявляет заложенные в них две различные по своей природе и юридическим последствиям ситуации.

В одном случае в уголовном деле уже реализуются несколько уголовных преследований, при этом какое-то из них стало «чужеродным», по терминологии закона, не взаимосвязанным с другими. Такое «чужеродное» уголовное преследование требует обособления в отдельное производство. При этом по уровню известности о нем органам расследования считать его «новым» нужно условно.

В другом значении рассматриваемое нормативное положение о новом преступлении имеет сходное толкование как для случаев выделения дела, так и выделения его материалов. В этом случае источником известности становится, как правило, внешний сигнал — прямое заявление участника процесса или непосредственное обнаружение признаков преступления. О реагировании должностного лица, ведущего расследование, на сообщение о преступлении говорит ч. 4 ст. 142 УПК РФ, предписывающая занести его (сообщение) в протокол следственного действия или судебного разбирательства. Очевидно, что при непосредственном получении информации о новом преступлении в ходе уголовно-процессуальной деятельности тоже используется протоколирование. Например, если при производстве обыска в целях отыскания орудия кражи будут обнаружены наркотические средства или поддельные официальные документы, сведения об их расположении и изъятии заносятся в протокол следственного действия.

Главный вопрос здесь в том, насколько глубоко следователь или дознаватель погружаются в закрепление поступивших (обнаруженных) сведений, где пределы, за которые нельзя выйти, не получив упрека в расследовании другого события без возбуждения уголовного дела. Какие средства допустимы для установления необходимых обстоятельств.

В соответствии с положениями ч. 5 ст. 154 и ч. 2 ст. 155 УПК РФ, выделенные материалы дела, содержащие сведения о новом преступлении, допускаются в качестве доказательств по вновь возбужденному уголовному делу. Выходит, что в недрах ведущегося расследования формируются (получаются, закрепляются и оформляются) сведения, отвечающие требованиям, предъявляемым к доказательствам, что свидетельствует об их завершенном описании в «другом» деле. Нет определенности в том, должны ли материалы-доказательства, выделенные из уголовного дела, как-то соотноситься по видам с результатами-доказательствами, полученными в ходе проверочных действий в стадии возбуждения уголовного дела (чч. 1 и 1¹ ст. 144 УПК РФ). Законодатель не настаивает на ограничении круга следственных действий, результаты которых могут войти в совокупность доказательств по уголовному делу, возбужденному по времени позже проведения данных действий. Перечень

проверочных действий в стадии возбуждения уголовного дела строго определен, но этого нельзя сказать о перечне следственных действий, используемых для закрепления сведений о новом преступлении, обнаружившихся при производстве по другому уголовному делу. Важность такого вывода повышается для ситуаций, когда устанавливается отсутствие взаимосвязи между уже исследуемыми в деле преступлениями, в данном случае уточняется предмет доказывания по делу.

Второй из выделенных нами аспектов ч. 1 ст. 155 УПК РФ относится к словам «иными лицами», а для п. 3 ч. 1 ст. 154 УПК РФ «иных лиц, подозреваемых или обвиняемых».

Нормативный посыл здесь весьма красноречив: новое преступление совершило не преследуемое, а другое лицо. Тогда логично заключить, что механизм выделения материалов не предназначен для случаев выявления нового преступления в действиях лица, в отношении которого уже возбуждено уголовное дело в связи с определенным преступлением, или которое поставлено в установленном порядке в процессуальное положение подозреваемого или обвиняемого. Правильность вышеизложенного можно подтвердить выводом Конституционного Суда РФ. Заявитель, занимая в реальном уголовном процессе положение потерпевшего, поставил под сомнение конституционность ч. 1 ст. 155 УПК РФ, которая, по его мнению, позволяет «выделить из уголовного дела в отдельное производство материалы без возбуждения уголовного дела как в отношении иных лиц, так и в отношении лиц, которые привлекаются к уголовной ответственности в рамках уголовного дела, из которого выделяются материалы». Рассматривая обращение потерпевшего, Конституционный Суд констатировал, что «каких-либо положений, позволяющих выделять материалы в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, расследование которого уже ведется по данному уголовному делу, часть первая статьи 155 УПК Российской Федерации не содержит, а значит, права заявителя в указанном аспекте не нарушает»¹.

Умышленно начали изложение применительно к выделению материалов уголовного дела, чтобы сформировать, на наш взгляд, правильное представление. Думаем, что уже сделанный вывод актуален и для трактовки сходного, но дополненного указанием на процессуальный статус преследуемого лица, нормативного положения п. 3 ч. 1 ст. 154 УПК РФ. Как и в случае с определением «чужеродности» одного из преследований, в данном случае речь идет о подозреваемом или обвиняемом, который становится «иным лицом» по отношению к преследуемым лицам, оставляемым в «основном» уголовном деле. Поскольку

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Шапова Ю. С. на нарушение его конституционных прав положениями статей 30, 34, 36, 38, 42, 125, 140, 141, 144, 145, 155, 237 и 239 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 5 июня 2014 г. № 1534-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ку исследование всех преступлений уже ведется некоторое время, вполне естественно наличие процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого.

Оставшиеся словосочетания, выделенные нами при цитировании ч. 1 ст. 155 УПК РФ и п. 3 ч. 1 ст. 154 УПК РФ, близки по смыслу, поэтому рассмотрим их вместе. Речь идет о преступлении, «не связанном с расследуемым преступлением» и «новом преступлении». Дополнительно сошлемся на ч. 3 ст. 154 УПК РФ, где также говорится о *новом преступлении*, о котором выделен не материал, а уголовное дело. Согласно этой норме «если уголовное дело выделено в отдельное производство для производства предварительного расследования *нового преступления* или в отношении *нового лица*, то в постановлении должно содержаться решение о возбуждении уголовного дела в порядке, предусмотренном статьей 146 настоящего Кодекса».

Представление о понятии «новое преступление» можно составить, оттолкнувшись от решений Конституционного Суда РФ. Заявитель оспаривал нормы, позволившие следователю «привлечь его к уголовной ответственности по обвинению в совершении преступлений, относительно которых не было вынесено постановление о возбуждении уголовного дела». По данному обращению Конституционный Суд определил, что оспариваемая заявителем ч. 1 ст. 175 УПК РФ «не оговаривает специально возможность вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого в связи с совершением преступления, относительно которого уголовное дело не было возбуждено». Далее следует конкретизация, что данная норма «предполагает необходимость соблюдения в таком случае общих положений ... статей 140, 146 и 153 УПК Российской Федерации, в силу которых при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, должно быть вынесено постановление о возбуждении уголовного дела, которое при наличии других уголовных дел должно быть соединено с ними в одно производство». И очень важный тезис: «Определение же того, являются ли инкриминируемые лицу действия составной частью преступления, по поводу которого было возбуждено уголовное дело, или они образуют самостоятельное преступление, относительно которого должно быть возбуждено новое уголовное дело, относится к ведению уполномоченных прокуроров и судов общей юрисдикции»².

Анализируя правовую позицию Конституционного Суда РФ, можно сделать вывод, что новым необходимо называть любое преступление, установленное в ходе предварительного расследования и являющееся в уголовно-правовом смысле единичным, «то есть соответствующим самостоятельному составу преступления, предусмотренному Уголовным кодексом РФ» [1, с. 226]. При установлении ранее не известных действий того же лица, но не требующих дополнительной

квалификации по статьям УК РФ, происходит усложнение основного преступления, в связи с совершением которого уже расследуется уголовное дело. В последнем случае выделения материалов и возбуждения уголовного дела («довозбуждение») не происходит.

Учебный характер материала не сдержал нас в желании высказать мнение об отношении к словосочетанию «*нового преступления или нового лица*» (ч. 3 ст. 154 УПК РФ). Его необходимо воспринимать исключительно в совокупности. И предлог «или» не должен вводить в заблуждение, так как является, в данном случае неудачным законодательным приемом. Выделить уголовное дело в отношении «нового» лица (и тем более принять решение о возбуждении такого производства) без указания конкретного преступления — невозможно. Предметом выделенного уголовного дела будет либо уже известное уголовное преследование, но потерявшее взаимосвязь с другими, либо преступление, попавшее в орбиту расследования извне.

Изучив характеристику самих оснований, обучающийся должен задуматься о том, а чем же отличаются решения о выделении уголовного дела по п. 3 ч. 1 ст. 153 УПК РФ или о выделении материалов уголовного дела по ч. 1 ст. 155 УПК РФ. На наш взгляд, отличие между названными решениями кроется лишь в процедуре. Если быть точнее, то в необходимости и возможности/невозможности принять решение о возбуждении уголовного дела.

В настоящее время сформировалось обыкновение выносить постановление о возбуждении уголовного дела в каждом случае выявления преступления, безотносительно к тому, выявлено ли оно в ходе классической проверки поступившего и зарегистрированного повода о преступлении либо в рамках уже ведущегося уголовного процесса. Напомним, что в предшествующий период при выделении уголовного дела постановление о его возбуждении не выносилось, поскольку выделяется именно дело, а не материал. Считалось, что к новому делу, «зародившемуся» внутри другого расследования, приобщается копия первого постановления о возбуждении уголовного дела. Сегодня с приданием акту возбуждения уголовного дела повышенного значения считается, что он должен выноситься в каждом случае выявления нового преступления, против чего мы осторожно, в рамках предписаний закона, возражаем.

Представляется, что, несмотря на положения ч. 3 ст. 154 УПК РФ, решение о возбуждении уголовного дела не должно сопровождать решение о выделении уголовного дела по тому преступлению, которое уже находило отражение в акте возбуждения основного уголовного дела. Такое понимание отвечает и интересам участников уголовного процесса, так как не позволяет механически «обнулить» уже использован-

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Геворкян Р. Т. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 175 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 533. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ный срок предварительного расследования. Может быть и так, что решение о выделении уголовного дела по п. 3 ч. 1 ст. 154 УПК РФ является реакцией на неверное соединение ранее самостоятельно возбужденных уголовных дел.

Уголовное дело одновременно с решением о выделении уголовного дела в отдельное производство должно возбуждаться в том случае, когда мы реагируем на внешний сигнал о совершении нового преступления иным (не преследуемым по данному уголовному делу) лицом. В этом случае логично, что срок предварительного расследования будет исчисляться с момента принятия решения о разделении производств.

В последнем случае принять решение о возбуждении уголовного дела не всегда представляется возможным, поэтому выносятся постановления о выделении материалов уголовного дела в отдельное производство в соответствии с ч. 1 ст. 155 УПК РФ. Таковыми являются ситуации, когда для принятия решения в порядке ст. 146 УПК РФ (а) требуется проведение дополнительной проверки установленного в ходе предварительного расследования преступления; (б) должно быть принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела; (в) установлены признаки преступления, непосредственного тому органу расследования, который его выявил в ходе расследования.

Таким образом, новые реалии привели к усложнению порядка разделения уголовного дела на несколько производств при установлении преступления, совершенного «иным» лицом.

В период действия УПК РСФСР, как и сейчас, мы имели дело с двумя решениями: выделение уголовно-

го дела, выделение материалов уголовного дела. Решения о возбуждении уголовного дела не требовались и не учитывались ни в каком контексте. Сформировавшееся полноценное, официальное уголовное преследование выделялось делом. Понималось так: дело уже родилось, возбуждено внутри производства, значит, и дополнительного решения не требуется. Срок исчислялся с момента начала процессуальных действий, соответствующих этому преследованию, что представляется логичным и отвечающим интересам всех участников процесса. Материалы уголовного дела выделялись в тех ситуациях, когда требовалась дополнительная, но обременяющая основное уголовное дело предварительная проверка. Оба решения были направлены на установление действий тех лиц, которые не преследовались (не могли преследоваться) по основному делу.

Возросшее значение акта возбуждения уголовного дела как обязательного элемента начала уголовного преследования привело к тому, что решение о выделении уголовного дела в отношении «иного» лица не может быть принято без возбуждения производства по новому делу. С решением о начале расследования по выделенному делу связан начальный момент исчисления срока, что не всегда соответствует фактической ситуации, складывающейся в правоприменении.

Выделение материалов уголовного дела как решение — реакция на установление преступления, совершенного иным (не преследуемым по основному делу) лицом, утратило такое значение и превратилось в технологическую процедуру выполнения требования об обязательном возбуждении уголовного дела по каждому преступлению.

Список литературы

1. Уголовное право Российской Федерации: Общая часть : учебник / под ред. проф. В. В. Векленко. Омск, 2016.

УДК 343.1

А. Р. АРСАНУКАЕВ, Т. Н. ШУМИЛОВА**Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам**

Статья посвящена порядку использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. Авторами определены проблемные аспекты теории и практики прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, а также описаны результаты анализа судебной практики признания результатов ОРД недопустимыми доказательствами.

Ключевые слова: процесс доказывания, недопустимые доказательства, оперативно-розыскная деятельность, прокурорский надзор, результаты ОРД

Вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) в доказывании по уголовным делам традиционно представляют интерес для ученых и практических работников и активно обсуждаются в научной литературе [1–5]. В частности, подчеркивается значимость взаимодействия следователя (дознателя) и оперативных сотрудников при расследовании преступлений, обращается внимание на поиск точек соприкосновения уголовного процесса и ОРД. Так, Д. И. Бедняков еще в 1991 г. указал, что «процессуальная деятельность без применения непроцессуальных методов была бы невозможной, а непроцессуальная деятельность без последующего использования ее результатов — бессмысленной» [6, с. 80]. Изречение В. Т. Томина о том, что «уголовный процесс без ОРД в большинстве случаев производства по серьезным делам бесплоден, ОРД без выхода через уголовный процесс бесплодна» [2, с. 22] стало хрестоматийным. Несмотря на то, что они сформулированы более 20 лет назад, их актуальность и сегодня бесспорна. Не вызывает сомнений, что для эффективного расследования преступлений наряду с уголовно-процессуальными средствами следует активно использовать потенциал ОРД.

Педагогическая практика показывает, что вопрос об использовании результатов ОРД в доказывании по уголовным делам представляет для понимания обучающимися определенную сложность в связи с тем, что на момент освоения дисциплины «Уголовно-процессуальное право. Уголовный процесс» дисциплина «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» ими не изучалась.

Правовая основа использования результатов ОРД в процессе доказывания по уголовным делам

Исходя из задач, выполняемых посредством ОРД, предусмотрена возможность использования ее результатов в процессе доказывания по уголовным делам. Такое использование обладает межотраслевым характером правового регулирования. Деятельность

органа, осуществляющего ОРД, регламентирована Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ «Об ОРД»)¹. При решении вопроса об использовании результатов ОРД в доказывании суд, прокурор, орган предварительного расследования руководствуются положениями УПК РФ (ст. 89 УПК РФ).

В пункте 36¹ ст. 5 УПК РФ сформулировано легальное определение результатов ОРД, под ними понимаются «сведения, полученные в соответствии с ФЗ „Об ОРД“ о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда».

Согласно правовым позициям высших органов судебной власти, использование в качестве доказательств по уголовному делу результатов оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) возможно только в том случае, когда такие мероприятия осуществляются для решения задач, предусмотренных ФЗ «Об ОРД», при наличии оснований и соблюдении условий для их проведения, а полученные сведения представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке и закреплены путем производства соответствующих следственных или судебных действий². Например, произведенные аудио- и видеозаписи, изъятые предметы и документы должны быть осмотрены и приобщены к делу: обнаруженные вещества подвергнуты экспертным исследованиям; лица, участвовавшие в проведении ОРМ, при необходимости допрошены в качестве свидетелей. В случае признания полученных на основе результатов ОРД доказательств недопустимыми они не могут быть восполнены путем допроса сотрудников органов, осуществлявших ОРМ³.

Из сказанного следует, что процесс признания результатов ОРД доказательствами регулируется уголовно-процессуальным законодательством, в то

¹ Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определения Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О, от 22 апреля 2010 г. № 487-О-О, от 23 апреля 2013 г. № 497-О, от 23 апреля 2015 г. № 999-О, от 23 апреля 2020 г. № 1070-О, от 25 ноября 2020 г. № 2601-О, от 30 ноября 2021 г. № 2608-О.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре».

время как правовой основой проведения ОРМ является ФЗ «Об ОРД».

Использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам

ФЗ «Об ОРД» содержит специальную норму, определяющую направления использования ОРД применительно к оперативно-розыскным процедурам и к уголовному процессу. В уголовном судопроизводстве результаты ОРД могут быть:

— использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий;

— поводом и основанием для возбуждения уголовного дела. Если в ходе ОРД обнаружены признаки преступления — это повод для возбуждения уголовного дела и составления рапорта в соответствии со ст. 143 УПК РФ, информация, содержащаяся в нем, подлежит проверке в порядке ст. 144 УПК РФ;

— представлены в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении;

— применены в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Согласно положениям ч. 4 ст. 11 ФЗ «Об ОРД» представление результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами. В развитие данного законодательного предписания совместным приказом утверждена Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд⁴ (далее — Инструкция).

Учитывая данную регламентацию, мы поддерживаем мнение Б. Б. Глазунова о необходимости урегулирования порядка представления результатов ОРД не ведомственным нормативным актом, а оперативно-розыскным законодательством [7, с. 34]. В продолжение данной теоретической мысли В. А. Гусевым и В. Ф. Луговиком предложено сформировать систему норм в уголовно-процессуальном законодательстве, корреспондирующих процедурно-процессуальным нормам «ФЗ об ОРД» [8, с. 246]. Подобное нормативное регулирование способно обеспечить соблюдение должного уровня гарантий защиты прав и основных свобод человека в сфере ОРД.

Необходимо обратить внимание на то, что полученные в ходе ОРМ данные не являются доказательством по уголовному делу, сведения, которые получены в результате ОРД, сначала оцениваются с точки

зрения относимости, допустимости, достоверности и только после этого могут стать доказательствами.

Порядок представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд.

Процедура представления результатов ОРД регламентируется положениями ранее указанной Инструкции и состоит в решении ряда вопросов, в частности: рассекречивание сведений, составляющих государственную тайну, содержащихся в представляемых результатах ОРД, и их носителей; оформление необходимых документов и фактическая передача материалов, полученных оперативным путем, органам предварительного расследования или в суд в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, использования в качестве повода и основания возбуждения уголовного дела, а также для подготовки следственных и судебных действий.

При необходимости рассекречивания сведений, содержащихся в материалах, отражающих результаты ОРД, руководителем органа, осуществляющего ОРД (начальником или его заместителем), выносятся постановления о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей. Форма данного документа закреплена в Приложении № 3 к Инструкции.

Результаты ОРД представляются на основании постановления руководителя органа (подразделения), осуществляющего ОРД (начальника или его заместителя) (п. 9 Инструкции) в виде рапорта об обнаружении признаков преступления (при решении вопроса о возбуждении уголовного дела) или сообщения о результатах ОРД (п. 6 Инструкции).

Изучение материалов уголовных дел показало, что наряду с результатами ОРД орган дознания направляет в орган предварительного расследования рапорт об обнаружении признаков преступления, который должен быть составлен должностным лицом подразделения органа, уполномоченного на осуществление ОРД, в соответствии с требованиями ст. 143 УПК РФ и является одним из поводов для возбуждения уголовного дела (ст. 140 УПК РФ). В нем должны содержаться данные, указывающие на признаки преступления, а именно: сведения о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены; при каких обстоятельствах имело место их обнаружение; сведения о лице (лицах), его совершившем (если они известны), и очевидцах преступления (если они известны); о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Необходимо отметить, что рапорт должен быть зарегистрирован в порядке, предусмотренном нормативными правовыми актами органов, уполномоченных на осуществление ОРД⁵.

⁴ Приказ МВД РФ, Минобороны РФ, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/1820/42/535/398/68.

⁵ Например, в системе МВД России таким нормативным актом является приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях».

Форма сообщения о результатах ОРД закреплена в Приложении № 1 к Инструкции, в нем указывается: когда, где и какое оперативно-розыскное мероприятие проводилось, какие получены результаты, когда и кем санкционировалось оперативно-розыскное мероприятие, наличие судебного решения о его проведении, цель направления материалов (для подготовки и осуществления следственных или судебных действий или для использования в доказывании по уголовным делам).

К сообщению о результатах ОРД могут прилагаться предметы, вещества, материальные носители информации, что также подлежит фиксации в тексте (с описанием их индивидуальных признаков, времени, места и обстоятельств их изъятия (получения)).

Как ранее было отмечено, в соответствии с ч. 4 ст. 11 ФЗ «Об ОРД» основанием для представления результатов ОРД является постановление руководителя органа (подразделения), осуществляющего ОРД (начальника или его заместителя), его форма и содержание установлены в Приложении № 2 к Инструкции. Вводная часть включает в себя наименование постановления, место и дату его составления, должность, специальное (воинское) звание, фамилию, инициалы руководителя, осуществляющего ОРД.

В описательно-мотивировочной части отражаются сведения о проведенных ОРМ и их результатах, цели использования, наличие судебного решения о проведении указанных ОРМ, кем и когда произошло санкционирование их проведения.

Резолютивная часть содержит решение о представлении результатов ОРД. Также в ней перечисляются оперативно-служебные документы, подлежащие направлению органу дознания, следователю или в суд.

В случаях представления результатов ОРД, полученных при проведении таких ОРМ, как проверочная закупка, контролируемая поставка предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, а также оперативного эксперимента или оперативного внедрения к ним прилагается постановление руководителя органа, осуществляющего ОРД (начальника или его заместителя), о проведении данного ОРМ.

В случае представления результатов ОРД, при получении которых проводились оперативно-розыскные мероприятия, связанные с ограничением конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, в обязательном порядке к ним прилагаются копии судебных решений о проведении ОРМ.

Обращает на себя внимание тот факт, что способ фактической передачи результатов ОРД уполномоченному должностному лицу (органу) (пересылка

по почте, передача нарочным и другие способы) избираются органом, осуществляющим ОРД, в каждом конкретном случае с учетом требований нормативных правовых актов, регулирующих организацию делопроизводства. В случае представления результатов ОРД в суд для подготовки и осуществления судебных действий или для использования в процессе доказывания, председательствующий принимает решение об их приобщении к материалам судебного производства и проведении процессуальной проверки содержащихся в них сведений.

Подводя итог по вопросу о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд следует констатировать, что данная деятельность урегулирована ФЗ «Об ОРД», положениями Инструкции. Решение о признании доказательством данных, полученных при производстве ОРМ, после их процессуальной проверки принимает лицо, в производстве которого находится уголовное дело (суд (судья), следователь, дознаватель), руководствуясь нормами УПК РФ.

Вопросы организации прокурорского надзора за законностью ОРД.

Необходимо отметить, что прокуратура занимает особое место в системе государственно-правового механизма, реализуя полномочия по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защите прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Учитывая общую публично-правовую природу деятельности по расследованию уголовных дел и ОРД, а также потенциально высокую степень вероятности нарушений закона со стороны должностных лиц, их осуществляющих, серьезность правовых последствий нарушений (например, ограничение в праве на доступ к правосудию при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела и т. п.), законодатель в качестве одного из самостоятельных направлений прокурорского надзора, закрепляя надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие⁶, подчеркнул их особую взаимосвязь.

Прокурор, в рамках надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, наделен полномочиями, указанными в ст. ст. 22, 30 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Кроме того, организация прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении ОРД урегулирована приказом Генерального прокурора РФ⁷.

Системный анализ нормативных предписаний различной юридической силы, относимых к предмету исследования, позволяет определить ключевые вопросы организации данного направления надзора. При осуществлении указанной деятельности проку-

⁶ О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ч. 2 ст. 1).

⁷ Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности : приказ Генерального прокурора РФ от 23 марта 2022 г. № 170 ДСП.

порами осуществляется проверка по следующим направлениям.

1. Законность проведения ОРМ, результаты которых являются источником сведений и процессуально закреплены в качестве доказательств по уголовному делу.

В связи с этим надлежит выяснить следующее: получены ли результаты ОРД в ходе производства оперативно-розыскных мероприятий, входящих в перечень, закрепленный ст. 6 ФЗ «Об ОРД»; соответствуют ли проведенные ОРМ целям и задачам ОРД, определенным ст. ст. 1, 2, 7 ФЗ «Об ОРД»; соблюдены ли принципы ОРД, установленные ст. 3 ФЗ «Об ОРД» (законность, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, конспирация, сочетание гласных и негласных методов и средств); осуществлены ли ОРМ уполномоченными государственными органами и уполномоченными должностными лицами (ст. 13 ФЗ «Об ОРД»); имелись ли основания для проведения ОРД, установленные ст. 7 ФЗ «Об ОРД», условия для их производства, определенные в ст. ст. 8, 9 ФЗ «Об ОРД»; соблюден ли порядок проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища органом, осуществляющим ОРД (ч. 2–6, ст. 8 ФЗ «Об ОРД», в том числе в части обращения в суд с ходатайством о разрешении таких мероприятий); условия привлечения незаинтересованных лиц для подготовки и проведения ОРМ (ч. 5 ст. 6, глава IV ФЗ «Об ОРД»); соответствие процедуры изъятия документов, предметов, материалов и сообщений при производстве ОРМ (ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД»); отсутствие провокационных действий, выразившихся в подстрекательстве, склонении, побуждении в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий со стороны органа, осуществляющего ОРД (ч. 8 ст. 5 ФЗ «Об ОРД»).

2. Соответствие оформления результатов ОРД требованиям, установленным ст. 10, ч. 4 ст. 12 ФЗ «Об ОРД».

Для этого прокурор должен установить, что в делах оперативного учета либо в ином оперативно-служебном материале имеются требуемые оперативно-служебные документы, свидетельствующие о законности документирования ОРМ: рапорт оперативного сотрудника о проведении ОРМ, предусмотренного ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД»; постановление о проведении конкретного ОРМ, предусмотренного ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД» (о проведении проверочной закупки или контролируемой поставки предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, а также эксперимента или оперативного внедрения); наличие судебного решения о даче разрешения на проведе-

ние ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища.

3. Соблюдение порядка предоставления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд.

Необходимо установить, приняты ли органом, осуществляющим ОРД, при подготовке и оформлении для передачи уполномоченным должностным лицам (органам) материалов, документов и иных объектов, полученных при проведении ОРМ, необходимые меры по их сохранности и целостности (ч. 4 ст. 11 ФЗ «Об ОРД», п. 17 Инструкции).

Таким образом, для признания результатов ОРД в качестве допустимых доказательств значение имеет, во-первых, законность производства ОРМ, во-вторых, соблюдение порядка их представления органу дознания, следователю или в суд.

Отдельное внимание следует обратить на необходимость придания полученным сведениям доказательственного значения путем их проверки и оценки процессуальным путем на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона. Поскольку результаты ОРМ сами по себе не являются доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований ФЗ «Об ОРД», могут стать доказательствами.

Другими словами, в случае нарушения ФЗ «Об ОРД» и требований Инструкции даже при условии их надлежащего процессуального оформления в соответствии с УПК РФ результаты ОРД использованы в качестве доказательств быть не могут. Об этом свидетельствуют многочисленные судебные решения, незначительную часть из которых мы рассмотрим в данной статье.

Судебная практика признания результатов ОРД недопустимыми доказательствами.

Чаще всего суды при рассмотрении уголовных дел по существу признают результаты ОРД недопустимыми доказательствами вследствие нарушений законодательства при их проведении и при нарушении порядка их представления органам предварительного расследования или в суд. Приведем примеры судебных решений, в которых доказательства признаны недопустимыми в связи с нарушением закона при проведении ОРМ.

В приговоре Волжского городского суда Республики Марий Эл⁸ в отношении К. и Я. из числа доказательств исключены данные о проведенном ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». При этом, как следует из материалов уголовного дела, в результате проведенного с нарушением закона ОРМ в жилищах К. и Я. были обнаружены наркотические средства и имеющие значение для дела предметы.

⁸ Приговор Волжского городского суда Республики Марий Эл от 4 февраля 2016 г. по делу № 1-290/2015.

В описательно-мотивировочной части данного судебного решения указано, что согласно п. 8 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД» ОРМ проводятся для решения задач, предусмотренных ст. 2 ФЗ «Об ОРД». По смыслу указанных норм в их взаимосвязи со ст. 9 ФЗ «Об ОРД», данное ОРМ осуществляется негласно и не может быть направлено на обнаружение и изъятие доказательств по уголовному делу. В то время как из показаний оперуполномоченного следует, что проводя обследование жилища К. и Я., он фактически выполнял те же действия, что и при обыске, а именно: осуществлял поиск наркотических средств. Указанное обстоятельство подтвердила свидетель, участвовавшая в качестве незаинтересованного лица при обследовании жилища К., пояснив, что оперативные сотрудники искали наркотические средства, т. е. смотрели, что находилось на полках в стенке, все происходящее, по ее мнению, было похоже на обыск.

Таким образом, учитывая, что фактически в жилых помещениях Я. и К. были произведены обыски до возбуждения уголовного дела (в нарушение требований, установленных ст. 182 УПК РФ), суд обоснованно признал их результаты недопустимыми доказательствами, которые согласно ст. 75 УПК РФ не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ.

В приговоре Ржаксинского районного суда Тамбовской области⁹ указано, что в ходе проведения ОРМ «наблюдение» оперативные сотрудники осуществили запись телефонных переговоров между М., С., Н. и З. Как следует из прослушанной в судебном заседании фонограммы, запись проведена с согласия З., которая переключила свой телефон в режим «громкая связь» для удобства производства записи переговоров. На фонограмме слышен голос мужчины, из показаний свидетеля З. следует, что это голос оперативного сотрудника полиции, а произнесенные фразы адресованы ей: «Деньги дома, была случайно, домой доеду и вернусь».

В решении суда подчеркнуто, что по смыслу ФЗ «Об ОРД», наблюдение — это тайное, направленное, систематическое наблюдение за лицами, подозреваемыми в преступной деятельности, используемыми ими транспортными средствами, местами их нахождения с целью получения информации о признаках преступной деятельности, возможных соучастниках, местах хранения орудий совершения преступлений и похищенного имущества.

Как следует из материалов уголовного дела, сотрудники, проводившие ОРМ, открыто, с согласия лица, осуществляющего телефонные переговоры, произвели прослушивание и запись телефонных переговоров, что не может быть признано равнозначным ОРМ «наблюдение».

Судом обращено внимание на отсутствие документов, свидетельствующих о допустимости результатов ОРМ (заявления или письменного согласия З. о прослушивании переговоров, ведущихся с ее телефона; постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД, а также судебного решения, подтверждающего легитимность ОРМ).

Кроме того, суд указал, что не имеет значения, велось ли прослушивание и запись телефонных переговоров с подключением к системам связи или без такового, по тому основанию, что использование в ходе проведения ОРМ информационных систем, видео- и аудиозаписи, кино- и фотосъемки, а также других технических и иных средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей, имеет целью фиксацию хода и результатов проведения соответствующих ОРМ и не является самостоятельным ОРМ. Применение технических средств, в том числе средств аудиозаписи, осуществляется в рамках общего порядка проведения соответствующих ОРМ и само по себе не предопределяет необходимость вынесения о том специального судебного решения.

В соответствии с действующим законодательством судебное решение признается обязательным условием для проведения отдельных ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, а не для фиксации их хода и результатов. Основываясь на вышеизложенных обстоятельствах, суд пришел к выводу о признании недопустимым доказательством протокола осмотра предметов в части стенограммы прослушивания записи телефонных переговоров между З. и М., С., Н. и об исключении его из числа доказательств.

При оценке судом доказательств учитываются не только положения ФЗ «Об ОРД», но и соблюдение положений Инструкции. В судебной практике существуют случаи признания недопустимыми доказательств в связи с нарушением требований соответствующего межведомственного правового акта.

Например, в приговоре Новочеркасского городского суда Ростовской области в отношении Х.¹⁰ указано, что представленный в деле CD-диск с записью личного досмотра Х. суд признает недопустимым доказательством, поскольку данный диск был предоставлен в дело ненадлежащим процессуальным порядком, без предусмотренного ФЗ «Об ОРД» и обязательного для подобных случаев постановления о предоставлении результатов ОРД в следственный орган. Соответственно, недопустимым признается также протокол осмотра, содержащий сведения о прослушивании и фиксации поведения Х. при его досмотре и его высказываниях.

При рассмотрении данного уголовного дела судом установлено, что в нарушение требований ч. 4 ст. 11 ФЗ «Об ОРД», пп. 7–9 Инструкции, приложения 2 к Инструкции сотрудники оперативного под-

⁹ Приговор Ржаксинского районного суда Тамбовской области от 23 июля 2014 г. по делу № 1-19/2014.

¹⁰ Приговор Новочеркасского городского суда Ростовской области от 30 мая 2016 г. по делу № 1-611/2015.

разделения передали CD-диск в следственное подразделение в отсутствие решения руководителя органа, осуществляющего ОРД, о представлении результатов ОРД. Таким образом, суд, руководствуясь ст. 75 УПК РФ, исключил из числа доказательств протокол следственного действия, оформленный в соответствии с требованием уголовно-процессуального закона, в связи с допущенным нарушением предписаний ведомственного нормативного акта.

Отметим, что нарушение требований Инструкции о порядке рассекречивания сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей, также приводит к утрате доказательственного значения результатов ОРД. В качестве примера рассмотрим приговор Ленинского районного суда г. Нижнего Новгорода¹¹ в отношении Т., в описательно-мотивировочной части которого указано, что ОРМ, направленные на выявление, пресечение и раскрытие преступления, совершаемого Т., проводились оперативными сотрудниками при наличии у органа, осуществляющего ОРД, убедительных сведений об участии лица, в отношении которого проводится такое мероприятие, в подготовке или совершении противоправного деяния, что следует из содержания телефонных переговоров Т., в том числе содержащихся на рассекреченном диске, о возможной причастности его к сбыту наркотических средств. При этом в нарушение установленного законом порядка диск не рассекречен руководителем органа дознания, в связи с чем не может быть признан доказательством по уголовному делу.

Данное нарушение послужило основанием для признания судом недопустимым доказательством аудиозаписи телефонных переговоров, содержащейся на диске.

Еще один пример — приговор Центрального районного суда г. Омска¹². В нем в обоснование принятия решения о признании недопустимыми протокола осмотра и прослушивания компакт-диска с записями ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» суд указал, что согласно Инструкции (пп. 9, 12) представление результатов ОРД для приобщения к уголовному делу производится на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД. В случае представления результатов ОРД, полученных при проведении ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну телефонных переговоров, к ним прилагаются копии судебных решений о проведении ОРМ.

Как следует из материалов уголовного дела, постановлением руководителя соответствующего органа материалы ОРД в отношении Ф. переданы в следственное подразделение, в том числе компакт-диск с записью ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» Ф. В указанном постановлении отсутствуют данные о передаче следственной службе копии судебного решения, разрешающего проведение в отношении Ф. ОРМ «прослушивание телефонных переговоров».

Представленная в судебном заседании государственным обвинителем копия постановления судьи Омского областного суда о разрешении на проведение ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» не была принята судом во внимание, поскольку копия указанного постановления не заверена надлежащим образом.

Учитывая, что приобщение указанной копии к материалам уголовного дела без соответствующего постановления не соответствует процедуре представления результатов ОРД в судебном заседании, суд обоснованно принял решение об исключении из числа доказательств информационного носителя и протокола его осмотра, поскольку его получение и предоставление связано с нарушением требований ФЗ «Об ОРД» и Инструкции.

Результаты анализа судебной практики позволяют сформулировать вывод о необходимости принятия своевременных мер прокурорского реагирования в целях недопущения нарушений законодательства в сфере ОРД. Поскольку действующее законодательство не предполагает участия прокурора в судебной процедуре при разрешении вопроса о проведении ОРМ и получения им копии постановления по итогам его рассмотрения, оно не способствует своевременному выявлению прокурором незаконных решений. В связи с этим мы поддерживаем позицию В. В. Николюка о необходимости внесения в ст. 9 ФЗ «Об ОРД» положения о предварительном согласовании с прокурором представляемых в суд материалов о санкционировании ОРМ [9, с. 21], чтобы прокурорский надзор за ОРД носил предварительный, а не последующий характер.

Эффективность использования в процессе доказывания по уголовным делам результатов ОРД связана с непрерывным характером надзорной деятельности прокурора, качество которой будет способствовать исключению случаев признания судом доказательств недопустимыми и достижению назначения уголовного судопроизводства.

¹¹ Приговор Ленинского районного суда г. Нижнего Новгорода от 26 сентября 2019 г. по делу № 1-147/2019.

¹² Приговор Центрального районного суда г. Омска от 24 декабря 2014 г. по делу № 1-420/2014.

Список литературы

1. Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996.
 2. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : монография / под науч. ред. проф. В. Т. Томина. Н. Новгород, 2001.
 3. Стельмах В. Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021.
 4. Волков А. А., Лошкарев В. В. Актуальные проблемы соблюдения законодательства при проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан // Законность. 2016. № 4.
 5. Заика А. М., Нуриев Т. М. Требования прокурора о необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий // Законность. 2022. № 2.
 6. Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991.
 7. Глазунов Б. Б. Порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности // Российская юстиция. 2003. № 4.
 8. Гусев В. А., Луговик В. Ф. Теория оперативно-розыскных процедур : монография. М., 2021.
 9. Николюк В. В. Реализация полномочий судебной власти в сфере оперативно-розыскной деятельности как форма осуществления уголовного правосудия // Российская юстиция. 2023. № 9.
-

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арсанукаев Адам Рамзанович — заместитель прокурора Азовского немецкого национального района Омской области.

Архаров Александр Алексеевич — научный сотрудник Научного центра безопасности дорожного движения МВД России.

Белебева Максим Алексеевич — начальник ОП-9 УМВД России по г. Омску.

Белых Елена Анатольевна — преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Бондаренко Антон Алексеевич — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Булатов Борис Борисович — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Водяная Мария Юрьевна — доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Омской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Елисеев Евгений Анатольевич — старший оперуполномоченный по особо важным делам оперативно-розыскной части по обеспечению лиц, подлежащих государственной защите, УМВД России по Омской области.

Исаичева Мария Михайловна — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Кальницкий Владимир Васильевич — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, профессор.

Ляшук Анна Валерьевна — старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Николюк Вячеслав Владимирович — главный научный сотрудник НИЦ № 5 ФГКУ ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Павлов Антон Васильевич — начальник кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ткачева Екатерина Сергеевна — преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Шин Александр Клементьевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Шумилова Татьяна Николаевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

ABSTRACTS AND KEY WORDS

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

Arkharov A. A. Foreign Experience of Regulation of Issues of Operating Vehicles by other Persons in case of the Owner's Death

The article considers domestic and foreign experience of legal regulation of admission to operating vehicles after the death of the owner. The author draws attention to significant differences in the normative regulation of this issue in the Russian Federation and some foreign countries. On the basis of the analysis of corresponding normative prescriptions it is stated that in Russia irrespective of conditions of the contract of compulsory motor TPL insurance, concerning admission of other persons to operating a vehicle, in case of death of the owner the contract is considered invalid, operating such a vehicle is impossible before registration of the right of ownership and re-registration according to the procedure established by the legislation.

Keywords: safety, road traffic, vehicle, registration record.

Vodyanaya M. Yu. Some Issues of Interaction between Law Enforcement Agencies and Health Care Organizations in the Prevention of Offenses committed under Alcohol Intoxication

The article studies the activity of Internal Affairs' bodies, in particular, district police officers, related to the implementation of preventive work and assistance for citizens who are under alcohol intoxication. Various aspects of interaction between the police and medical organizations in revealing intoxicated persons are analyzed, gaps in the normative legal regulation that hinder the effectiveness of such interaction being identified. Possible ways of solving these problems are offered.

Keywords: interaction, police, health care organizations, alcohol intoxication, prevention.

Lyashuk A. V., Isaicheva M. M. Administrative and Legal Status of Persons placed in Police Temporary Detention Centers for Juvenile Offenders

The article deals with the issues of placement of minors in the police temporary detention center for juvenile offenders. The authors highlight the insufficiency of enumeration in the federal legislation and departmental orders of the categories of juveniles placed in the Center as problems, and propose to consider the need for changing the legal regulation on the issue of expanding the groups of juveniles with deviant behavior. The authors find it necessary to take into account the psychological characteristics of juvenile's personality to increase the effectiveness of individual preventive work carried out in the Center.

Keywords: juvenile, crime, police temporary detention centres for juvenile offenders, individual preventive work.

CRIMINAL LAW

Belebekha M. A. Formation and Development of the Institute of Responsibility for Illegal Migration in the Criminal Law of Russia

Under consideration is the problem of periodization of formation and development of the institute of criminal responsibility for illegal migration in the criminal law of Russia. Monuments of Old Russian law, Sobornoye Ulozhenie (Council Code) of 1649, as well as the legislation of the times of Peter the Great and Catherine II and later sources are studied. Periodization of the genesis of responsibility for illegal migration in Russian law is proposed.

Keywords: illegal migration, criminal responsibility, Russkaya Pravda, Sobornoye Ulozhenie (Council Code), foreigner, citizenship.

Eliseev E. A. The Concept of Terrorism in the Criminal Law of Russia and CIS Countries

Terrorism as a means of achieving political goals in Russia has been used since the middle of the 19th century, but responsibility for committing terrorist acts was first established only in the Criminal Code of the RSFSR of 1922. The concept of terrorist act did not remain unchanged. In the Criminal Code of the RSFSR of 1922, 1926 and 1960 a terrorist act was understood as murder or infliction of grievous bodily harm to persons defined in the dispositions of the relevant articles; later the Criminal Code of the RSFSR of 1960 was supplemented by Art. 2133, which stipulated liability for terrorism, the latter considered as committing explosions, arsons and other acts creating a danger of death, property damage or other grave consequences for terrorist purposes specified in the disposition of part 1 of Article 2133. Criminal liability for a terrorist act (act of terrorism) or terrorism is established by the criminal codes of all CIS member countries, the need for coordination of fight against terrorism requires the unification of the criminal legislation of these countries in the field of combating terrorism.

Keywords: terrorism, terrorist act, Model Criminal Code, CIS countries.

CRIMINAL PROCEDURE

Belykh E. A. The Procedure for Issuing by the Investigator of the Order on Measures taken to Eliminate Circumstances contributing to the Commission of Crimes

The article deals with topical issues of investigator's activity on establishing the circumstances which have contributed to the commission of a crime, realization of powers to issue appropriate orders, with the focus on the complexity of their establishment and correct reflection in the procedural decision. On the basis of his own practical experience in the bodies of preliminary investigation, as well as the results of a specially conducted empirical study, the author describes typical mistakes made by investigators when issuing orders on taking measures to eliminate circumstances that contribute to the commission of crimes, and other violations of the law. In accordance with the requirements of the criminal procedural law and departmental normative acts the procedure for issuing these orders to the appropriate organization or official is determined.

Keywords: preliminary investigation, subject of proof, circumstances, order, elimination.

Kalnitsky V. V., Yanina M. E. New Normative Regulation of Investigation after the Expiration of the Statute of Limitations for Criminal Liability

The article is a logical continuation of the material published by the authors in the previous issue of the journal. Under consideration are the provisions of the law regulating, in fulfillment of the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, pre-trial proceedings after the expiration of the statute of limitations for criminal liability, as well as the practice of its application.

Keywords: statute of limitations, exemption from criminal liability, termination of criminal case, pre-trial proceedings, expiration.

Pavlov A. V. Circumstances which Contributed to the Commission of Theft of Funds via Electronic Means of Payment and Measures to Eliminate them

Crimes committed with the use of information and telecommunication technologies pose a serious threat to the national security of the Russian Federation. Preventive measures should be recognized as one of the promising direction for improving the effectiveness of law enforcement agencies in this area. Based on the monitoring of law enforcement practice the most typical circumstances, which contributed to the commission of these crimes, are specified, as well as measures to eliminate them. The proposed recommendations will optimize the preparation of orders issued in accordance with part 2 of Article 158 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

Keywords: crime prevention, order, elimination, electronic means of payment, information and telecommunication technologies, "social engineering".

Tkacheva E. S. Restriction of the Constitutional Right to Freedom and Personal Inviolability during the Detention of a Suspect

The article is devoted to some issues connected with detention of a suspect: defining the moment of actual detention, peculiarities of drawing up the corresponding report, estimation of legality and validity of detention by the court, and also the court's consideration of the time of detention when calculating the term of application of measure of restraint in the form of detention in custody.

Keywords: pre-trial proceedings, restriction, constitutional right, personal inviolability, detention, preventive measure.

Shin A. K. Realization of the Right to be Familiarized with the Ruling on the Assignment of Forensic Examination at the Stage of Initiation of Criminal Proceedings

The article covers the issues of conducting forensic examination at the stage of initiation of a criminal case in the context of realization of the right to familiarize with the ruling on its appointment by the persons concerned. The author substantiates the position on the necessity of ensuring this right after issuing the relevant ruling before the persons are given formally defined procedural status of a victim, suspect, witness.

Keywords: pre-trial proceedings, stage, initiation of criminal proceedings, forensic examination, familiarization.

METHODS OF TEACHING AND REVIEWING OF EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC PUBLICATIONS

Bulatov B.B., Nikolyyuk V.V., Kalnitsky V.V. Review of the educational and methodical complex "Criminal Procedure" (Bozrov V.M., Davletov A.A. Practicum on Criminal Procedure. Ekaterinburg, 2023. 107 p.; Bozrov V. M., Davletov A. A. Criminal Procedure. Training and methodical complex. Ekaterinburg, 2023. 207 p.)

Kalnitsky V. V. **The Process of Proving as a Learning Issue**

The included observation shows that departments have begun to move further away from the principle of unity of teaching, which assumes uniform coverage of key problems of the topic, basic provisions of individual academic issues with freedom of expression of the teacher's own opinion by stipulating divergences from the departmental position. This tendency leads to the fact that the learning material is distributed and structured differently, which interferes with students' perceiving and interpreting it. To a large extent, the problem of the content of the presented material refers to the educational issue "The process of proving", studied within the framework of the topic "Evidence and Proof" of the discipline "Criminal Procedural Law (Criminal Procedure)". This material describes one of the possible approaches to the presentation of the issue.

Keywords: process of proving, collecting evidence, evidence evaluation, teaching methodology, criminal procedure.

TO ASSIST STUDENTS IN LEARNING CRIMINAL PROCEDURE

Bondarenko A. A. **Specifying a Criminal Case into a Separate Proceeding with regard to "Other Persons". Separation of Criminal Case File**

The article is an actual continuation of the previously published material devoted to the characterization of the decision to specify the criminal case into a separate proceeding. In contrast to the previously discussed procedural prerequisites for the dismissing of a criminal case, the decisions in the title are fundamentally a classical separation of a single proceeding, since nothing unites the criminal prosecutions realized in it, their combination is impossible (paragraph 3 of Part 1 of Article 154, Part 1 of Article 155 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). The complete autonomy of criminal prosecutions established during the investigation predetermines the form, content, as well as the procedure of the decision, which require discussion in the classroom when considering the relevant general condition for the preliminary investigation. It is also methodologically difficult to explain the significant deformation of the law enforcer's attitude to the decisions under study in case when a new crime is established during the preliminary investigation.

Keywords: specifying the criminal case, criminal case file, complex criminal case.

Arsanukaev A. R., Shumilova T. N. **Use of the Results of Operational Crime Detection in the Process of Proving the Criminal Cases**

The article is devoted to the procedure of using the results of operational crime detection in proving criminal cases. The authors define problematic aspects of the theory and practice of prosecutor's supervision over the execution of laws by the bodies that deal with operational crime detection, and also describe the results of the analysis of judicial practice of recognizing the results of operational crime detection as inadmissible evidence.

Keywords: the process of proving, inadmissible evidence, operational crime detection, prosecutor's supervision, results of operational crime detection.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Вниманию авторов журнала «Законодательство и практика»!

Редакция журнала принимает к опубликованию:

1. Статьи по проблемам законотворчества, теории уголовного, уголовно-процессуального права, криминалистики, криминологии, оперативно-розыскной деятельности. Поскольку основная направленность журнала — прикладная, предпочтение отдается статьям, в которых рассматриваются вопросы, актуальные для правоприменительной практики.

2. Комментарии ученых к законам, ответы на вопросы правоприменителей, анализ и обобщение прокурорской, следственной и судебной практики, разъяснение позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

3. Обзоры следственной, прокурорской и судебной практики.

4. Методические рекомендации по вопросам правоприменения, а также методике и тактике расследования преступлений.

5. Опыт расследования преступлений.

6. Материалы о юристах — профессионалах своего дела.

7. Очерки истории органов предварительного расследования, прокуратуры, судов.

Требования, предъявляемые к материалам:

1. Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 п. л., включая приложения. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных лежит на авторах.

2. Прилагать к рукописи:

— список ключевых слов (не более семи речевых единиц);

— аннотацию.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Объем аннотации — до 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна:

— быть перифразом заглавия статьи;

— включать малоинформативные формулировки.

Перевод метаданных на английский язык осуществляется силами редакционной коллегии.

3. Автор должен указать следующие анкетные данные: фамилию, имя, отчество (полностью, а не инициалы), должность, ученую степень, ученое звание, электронный адрес, телефон.

4. Рукописи представлять на бумажном и электронном носителях (в форматах DOC, RTF или ODT, кегль 14, с параметрами страницы сверху, снизу, справа, слева — 2,5 см, межстрочным интервалом — 1,5 см).

5. Использовать сквозную нумерацию сносок, располагая их в конце статьи (концевые сноски).

6. К материалам, подготовленным преподавателями, не имеющими ученой степени, адъюнктами и аспирантами, прилагать выписку из протокола заседания соответствующей кафедры образовательной организации.

Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издательства, не допускается.

Представляя статью для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение ее и метаданных в тех информационных системах, с которыми у издателя имеются соответствующие соглашения.

Рукописи принимаются заместителем главного редактора Пупышевой Любовью Андреевной (т. р. (3812) 75-11-28, 75-11-13, доб. 2-42, кафедра уголовного процесса Омской академии МВД России, т. с. 8-905-921-97-22). Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, редколлегия журнала «Законодательство и практика». E-mail: prozess_oma@mail.ru.

Редколлегия оставляет за собой право направлять рукописи на рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Все статьи публикуются бесплатно.

Приглашаем практических работников принять участие в дискуссии по наиболее важным проблемам применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Периодичность выхода журнала — 2 номера в год.

Уважаемые коллеги!

Полнотекстовая версия журнала находится в сети Интернет на сайте Научной электронной библиотеки: <http://elibrary.ru>.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).